

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**2015
№ 3**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков, С.Д. Князев, А.И. Коробеев, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю**

**2015
№ 3**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:

690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15

Владивосток ◆ Дальневосточный федеральный университет, 2015

PACIFIC RIM

- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C.R. Irish, P.Y. Baklanov, V.G. Belkin,
E.P. Zharikov, S.D. Knyazev, A.I. Korobeev, S.U. Lee,
N. Park, V.F. Pecheritsa, N.G. Prisekina,
D. Sneider, K.C. Fu and D. Huang**

**2015
№ 3**

**Research
and Socio-political
Journal**

Address:

Far Eastern Federal University

8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA

Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

Vladivostok ◆ Far Eastern Federal University, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям журнала	6
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ	
<i>Бобыло А.М., Песцов С.К.</i> Национальная безопасность: эволюция теоретических представлений и национальные политические практики США, КНР и РФ	9
<i>Кулинич А.А.</i> Антияпонизм в виртуальном пространстве Китая в начале XXI века	22
<i>Коротич С.А.</i> Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии: эволюция объединения и растущая значимость Китая	30
<i>Лыков К.Ф., Суховой Д.А.</i> Использование военной силы: проблемы систематизации подходов в трудах представителей политико-академического сообщества США	44
ЭКОНОМИКА РЕГИОНА	
<i>Кравченко А.А., Сергеева О.О.</i> Продовольственная безопасность и развитие рынка биотоплива: конфликт интересов	56
<i>Жариков Е.П.</i> Экономика окраинного региона в условиях трансграничности	69
<i>Заусаев В.К., Сафронов М.Г.</i> Экономико-социологическая оценка качества жизни жителей российского Дальнего Востока	77
ПРАВО	
<i>Ващук А.С., Шишкина О.Е.</i> Состояние административной деликтности в сфере миграции в 2010–2014 гг. (На материалах Приморского края и Амурской области)	90
<i>Хабибулина О.В.</i> Проблемы законодательства о противодействии коррупции на государственной службе	100
<i>Колесников А.В.</i> Понятие и характеристика преступлений против личности, совершаемых в условиях неочевидности	115
<i>Князева Н.А., Князева Е.А.</i> Международное сотрудничество в борьбе с пиратством и морским терроризмом	126
Сведения о членах редколлегии	136

CONTENTS

To the Readers	6
REGIONAL SECURITY ISSUES	
<i>Andrey M. Bobylo, Sergey K. Pestsov.</i> National security: the evolution of national theoretical concepts and political practice of the United States, China and Russia	9
<i>Alexey A. Kulinich.</i> Anti-japanism in virtual space China at the beginning of the XXI century	22
<i>Semen A. Korotich.</i> Conference on interaction and confidence-building measures in Asia: evolution of the gathering and the growing significance of China	30
<i>Konstantin F. Lukov, Darya A. Sukhovey.</i> Use of military force: comparative analysis of American political scientists' approaches	44
THE ECONOMY OF THE REGION	
<i>Alla A. Kravchenko, Olesya O. Sergeeva.</i> Food security and development of biofuel market: conflict of interests	56
<i>Evgenie P. Zharikov.</i> Economy outskirts of the region in the conditions of transboundary	69
<i>Vadim K. Zausaev, Michael G. Safronov.</i> Economic Sociology Quality of life residents of the Russian Far East	77
LAW	
<i>Angelina S. Vashchuk, Olga E. Shishkina.</i> Situation in administrative criminality in the sphere of migration in the 2010–2014 (on materials of Primorye territory and Amur region of Russia)	90
<i>Olga V. Khabibulina.</i> The Problems of Anti Corruption Legislation in the public service	100
<i>Andrei. V. Kolesnikov.</i> The concept and characteristics of crimes against the person committed in the context of non-obviousness	115
<i>Natalya A. Knyazeva, Ekaterina A. Knyazeva.</i> International cooperation in the fight against piracy and maritime terrorism	126
Editorial board's data	136

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 стр. машинописного текста, включая список литературы (не более 20 источников);

- Ф.И.О. (полностью), ученую степень и ученое звание, должность, место работы – на русском и английском языках, e-mail для связи с читателями;

- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20);

- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;

- Список литературы (на русском яз.) и References (на англ. яз.) – в конце статьи;

- поля: все – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт Times New Roman, № 14.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу:

690950, Владивосток, ул. Суханова, 8, зам. гл. редактора.

Информация о журнале в Интернете: apm-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "The Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;

- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;

- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references (no more than 20 sources);
- Full NAME (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages; access to e-mail for communication means with readers;
- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words, keywords (at least 20);
- links placed in square brackets, for example, «According to [5], or the cited reference [5, p. 18]»;
- list of Literatours (in Russian languages) and References (in English languages) should be placed at the end of the article;
- margins: all – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.

We hope that the journal the Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA, Deputy Chief Editor.

Use the following internet link to access the journal's website:
apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

REGIONAL SECURITY ISSUES

УДК 327(100)-049:5

Бобыло Андрей Михайлович, кандидат политических наук, директор Департамента интернационализации Дальневосточного федерального университета, докторант кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: sibiryak_84@mail.ru

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: skpfox@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ США, КНР И РФ

Проблематика безопасности достаточно давно и прочно заняла свое место в теории и практике международных отношений. Процессы глобальной трансформации мира после окончания холодной войны привели к оживлению связанных с ней дискуссий, наглядным подтверждением чего стало не только количественное увеличение разного рода исследований, но и появление серьезных концептуальных прорывов. Общий тренд, который все более отчетливо прорисовывается с появлением новых подходов к концептуализации проблем безопасности, в основном связан с существенным расширением и переосмыслением самого концепта безопасности. Он внутренне дифференцируется, начиная охватывать все большее число самых разных сфер, уровней, акторов.

Так, например, если исследователи, опирающиеся на реалистскую парадигму, по-прежнему склонны связывать безопасность с достаточно узкой сферой военно-политических проблем и рассматривать государство в качестве единственного референтного объекта, то сторонники либеральной традиции, подчеркивающие важность и необходимость более широкого взгляда на проблематику безопасности, настаивают на том, что международные отношения, наряду с соперничеством, в той же мере характеризуются сотрудничеством и взаимозависимостью. В то же время представители критической школы исследований проблем безопасности (Копенгаген-

ская школа) идут еще дальше, полагая, что безопасность следует рассматривать как результат индивидуального (субъективного) понимания и потому она может быть представлена множеством способов в разных сочетаниях, включая самых различных акторов – от наиболее (государства) до наименее (индивиды) структурированных.

При этом указывается на то, что проблема безопасности превращается в реальную угрозу только тогда, когда она артикулируется как таковая. Данный подход также предполагает выделение различных секторов безопасности (военного, политического, экономического, экологического) и нескольких ее уровней – от глобального (международная система) до уровня отдельного индивида. А потому безопасность не может быть сведена только лишь к безопасности военной и политической. Она должна включать более широкий круг «невоенных» вопросов, которые, тем не менее, способны создавать угрозы выживанию.

В этой связи с неизбежностью встает вопрос, насколько меняющиеся теоретические представления находят свое отражение в практической политике отдельных государств. Или, более конкретно, насколько изменились и изменились ли вообще в последнее время политика государств и содержание их национальных стратегий обеспечения безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, уровни безопасности, национальные стратегии, традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности, индикаторы состояния безопасности США, КНР, РФ.

UDC 327(100)-049:5

Andrey M. Bobylo, Doctoral student at Department of International Relations, School of Regional and International Studies, Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: sibiryak_84@mail.ru

Sergey K. Pestsov, Professor at Department of Advertisement and Public Relations, School of Humanities, Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: skpfox@mail.ru

NATIONAL SECURITY: THE EVOLUTION OF NATIONAL THEORETICAL CONCEPTS AND POLITICAL PRACTICE OF THE UNITED STATES, CHINA AND RUSSIA

The issue of security firmly took its place in the theory and practice of international relations. The processes of global transformation of the world after the Cold War led to a revival of the related discussions, which were confirmed by not only a quantitative increase in all sorts of investigations, but also the emergence of serious conceptual breakthroughs. The general trend, which is more

clearly drawn with the emergence of new approaches to the conceptualization of security problems, mostly related to the significant expansion and re-interpretation of security concept. It is internally differentiated from cover an increasing number of the most different areas, levels and actors. If traditionalists, based on the realist paradigm, still tend to associate safety with a rather narrow sphere of military-political issues and to consider the state as the sole reference object, the supporters of the liberal tradition, emphasizing the importance and the need for a broader view of the problems of security, insist that international relations, along with competition, to the same extent characterized by cooperation and interdependence. Representatives of the critical school for Security Studies (Copenhagen school) go further, believing that security should be seen as the result of individual understanding, and because it can be represented in many ways, and various combinations, including a variety of actors – from the most (the state) to the least (individuals) structured. This approach also focuses attention on the subjective aspect, pointing out that security is converted into such only when it is articulated as a problem of security. It also is necessary to highlight the various security sectors (military, political, economic, ecological) and its several levels – from the global (international system) level to individual one.

And because security can not be reduced only to its military and political kinds, It should include a wider range of "non-military" matters which, nevertheless, are capable of creating threats to survival.

In this regard, the inevitable question arises how the changing theoretical concepts are reflected in the practical policy of individual states. Or, more specifically, what manner the policy and the content of their national security strategies has changed, in recent years.

Keywords: national security, security levels, national strategies, traditional and non-traditional security threats, security status indicators of the USA, PRC, Russian Federation.

Проблематика безопасности достаточно давно и прочно заняла свое место в теории и практике международных отношений. Процессы глобальной трансформации мира после окончания холодной войны привели к оживлению связанных с ней дискуссий, наглядным подтверждением чего стало не только количественное увеличение разного рода исследований, но и появление серьезных концептуальных прорывов [1]. Общий тренд, который все более отчетливо прорисовывается с появлением новых подходов к концептуализации проблем безопасности, в основном связан с существенным расширением и переосмыслением самого концепта безопасности. Он внутренне дифференцируется, начиная охватывать все большее число самых разных сфер, уровней и акторов. Хотя традиционалисты, опирающиеся на реалистскую парадигму, по-прежнему склонны связывать безопасность с достаточно узкой сферой военно-политических проблем и рассмат-

ривать государство в качестве единственного референтного объекта, этот подход постепенно утрачивает свою доминирующую позицию. Всё чаще он оспаривается сторонниками либеральной традиции, подчеркивающими важность и необходимость более широкого взгляда на проблематику безопасности. Они настаивают на том, что международные отношения, наряду с соперничеством, в той же мере характеризуются сотрудничеством и взаимозависимостью. А потому безопасность не может быть сведена только лишь к безопасности военной и политической. Она должна включать более широкий круг «невоенных» вопросов, которые, тем не менее, способны создавать угрозы выживанию.

Представители критической школы исследований проблем безопасности идут еще дальше, полагая, что безопасность следует рассматривать как результат индивидуального понимания и потому она может быть представлена множеством способов и разных сочетаниях, включая самых разных акторов – от наиболее (государства) до наименее (индивиды) структурированных. В рамках Копенгагенской школы внимание также акцентируется на субъективном аспекте безопасности, указывая на то, что проблема безопасности превращается в реальную угрозу только тогда, когда она артикулируется как таковая. Сторонники данного подхода также настаивают на необходимости выделения различных секторов безопасности (военного, политического, экономического, экологического) и нескольких ее уровней – от глобального (международная система) до уровня отдельного индивида.

Таким образом, нельзя не признать, что с появлением новых подходов к теоретическому осмыслению проблемы безопасности существенным образом усложняется сам концепт безопасности, раздвигаются его границы, усложняется внутренняя структура [2]. В этой связи с неизбежностью встает вопрос, насколько меняющиеся теоретические представления находят свое отражение в практической политике отдельных государств. Или, более конкретно, насколько изменились и изменились ли вообще в последнее время политика государств и содержание их национальных стратегий обеспечения безопасности. Здесь следует учитывать, что теоретическое многообразие далеко не всегда облегчает принятие практических решений. В частности, как справедливо отмечает в этой связи Х. Морофф, «невоенная безопасность является отрицательным определением и теоретически может охватывать все сферы внутренней безопасности государства» [2]. В этой связи достаточно интересным и актуальным представляется сравнительный анализ состояния и уровня национальной безопасности трех государств – России, КНР и США, не только являющихся ключевыми игроками в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и оказывающих весьма существенное влияние на общую архитектуру международных отношений современного мира.

Говоря об оценке состояния и уровня национальной безопасности, прежде всего необходимо конкретизировать содержание данного понятия, как оно трактуется в данной работе. В традиционных (геополитических) измерениях

термин «национальная безопасность» характеризует физическое выживание государства, защиту и сохранение его суверенитета и территориальной целостности, способность адекватно реагировать на любые реальные и потенциальные внешние угрозы. В более широком смысле национальная безопасность представляет собой определенный уровень защищенности страны, ее устойчивость перед негативным воздействием политических, экономических, военных, экологических и других факторов как внутри страны, так и извне. В ее основе – территориальная целостность и стабильность государства и общества, благополучие и возможности для дальнейшего развития нации.

В современном понимании национальная безопасность охватывает ключевые аспекты экономической, внешней и военной политики государства, должны обеспечить защиту и реализацию национальных интересов внутри страны и за ее пределами. Соответственно, к числу основных приоритетов национальной безопасности практически любого государства могут быть отнесены: защита единства и целостности государства; проведение дальновидной демографической и экологической политики; обеспечение эффективности национальной экономики; социально-политическое и культурное самоопределение; положение и престиж государства в мире; стратегически продуманная внешнеполитическая активность.

Основные угрозы национальной безопасности могут быть разделены на две категории. К первой группе – традиционных угроз безопасности – следует отнести те, в целях разрешения которых в качестве одного из базовых средств применяется легитимное насилие (военные акции, санкции, эмбарго, сепаратизм, наркоторговля, коррупция). Ко второй группе – нетрадиционным угрозам безопасности – относятся различные явления и события, приводящие к снижению общего уровня безопасности отдельных акторов, но индукция и (или) разрешение которых не связаны с применением легитимного насилия (экологические кризисы, интеллектуальная миграция, гомогенизация культуры и т. д.) как одного из базовых средств. Распространение или повышение значимости нетрадиционных угроз безопасности не означает, что традиционные угрозы безопасности в форме межгосударственных конфликтов сходят на нет. Однако усиление влияния проблем нетрадиционной безопасности и стремление международных акторов найти на них адекватный ответ, находит свое отражение в пересмотре многими государствами подходов к обеспечению национальной безопасности.

Для объективной оценки состояния национальной безопасности государства необходим соответствующий набор критериев. Довольно часто с этой целью используются измерения национальной мощи, которая рассматривается в качестве индикатора национальной безопасности [3]. В данном случае, не претендуя на полноту исследования, уровень национальной безопасности в рассматриваемых странах (США, КНР, РФ) мы анализируем исходя из состояния дел в четырех – традиционных и нетрадиционных – сферах: а) военной; б) экономической; в) экологической и

г) социетальной. Каждую из перечисленных сфер безопасности характеризует определенный набор индикаторов, отражающих их состояние. Набор показателей в каждом из видов может быть детализирован по-разному, но в данном случае мы ограничимся только самыми общими из них.

Состояние безопасности в военной сфере в первую очередь определяют пороговые значения двух основных индикаторов: (1) численность вооруженных сил (ВС) и (2) доля расходов на оборону и материально-техническая оснащенность ВС. Пороговые значения показателей экономической безопасности могут быть дифференцированы по трем группам: (1) показатели, касающиеся производственной сферы, ее способности функционировать при минимальной зависимости от внешнего мира, (2) показатели уровня жизни населения и (3) индикаторы финансового состояния. В качестве ключевых показателей уровня жизни выступают индикатор соотношения доходов 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения (децильный коэффициент) и уровня безработицы, где среднемировое пороговое значение определено на уровне 5%. Наконец, в качестве индикатора финансового состояния используется валовой национальный продукт (ВНП), который отражает объем производства, находящегося под контролем корпораций (производителей) и частных лиц данной национальности. По этой группе определяются многие пороговые значения, в частности, важнейшие из них: объем внутреннего долга в процентах к ВВП – 30%; объем внешнего долга в процентах к ВВП – 25%; дефицит бюджета в процентах к ВВП – до 5%; объем иностранной валюты в наличной форме к объему национальной валюты – 25%; денежная масса в процентах к ВВП – 50%. В качестве индикаторов экологической безопасности может быть использована описательная шкала от 1 до 3 баллов, где 1 – нормальная экологическая ситуация; 2 – предкризисная; 3 – кризисная. Что касается социетальной безопасности, то она обеспечивается комплексом мер, направленных на поддержание нормального функционирования и развития общества и выражается в таких индикаторах, как доля государственных расходов на социальные сферы (образование, НИОКР, здравоохранение, культура) в % от ВВП, доля лиц с высшим образованием в трудоспособном возрасте и т. д. [4, с. 87].

Реальные значения показателей национальной безопасности приведены к единому знаменателю в соответствии с общей предложенной методологией оценки безопасности (табл. 1). При этом следует оговориться, что специфика социально-политического и экономического построения и функционирования каждого общества заставляет с некоторой осторожностью оперировать унифицированными показателями развития, так как «критические точки» или «пределы возможностей», характерные для одной страны, могут иметь иные параметры в других случаях. Помимо этого, в различных государствах приняты свои методы сбора и обработки статистической и социологической информации, что зачастую затрудняет

сравнительный анализ сходных социальных процессов. Поэтому конкретные предельно-критические величины показателей безопасности, предлагающиеся разными авторами, зачастую носят условный и, отчасти, субъективный характер.

Таблица 1

**Основные индикаторы национальной безопасности
в международном сопоставлении (США, КНР, РФ)**

Основные показатели оценки национальной безопасности	Состояние национальной безопасности и ее предельные нормативы		
	США	КНР	РФ
1. Объем ВВП (млрд долл.)	18124,7	11211,9	1176,0
2. Уровень безработицы (%)	5,4	14,2	9
3. Уровень роста потребительских цен (%)	4,3	5,9	11,9
4. Уровень государственного долга (в % от ВВП)			
– внешнего	86	22	30
– внутреннего	54	34	25
5. Уровень обеспеченности ресурсами в социальной сфере (в % от ВВП):			
– здравоохранение	10	4,0	3,8
– образование и наука	5,6	4,7	4,1
– культура	5,1	3,4	0,6
6. Доля лиц с высшим образованием в трудоспособном возрасте (26–64 лет) (%)	37	17	23,3
7. Уровень ежегодного обновления вооружения (%)	80	70	30
8. Уровень обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами (%)	90	80	85
9. Децильный коэффициент (раз)	10	12	17
10. Экологическая ситуация по 3-балльной шкале (1 – нормальная; 2 – предкризисная; 3 – кризисная)	1	3	2

Анализ политической практики подтверждает, что все три рассматриваемые страны по-прежнему преимущественно озабочены минимизацией традиционных угроз, главной из которой выступает угроза военная. Именно они, в соответствии с данными Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ) составили в 2014 г. тройку миро-

вых лидеров по уровню военных расходов. На первом месте в этом рейтинге оказались США – 610,0 млрд долл., или 3,5% ВВП, на втором – Китай с 216,0 млрд долл., или 2,1% ВВП, на третьем – РФ с 84,5 млрд долл., или 4,5% ВВП [5].

На сегодняшний момент вооруженные силы США, по ряду экспертных оценок, насчитывают около 1 млн 400 тыс. профессиональных военнослужащих (контрактников). Кроме того, в военную организацию США входит организованный резерв, состоящий из национальной гвардии и резерва 1-й очереди – всего 1 млн 230 тыс. человек. В настоящее время американские вооруженные силы оснащены самой современной техникой, их личный состав имеет высокую профессиональную подготовку и значительный опыт участия в боевых действиях. По мнению экспертов, к 2020 г. США полностью закончат модернизацию своих ВС. Только на содержание военнослужащих и военное строительство в США ежегодно расходуется более 160 млрд долл., или более 50% всех военных ассигнований. (В бывшем СССР – 70,9 млрд руб., а по некоторым данным – не менее 100 млрд долл.). В целом, в 2014 г. американские расходы на оборону составили 664 млрд дол. США, включая 130 млрд долл. США на военные расходы в Ираке и Афганистане [6].

Масштабные усилия, связанные с укреплением национальной военной мощи США, опираются на достаточно устойчиво функционирующую, несмотря на замедление темпов роста, производственную систему. США остаются крупнейшим в мире экспортером товаров (13% мирового экспорта) и услуг (18% мирового экспорта). В совокупности на долю США приходится 16% мирового объема экспорта. Сегодня около 10% ВВП страны и 30% всех производимых в США материальных ценностей реализуются на внешних рынках. В 2006 году экспорт составил около 1,5 трлн долларов. Экспорт товаров и услуг создаёт около 11–12% ВВП США. Тем не менее, дефицит торгового баланса США составляет 13%. Примерно треть ежегодного прироста ВВП страны происходит за счет экспортного производства в высокотехнологичных, высокопроизводительных секторах хозяйства, благодаря чему в стране появилось 1,5 млн новых рабочих мест. Иначе говоря, интернационализация воспроизводственных процессов в США вступила в качественно новую фазу, главная особенность которой – участие Соединенных Штатов в становлении единого воспроизводственного механизма в рамках мирового хозяйства [7]. Помимо этого, США являются крупнейшим в мире экспортером капитала (в год вывозится около 0,3–0,4 трлн долларов). Прибыли на прямые инвестиции за границей являются также важным источником финансирования экономического развития США, составляя до трети всего объема прибыли американских корпораций. Расширение производства услуг и товаров для сбыта на зарубежных рынках является одним из главных факторов американского хозяйственного роста [7].

Не отличаются значительной остротой в США и проблемы экологического характера. С опасностью масштабного экологического кризиса страна столкнулась еще в 1960–1970 гг., что привело к принятию закона о национальной политике в отношении окружающей среды и увеличению расходов на природоохранные мероприятия. Активно начали внедряться новые технологии. Значительную инициативу стала проявлять общественность. Улучшилось экологическое образование и воспитание молодежи. В результате состояние окружающей среды в США в целом заметно улучшилось, хотя в некоторых районах экологическая ситуация продолжает оставаться сложной.

Одним из лидеров по численности вооруженных сил является также Народно-освободительная армия Китая (НОАК), насчитывающая более 2 млн человек. Важное внимание в КНР уделяется и вопросам материального обеспечения ВС. Военные расходы Китая в 2012 году выросли на 7,5%, достигнув 532 млрд юаней (примерно 78 млрд дол. США). По данным западных аналитиков, эти цифры существенно занижены. Пентагон оценил реальные расходы Китая в 2010 г. в 105–150 млрд долл. США. По официальным данным, Китай занимает второе место после США в классификации военных расходов стран мира. При 8,5% росте ВВП в 2010 г. Китай официально потратил на оборону 1,4% ВВП. По этому показателю он уступает и США, и России, чьи военные расходы варьируются в пределах 2–4% ВВП. Но если принять во внимание и неофициальные затраты, то доля ВВП, идущая на финансирование военного аппарата в Китае, возрастает до 3–4% [6].

С конца 1970-х годов КНР демонстрирует чрезвычайно высокие темпы развития экономики, которые более чем в два раза превышают темпы промышленно развитых стран. Причем темпы экономического развития до последнего времени были не только высокими, но и стабильно растущими. Например, если в 1980–1990 гг. среднегодовой прирост ВВП составил 9%, то в 1990–2000 гг. этот показатель вырос еще на три пункта. В течение 1980–2000 гг. ВВП вырос в четыре раза и в 2000 г. превысил один триллион долларов США. По оценкам международных экспертов, к 2025 г. производство ВВП в Китае составит 6–7 триллионов долларов [8].

Вместе с тем, Китай в настоящее время не только сам сталкивается с серьезными проблемами в области экологии, но и становится реальной экологической угрозой для всего мира. Уровень загрязнения воздуха, рек и городов в стране является одним из самых высоких в мире. Загрязнение воздуха, особенно в крупных городах, достигло катастрофических показателей. В двух третях городов максимально допустимое загрязнение воздуха превышено в пять раз. По показателю выброса парниковых газов страна вышла на первое место, опередив США. Несмотря на значительное сокращение энергозатрат, КНР в два раза увеличила количество выбросов углекислого газа с момента подписания Киотского протокола в 1997 г. Около 80% тепловых электростанций Китая работают на угле, самом экологиче-

ски вредном в плане выбросов CO^2 топливе. Загрязнено около 75% рек и озер, 90% подземных вод, вода многих рек настолько токсична, что не подходит даже для полива [8]. Экологическая ситуация в Китае настолько тяжела, что затрагивает практически все сферы жизни общества, начиная с угрозы здоровью и жизни населения и заканчивая проблемами внутривнутриполитической стабильности и имиджа страны в мире [8].

Численность ВС РФ в настоящее время составляет 1 млн 200 тыс. чел., их укомплектованность личным составом – 95,7 тыс. чел. За последние 5 лет уволено более 410 тыс. кадровых офицеров, из них каждый третий (119 тыс.) – в возрасте до 30 лет. При сохранении этой тенденции в ближайшие 2–3 года, как отмечают российские эксперты, уровень укомплектованности ВС офицерами может снизиться ниже критического и составит 50–60% [6]. В России в последние десятилетия, подчеркивают они, складывается крайне неблагоприятная ситуация в материальном обеспечении ВС. Несмотря на решение Президента РФ о ежегодном выделении для национальной обороны не менее 3,5% от ВВП, национальная оборона финансировалась и продолжает финансироваться в значительно меньших размерах. Так, в 1999 г. объем финансирования составил 2,24% от ВВП (91,75 млрд руб.), в 2000 г. – 2,63% от ВВП (140,85 млрд руб.), а в 2002 г. – 2,27% от ВВП [6]. Разница между минимальными потребностями вооруженных сил, их бюджетным удовлетворением и особенно реальным финансированием неуклонно растет. Задолженность ВС РФ как перед поставщиками продукции и услуг, так и перед личным составом накапливается с каждым годом (от 2,2 млрд руб. в 1994 г. до 58,1 млрд руб. в 2000 г.). Ситуация начала меняться только с 2002 г. и постепенно приобретает устойчивый характер. Хотя ВС РФ в количественном плане обеспечены основными видами вооружения, военной техники и другими материальными средствами в среднем на уровне 90%, доля современных образцов вооружения и военной техники в целом составляет менее 30%, в то время как в современных армиях мира этот показатель – более 70%. Процент вооружения, требующего в основном капитального и среднего ремонта, составляет около 20%, при этом по самолетам, вертолетам и боевым средствам ВМФ объемы неисправного вооружения приближаются к опасной черте (от 56 до 82%) [9].

Таким образом, даже самый общий анализ показывает, что наличие неисправного вооружения и военной техники к 2020 г. возрастет до 60%, а их доля со сроками эксплуатации свыше 10 лет составит 80–90%. К этому сроку более половины имеющегося у ВС РФ вооружения будет неисправно, а остальное – иметь ограниченный ресурс эксплуатации. В связи с этим, указывают российские эксперты, сегодня России необходима кардинальная реформа всей оборонной сферы. При этом первоочередной мерой должно, по их мнению, стать доведение уровня расходов на военную организацию страны до уровня 5,1% от ВВП, в том числе по разделу «национальная оборона» – 3,5% от ВВП [10].

Объективные пределы в этом случае определяют состояние и тенденции развития российской экономики. Российскими экономистами, участвовавшими в разработке государственной стратегии экономической безопасности, в 1996 г. была определена следующая величина пороговых значений: объем ВВП в целом в размере 75% от среднего показателя по странам «большой восьмерки», ВВП на душу населения – 50%. Следует признать, что фактические показатели в России в настоящее время существенно ниже указанных пороговых значений. Размер ВВП в целом составляет сейчас порядка 60% от среднего показателя по странам «большой восьмерки», и на душу населения – примерно 20%, а также 25% от среднемирового. Среди наиболее развитых стран мира по размерам ВВП в целом Россия опустилась во вторую десятку [6]. По ВВП на душу населения Россия оказалась на 59 месте в мире. Если, как это принято в международных экономических сопоставлениях, выразить отставание России показателем производства ВВП на душу населения в долларах не по обменному курсу, а по паритету покупательной способности рубля, то еще в 2000 г. РФ уступала США в 5 раз, Китаю – в 4 раза [9]. При таких объемах производства экономическая безопасность России явно находится под угрозой.

С достаточно серьезными проблемами сталкивается РФ и в социальной сфере. В настоящее время, по данным специалистов РАН, в Европе децильный коэффициент колеблется в пределах 6–8 раз, в Китае и США – 10–12, в России – 17 раз [9]. Не случайно, выступая с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г., Президент Российской Федерации В. Путин акцентировал важность задачи сокращения до минимума разрыва между доходами наиболее и наименее обеспеченных слоев общества. Фактическое значение показателя уровня безработицы в 2010 г. составляло в России несколько более 9%, США – 5, 4%, Китае – 14, 2% [9]. Таким образом, и здесь Россия находится в довольно опасной зоне.

Тревогу давно вызывает и экологическая ситуация в России. Она входит в число стран с наихудшей экологической ситуацией. Только убытки экономического характера, без учета вреда окружающей среде и здоровью людей, по подсчетам специалистов, ежегодно составляют в России сумму, равную половине национального дохода страны. Природные комплексы страны на протяжении длительного времени испытывают сильное антропогенное воздействие. По имеющимся оценкам, более 2% населённых пунктов страны относятся к категории «чрезвычайно опасно загрязнённых», 10% – «опасно загрязнённых» и примерно 7% – «умеренно опасно загрязнённых». Сокращение площади природных экосистем, их фрагментация, разрушение традиционного (биологического) природопользования коренных народов, деградация земель и опустынивание, химическое загрязнение, истощительное природопользование ведут к серьезнейшей проблеме современности – сокращению биологического разнообразия. Под угрозой исчезновения в России находятся тысячи видов живых организмов [9].

Что касается социетальной безопасности, в настоящее время отсутствуют четкие определения порога ее устойчивости. Например, применительно к научно-образовательной сфере, обеспечивающей технологический прогресс общества, большинство развитых стран мира пришли к пониманию того, что для успешного развития экономики в современных условиях необходимо, чтобы доля экономически активного населения страны, имеющего высшее образование, составляла не менее 20% по отношению к его общей численности. Увеличения объемов экспорта при опережающем росте в нем доли высокотехнологичной продукции невозможно достичь без инвестирования в фундаментальную науку и НИОКР. Опыт передовых в технологическом плане стран показывает, что доля от ВВП государственных ассигнований на науку не может быть ниже 2%. На сегодняшний день в США она составляет 2,75%. В России этот показатель в середине 1990-х гг. равнялся 0,42% и лишь начиная с 2000 г. начал постепенно расти, достигнув к настоящему времени отметки в 1,1 % от ВВП [4, с. 90].

Таким образом, как уже отмечалось выше, и США, и КНР, и РФ основное внимание по-прежнему склонны уделять безопасности в военной сфере. Относительный баланс основных видов национальной безопасности, с опорой на развитую и устойчиво функционирующую экономическую систему, удается поддерживать США. Китай наращивает военную силу преимущественно за счет опережающих темпов экономического роста, увеличивая при этом диспропорцию между различными видами национальной безопасности. В наиболее сложном положении оказывается в этой ситуации Россия. Преобладающее стремление к обеспечению главным образом военной безопасности с опорой на относительно слабую, зависимую от внешней конъюнктуры экономику при наличии серьезных проблем в плане социетальной и экологической безопасности, ставит страну в еще более уязвимое положение. Уже сейчас, в соответствии с Глобальным индексом милитаризации (GMI), РФ входит в пятерку наиболее милитаризированных государств, наряду с Израилем, Сингапуром, Арменией, Сирией. США по этому показателю находятся на 31 позиции, а Китай – на 89 [10]. Нетрадиционные проблемы безопасности (экологические, социальные), несмотря на растущую международную обеспокоенность создаваемыми ими угрозами, в повестках национальной безопасности, как правило, отходят на второй план. Несмотря на активные усилия КНР и РФ, направленные на интенсификацию экономического развития и повышение уровня экономической безопасности, более успешные в первом случае и менее удачные во втором, реальная эффективность их экономик не позволяет им справиться с рядом серьезных проблем (безработица, низкий уровень жизни, разрывы в доходах и т.д.). Однако очевидно, что адекватная степень общей национальной безопасности достигается при условии, что весь комплекс показателей находится в пределах допустимых границ своих пороговых значений, а пороговые значения одного показателя достигаются не в ущерб другим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Buzan, B. Rethinking Security After the Cold War // *Cooperation and Conflict*. – 1997, March. – Vol. 32, no. 1. – P. 5–28.
2. Tassinari, F. *Mare Europaeum Baltic Sea Region Security and Cooperation from Post-Wall to Post-Enlargement Europe* / F. Tassinari. – Copenhagen : Department of Political Science University of Copenhagen, 2004. – 343 p.
3. Pillsbury, M. *China Debates the Future Security Environment*. National Defense University Press, 2000. Chapter 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/doctrine/pills2/index.html>.
4. Локосов, В.В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития // *Социологические исследования = СоцИс*. – 1998. – № 4. – С. 87–91.
5. Perlo-Freeman, S. Trends in World Military Expenditure, 2014. SIPRI Fact Sheet. April 2015 / S. Perlo-Freeman, A. Fleurant, P.D. Wezeman, S.T. Wezeman [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1504.pdf>.
6. Макаренко, И.К. Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения на современном этапе [Электронный ресурс] / И.К. Макаренко, В.С. Морозов. – Режим доступа: <http://www.vrazvedka.ru/main/editor/makarenko.html>.
7. Обеспечение внешнеэкономической безопасности : опыт США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wpec.ru/text/200809121152.htm>.
8. Особенности экономической системы КНР как новой индустриальной страны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://econbooks.ru/books/part/18538>.
9. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации : официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
10. Global Militarization Index 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gmi.bicc.de/index.php?page=ranking-table/>.

REFERENCES

1. Buzan B. Rethinking Security After the Cold War. *Cooperation and Conflict*, March 1997, vol. 32, no. 1, pp. 5–28.
2. Tassinari F. *Mare Europaeum Baltic Sea Region Security and Cooperation from Post-Wall to Post-Enlargement Europe*. Copenhagen: Department of Political Science University of Copenhagen, 2004. 343 p.
3. Pillsbury M. *China Debates the Future Security Environment*. National Defense University Press, 2000. Chapter 5. Available at: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/doctrine/pills2/index.html> (accessed 17 March 2015).

4. Lokosov V.V. *Stabil'nost' obshchestva i sistema predel'no-kriticheskikh pokazatelei ego razvitiya* [The stability of the society and the system of maximum critical indicators of its development]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1998, no. 4, pp. 87–91.

5. Perlo-Freeman S., Fleurant A., Wezeman P.D., Wezeman S.T. *Trends in World Military Expenditure, 2014*. SIPRI Fact Sheet. April 2015. Available at: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1504.pdf> (accessed 14 August 2015).

6. Makarenko I.K., Morozov B.C. *Voennaya bezopasnost' gosudarstva: sushchnost', struktura i puti obespecheniya na sovremennom etape* [Military security of the state: the nature, structure and ways to ensure at this stage]. Available at: <http://www.vrazvedka.ru/main/editor/makarenko.html> (accessed 12 September 2015).

7. *Obespechenie vneshneekonomicheskoi bezopasnosti: opyt SShA* [Ensuring the safety of foreign trade: the USA experience]. Available at: <http://www.wpec.ru/text/200809121152.htm> (accessed 14 August 2015).

8. *Osobennosti ekonomicheskoi sistemy KNR kak novoi industrial'noi strany* [Features of the economic system of China as a new industrial country]. Available at: <http://econbooks.ru/books/part/18538> (accessed 27 September 2015).

9. *Federal State Statistics Service of the Russian Federation: official site*. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 19 September 2015). (In Russian).

10. *Global Militarization Index 2013*. Available at: <http://gmi.bicc.de/index.php?page=ranking-table/> (accessed 02 October 2015).

УДК 32.019.5(510)

Кулинич Алексей Алексеевич, старший преподаватель Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: kulinich.aa@dvfu.ru

АНТИЯПОНИЗМ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Динамика развития современного общества демонстрирует его массовое погружение в виртуальную среду. Сегодня, говоря о средствах массовой информации, мы говорим не только о газетах, телевидении или журналах, но и о тех инструментах, которые могут использовать обычные граждане для трансляции своих взглядов и идей. Ещё двадцать лет назад Интернет использовался как источник информации разного рода, но эта информация носила академический и деловой характер. Сегодня просторы всемирного виртуального пространства генерируют огромные потоки ин-

формации любого вида. При этом огромная роль в этом принадлежит обычным пользователям.

В основе новых источников информации лежит сообщество WEB 2.0, основанное на принципах свободного выражения собственного мнения средствами социальных сетей, форумов, блогов и микроблогов. Принимая во внимание современные реалии, мы обязаны исследовать влияние этих «новых средств массовой информации» на политическую арену. Именно поэтому данная статья посвящена исследованию проблем национализма в китайских социальных сетях и блогах. Прогнозируя рост китайского национализма, автор связывает его с несколькими серьёзными факторами – исторической памятью, ростом экономической мощи Китая и всё более интенсивной конкуренцией за лидерство в регионе Северо-Восточной Азии.

В работе проводится исследование роли политической коммуникации в виртуальном пространстве Китая, её зависимости от традиционных культурных ретрансляторов, таких как музыка, кино, телевидение. Акцентируется внимание на внешнеполитическом и внутривнутриполитическом дискурсе в виртуальном пространстве КНР. Проводится анализ активности блогеров Китая в период нарастания антияпонских настроений. Исследуются возможности использования социальных сетей и мобильных источников информации, таких как сотовые телефоны, для координации политических инициатив. В ходе исследования формируется гипотеза о роли виртуального пространства в развитии политического дискурса КНР.

Ключевые слова: социальные медиа, национализм, антияпонизм, интернет-сообщество, Северо-Восточная Азия, китайско-японские отношения.

UDC 32.019.5(510)

Alexey A. Kulnich, Senior Lecturer School of Regional and International Studies, Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: kulinich.aa@dvfu.ru

ANTI-JAPANISM IN VIRTUAL SPACE OF CHINA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Dynamics of development of modern society shows its mass immersion on virtual environment. Today, speaking about mass media, we speak not only about newspapers, television or magazines, but also about those tools which ordinary citizens for broadcast of the views and ideas can use. Twenty years ago the Internet was used as a source of any information, but this information had the academic and business character. Today open spaces of the world virtual space generate huge flows of information of any kind. Thus the huge role in it belongs to ordinary users.

The community Web 2.0 – the basic on the principles of free expression of own opinion, means of social networks, forums, blogs and microblogs is the cornerstone of new sources of information. In view of modern realities we are obliged to investigate influence of these of "new mass media" on political arena. For this reason this article is devoted to research of problems of nationalism on the Chinese social networks and blogs. Predicting growth of the Chinese nationalism, the author connects it with several serious factors – historical memory, growth of economic power of China and more and more intensive competition for leadership in the region of Northeast Asia.

In work research of a role of political communication in virtual space of China, its dependence on traditional cultural repeaters, such as music, cinema and television is conducted. The attention is focused on a foreign policy and internal political discourse in virtual space of the People's Republic of China. The analysis of activity of bloggers of China during increase of anti-Japanese moods is carried out. It is investigated possibilities of use of social networks and mobile sources of information, such as cell phones, for coordination of political initiatives. During research the hypothesis of a role of virtual space in development of a political discourse of the People's Republic of China is formed.

Keywords: social media, nationalism, Anti-Japanism, internet-community, North-East Asia, Chinese-Japanese relations.

Начало XXI века в китайско-японских отношениях было ознаменовано новым витком национализма, наиболее ярко выраженного антияпонскими протестами в Китае. Причем, несмотря на длительную историю существования национализма как феномена, в начале нового столетия он пополнился в этой стране новой формой трансляции. Национализм сегодня стал интенсивно распространяться с использованием виртуального пространства и визуального стиля. Одним из важных проявлений китайского национализма в китайско-японских отношениях сегодня является концепт «ибэн гойзи» (giben guizi), или «японские дьяволы», который интенсивно распространялся в китайской массовой культуре на протяжении периода середины XX – начала XXI вв.

Антияпонские демонстрации в нескольких китайских городах в 2005 г. открыли новый вариант «антияпонизма», распространяемый через виртуальное пространство и визуальный стиль. Начало этим демонстрациям было положено появлением в Японии нового учебника истории, в котором, согласно мнению представителей официального Пекина, искажались или совсем не были освещены факты японской агрессии в отношении Китая в 30–40-е гг. XX в. [1]. Кроме того, в этот же период обсуждалась возможность включения Японии в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН, что в КНР также было встречено крайне негативно [2]. Массовые митинги в Поднебесной были широко освещены по телевидению, а также

посредством YouTube и других видеохостингов во «Всемирной паутине» [3]. Акции протестов были мобилизованы через сотовые телефоны, а также в пространстве социальных сетей – блогах, чатах и форумах онлайн. В дальнейшем китайские пользователи сети интернет создали ряд видеоклипов, пропитанных антияпонскими настроениями, так как их визуальный ряд и виртуальное пространство были наполнены «китайским пылом» и гневом по отношению к Японии. Показательным стал видеоролик, в котором китайская женщина в японском автомобиле была забросана яйцами и камнями толпой протестующих, состоящих главным образом из молодых мужчин [4].

Исследуя просторы сети интернет, можно обнаружить огромное количество фотографий, посвящённых антияпонским демонстрациям в Китае, вне китайского файрвола. Достаточно часто на этих фото изображены совсем ещё юные китайцы. На одном из них маленький мальчик сидит на плечах своего отца и держит в руках игрушечный пулемет с баннером «Долой японский милитаризм!». На другом снимке изображен мальчик, держащий плакат «Не забывайте Национальный позор!» Кроме того, после обнародования данных о событиях в Нанкине в 2007 году во всемирной паутине появилось видео, состоящее из ужасных фотографий Нанкинской резни, призывающее каждого китайца отомстить японцам за национальное оскорбление [5].

В современном Китае интернет служит не просто средством массовой информации, но, в большей степени, средством выражения общественного мнения. Подобный вывод можно сделать, проанализировав активность китайских пользователей. Сеть Интернет начала работать на территории КНР в 1994 году, и к настоящему моменту численность китайских пользователей составляет около 674 млн человек – больше, чем в какой-либо другой стране мира [6]. При этом количество пользователей социальных сетей, форумов, блогов и микроблогов в китайском секторе интернет составляет порядка 309 млн человек (45,8% от всех пользователей) [7]. Однако следует отметить, что интернет-пространство для выражения своих политических предпочтений используют далеко не все участники коммуникации. В случае Китайской Народной Республики 30% пользователей социальными сетями, форумами и блогами сообщили, что иногда они выражают свои политические позиции во Всемирной паутине. Ещё 10% сообщили, что свой взгляд на политические процессы, происходящие в стране и в мире, они выражают часто именно посредством виртуального пространства [7].

Проводя несложные математические операции, можно прийти к выводу, что политически активная часть населения Китая, использующая сеть интернет, в чистом виде представлена примерно 31 миллионом человек – по всем меркам впечатляющая цифра. В некотором смысле, формирование определённого политического локуса у этой массы является крайне важным для политической элиты КНР, и это отчётливо осознаётся Коммуни-

стической партией Китая (КПК). Формирование и развитие проекта «Золотой щит», или Великого китайского файрвола, является одним из механизмов контроля за настроениями масс в интернете, однако вопрос вектора развития этих настроений проектом «Золотой щит» не рассматривается. Показательным здесь будет опыт формирования антияпонских настроений в китайском секторе Всемирной паутины. Именно этот внешний локус («локус жалобы») интенсивно педалирует КПК, принимая как прямые, так и косвенные методы влияния.

На процесс формирования антияпонских настроений в виртуальном пространстве Китая существенно влияют классические «культурные ретрансляторы», обладающие массовой доступностью и представленные в данном случае кинематографом, музыкой и телевидением. Отрасль кинематографа Поднебесной в крайней степени наполнена фильмами антияпонского характера. В некоторых случаях их ежегодное производство доходит до 200 [8]. Наличие антияпонского повествования в китайских музыкальных композициях так же является очень интересным феноменом. Его крайней точкой можно назвать создание чартов антияпонских песен, формируемых по принципу голосования аудитории [9]. Что касается телевидения, то огромная роль в центральной государственной телевизионной компании Китая (ССТV) уделяется многосерийным фильмам (сериалам), сюжетная линия которых, так или иначе, затрагивает периоды китайско-японских войн.

Широкий антияпонский дискурс в массовой культуре Китая приводит к его репрезентативному отражению в интернет-сегменте Поднебесной. Из политических дискуссий, происходящих в китайской сети, только 10% посвящены внутренним проблемам Китая. Остальная часть представлена внешним локусом, сконцентрированным в основном на Японии и антияпонских высказываниях и в значительно меньшей степени – на США и их политике в отношении АТР (Тайвань, участие в вопросах о спорных территориях, доминирование в регионе) [10].

Здесь следует обратить внимание на интересное наблюдение: в отличие от виртуальных социальных сетей и блогов различного уровня, официальные новостные ленты информационных каналов, даже в период непосредственных антияпонских демонстраций, наполнены только информацией о событии, с отсутствием идеологической окраски. С уверенностью можно сказать, что подобный подход продиктован, как минимум, двумя целями официального Пекина: придерживаться видимости «нейтральной позиции» в период интенсификации антияпонизма и иметь возможность контролировать вспыхивающие демонстрации.

Одним из самых ярких проявлений антияпонской риторики в китайском виртуальном пространстве являются блоги и микроблоги (аналоги Twitter). К сожалению, система проекта «Золотой щит» не позволяет провести статистический анализ наполнения виртуального пространства Китая в период протестов, однако можно обратить внимание на деятельность

наиболее активных блоггеров в период интенсивной активности антияпонских настроений. Речь пойдет о публикациях, сделанных именно в периоды антияпонских уличных демонстраций.

Наполненность этих блогов самая разнообразная, но так или иначе касается нескольких тем, непосредственно связанных друг с другом. Наиболее популярная тема в блогах в этот период – это патриотизм и национализм, проявляемый в идеях возвышения Китая над Японией в экономическом, военном и политическом плане. С этой темой напрямую связан призыв крушить и уничтожать всё, что имеет отношение к Японии и японцам на территории КНР: машины, магазины, рестораны и т.д. Реакцией на это становится призыв остановить вандализм и продолжить демонстрации «мирным путем». В китайских блогах кризисного периода популярным также является анализ причин столь яркого проявления антияпонизма, и обычно выводы сводятся к тому, что в КНР слишком жёсткая политическая цензура, а населению иногда нужно «сбрасывать пар». Наконец, ещё одной темой этих блогов становится неэффективность внутренней политики КНР, и при росте подобных сообщений до кризисной массы (примерно 10% от всех записей) руководство КНР начинает принимать активные решения по стабилизации обстановки [10].

Антияпонские демонстрации в Китае начала XXI в. заканчивались настолько же быстро, насколько начинались. В основном, столь резкий переход в настроении масс связан с политикой руководства КНР, которое предвидит экономические последствия нарастающей напряжённости в двусторонних отношениях и пытается контролировать националистические настроения в народе. Тем не менее, события начала XXI в. обозначили несколько новых тенденций в политических протестах в целом и антияпонских выступлениях в Китае в частности.

Во-первых, принимая во внимание наличие Интернета и новых видов средств массовой информации (таких, как социальные сети), можно отметить, что современные политические движения принимают массовый масштаб, имеющий способность очень резко переходить от местного к национальному, региональному и, наконец, государственному уровню. При этом они становятся менее иерархично организованными и централизованными, но более «широкими» и «дисперсными». Информация, транслируемая через мультимедийные и мобильные технологии (компьютеры, сотовые телефоны и видеокамеры), является не только документом или источником информации в традиционном понимании. Она также может передать и показать события в измененном и непредсказуемом форматах, благодаря современным программным способам обработки информации. Блоги, чаты и компьютерные игры становятся новыми местами политической войны, где борьба слова, формируемого образа и виртуального убийства в интерактивном режиме существуют и потребляются. В этой среде «намерения», «правда» и «факты» заключены в кавычки и носят условный характер.

Во-вторых, в отличие от антияпонских протестов 1970–1980-х гг., главным образом организованных студентами и ограниченными университетскими городками, выступления начала XXI в. мобилизованы сравнительно новым средним классом Китая. Это профессионалы, занимающие места в крупнейших городских центрах среди высотных зданий, торговых площадей и открытых бульваров. Этот новый образ «мирного развития» Китая радикально не соответствовал большинству стереотипных представлений о Китае как слаборазвитом коммунистическом государстве, образу, который долгое время жил в сознании японцев. События 2005–2014 гг. визуализировали Китай способами, которые разрушили стереотипы. Совмещение фактического образа Китая и его восприятия в Японии в историческом контексте показало, что образ «китайца» в глазах жителей Страны восходящего солнца сильно устарел.

В-третьих, проявление эмоций протестующих в киберпространстве, обида и ненависть, живущая в сознании, требует, чтобы мы признали растущую власть некоторых, более тревожных форм, популяризации националистических настроений. Необходимо попытаться оценить и объяснить эмоциональные размеры националистического духа, а также связанной с этим политической мобилизации. В случае с Китаем и Японией исторические события формируют травмированное национализмом массовое сознание.

Можно сделать вывод, что использование виртуального пространства в китайском сегменте является крайне важным инструментом внутренней и внешней политики Китая. С одной стороны, виртуальное пространство используется для нарастания националистических настроений в массах, которые поддерживают внешнеполитический курс руководства КНР и в этом смысле легитимизируют властную верхушку Китая. Кроме того, наличие подобных настроений отчётливо демонстрирует, кого рядовые китайцы считают лидером в регионе Северо-Восточной Азии, а кого главным «обидчиком» и конкурентом. С другой стороны, виртуальное пространство является достаточно сложно контролируемым инструментом, и существует некоторая вероятность выхода этого инструмента из-под контроля. Для этого руководство КНР пытается жёстко контролировать политический дискурс в виртуальном пространстве Китая и в случае угрозы внутривнутриполитическому режиму применяет различные меры по его сохранению. Так или иначе, интернет-сегмент Поднебесной становится важным участником формирования политического дискурса страны. К каким последствиям приведёт его деятельность – покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Образовательный совет Токио одобрил учебник истории для средней школы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20050728/40989269.html>.
2. Япония вслед за Германией вступила в борьбу за место в Совете Безопасности ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://palm.newsru.com/world/12oct2004/new.html>.
3. Ching, L. «Japanese Devils»: The conditions and limits of anti-Japanism in China // *Cultural Studies*. – 2012, September. – Vol. 26, iss. 5. – P. 710–722.
4. Tam, Y.-h. Who Engineered the Anti-Japanese Protests in 2005? // *Manchester International*. – 2007, Springs. – Vol. 18, art. 25. – P. 281–299.
5. Protesters Demand Boycott Over Japan Refusal To Admit WWII Atrocities [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gettyimages.com/detail/news-photo/chinese-protesters-shout-slogans-during-an-anti-japanese-news-photo/52606519>.
6. Asia Marketing Research, Internet Usage, Population Statistics and Facebook Information [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/asia.htm#cn/>.
7. Ki, D. H. The role of new media in sustaining the status quo : online political expression, nationalism, and system support in China / D. Ki, K. Jinhee // *Information, Communication & Society*. – 2015. – Vol. 18, no. 7. – P. 766–781/.
8. Special Report: Why China's film makers love to hate Japan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/2013/05/25/us-china-japan-specialreport-idUSBRE9400CJ20130525>.
9. Top 10 Classic Anti-Japanese Songs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinawhisper.com/top-10-classic-anti-japanese-songs>.
10. Chinese Bloggers' Reactions on Recent Anti-Japan Protest [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalvoices.org/2005/04/18/127>.

REFERENCES

1. *Obrazovatel'nyi sovet Tokio odobril uchebnik istorii dlya srednei shkoly* [The Board of Education Tokyo approved a history textbook for secondary schools]. Available at: <http://ria.ru/society/20050728/40989269.html> (accessed 23 October 2015).
2. *Yaponiya vsled za Germaniei vstupila v bor'bu za mesto v Sovete Bezopasnosti OON* [Japan after Germany joined in the fight for a place in the UN Security Council]. Available at: <http://palm.newsru.com/world/12oct2004/new.html> (accessed 23 October 2015).
3. Ching L. «Japanese Devils»: The conditions and limits of anti-Japanism in China. *Cultural Studies*, 2012, September, vol. 26, iss. 5, pp. 710–722.

4. Tam Y.-h. Who Engineered the Anti-Japanese Protests in 2005? *Maclester International*, 2007, Springs, vol. 18, art. 25, pp. 281–299.

5. *Protesters Demand Boycott Over Japan Refusal To Admit WWII Atrocities*. Available at: <http://www.gettyimages.com/detail/news-photo/chinese-protesters-shout-slogans-during-an-anti-japanese-news-photo/52606519> (accessed 23 October 2015).

6. Asia Marketing Research, Internet Usage, Population Statistics and Facebook Information. Available at: <http://www.internetworldstats.com/asia.htm#cn> (accessed 23 October 2015).

7. Ki D.H., Jinhee K. The role of new media in sustaining the status quo: online political expression, nationalism, and system support in China. *Information, Communication & Society*, 2015, vol. 18, no. 7, pp. 766–781.

8. *Special Report: Why China's film makers love to hate Japan*. Available at: <http://www.reuters.com/article/2013/05/25/us-china-japan-specialreport-idUSBRE94O0CJ20130525> (accessed 23 October 2015).

9. *Top 10 Classic Anti-Japanese Songs*. Available at: <http://www.chinawhisper.com/top-10-classic-anti-japanese-songs/> (accessed 23 October 2015).

10. *Chinese Bloggers' Reactions on Recent Anti-Japan Protest*. Available at: <https://globalvoices.org/2005/04/18/127/> (accessed 23 October 2015).

УДК 327.7(5)

Коротич Семён Александрович, аспирант, младший научный сотрудник научной лаборатории «Международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР» Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: semyon.korotich@gmail.com

СОВЕЩАНИЕ ПО ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ И МЕРАМ ДОВЕРИЯ В АЗИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ И РАСТУЩАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КИТАЯ¹

Статья посвящена рассмотрению эволюции формирования и сложившейся структуре Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Будучи учрежденным практически четверть века назад, СВМДА долгое время представляло собой форум для многостороннего диалога по широкому спектру вопросов региональной повестки и до недавнего време-

¹ Статья подготовлена в рамках исполнения гранта Госзадания Минобрнауки РФ по теме «Формирование нового международного порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе и национальные интересы России», код проекта № 1430.

ни не привлекало к себе внимание широкой научной и деловой общественности.

На пути своего становления СВМДА прошло несколько эволюционных этапов. На начальном этапе СВМДА представлял собой неправительственное объединение экспертов, ученых и дипломатов, которые осуществляли формирование нормативно-правовой базы и контуров дальнейшего взаимодействия. Перейдя на следующий этап, СВМДА объединил представителей правительств стран-участниц. Качественным шагом вперед стало учреждение формата регулярных встреч министров иностранных дел. Венцом конструкции СВМДА являются встречи глав государств, которые проходят с 2002 г. Учреждение формата регулярных саммитов позволило говорить о СВМДА как о полновесной международной организации. С переходом председательства от Казахстана к Турции СВМДА удалось избавиться от имиджа проекта «одной страны» и открыть возможности для дальнейшего развития.

Однако наибольшее оживление в мировых СМИ и в среде международных аналитиков вызвал факт передачи председательства Китаю в 2014 г. Шанхайский саммит СВМДА, прошедший в мае 2014 г., обозначил новый этап в развитии организации. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил о намерении использовать СВМДА в качестве платформы для построения внеблоковой архитектуры безопасности в Азии, что закрепило за Китаем роль нового «рулевого» СВМДА.

Россия является участником СВМДА с самого момента основания данного механизма в 1992 г. Несмотря на то, что Совещание нельзя назвать одним из наиболее приоритетных международных институтов, Россия всегда поддерживала его деятельность и принимала активное участие в его становлении. Российский президент и министр иностранных дел регулярно посещают встречи организации. В целом на последнем саммите 2014 г. стало очевидно, что российская позиция во многом пересекается с предложенной Китаем инициативой о создании региональной архитектуры безопасности в Азии. В ближайшие годы СВМДА может еще больше укрепиться в качестве платформы для взаимодействия Москвы и Пекина в Азиатском регионе.

В завершение статьи автор приходит к выводу, что на данный момент СВМДА, хоть и сталкивается с рядом проблем, ему удалось стать крупным международным форумом и вписать себя в региональную архитектуру безопасности. Укрепление Китая в качестве нового СВМДА, с одной стороны, приносит новые идеи и придает новый стимул его развитию, а с другой стороны, имеет потенциал для того, чтобы превратить СВМДА в китаецентричный международный институт, который будет использоваться Пекином для увеличения собственного влияния в регионе и противодействия США.

Ключевые слова: Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Азия, региональная безопасность, институт безопасности, Россия, Китай, Казахстан.

UDC 327.7(5)

Semen A. Korotich, postgraduate student of the School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: semyon.korotich@gmail.com

**CONFERENCE ON INTERACTION
AND CONFIDENCE-BUILDING MEASURES IN ASIA:
EVOLUTION OF THE GATHERING
AND THE GROWING SIGNIFICANCE OF CHINA**

The article reviews the evolution and existing structure of the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA). Being established almost a quarter a century ago, CICA has been posturizing a forum for multilateral dialogue covering a huge range of regional agenda and until relatively recently has been remaining beyond the scope of scholar and business community interest.

CICA went through several evolutionary stages. On the initial stage, it resembled non-governmental gathering of experts, scholars and diplomats, forming regulatory basis and posture of future cooperation within the organization. Coming to the next stage CICA gathered representatives of the government of the member-states. Establishing a mechanism of regular Foreign Ministers meeting has made a breakthrough. The top arrangement of the CICA is the meetings of the heads of states, held since 2002. Establishing the format of regular summits made CICA a full-fledged international organization. Chairmanship transfer from Kazakhstan to Turkey in 2010 helped CICA to get rid of the “one-state project” image and opened new ways for development.

However, a much bigger international stir was caused by the fact that China was chosen to be the next Chairman of the CICA since 2014. Shanghai summit held in May 2014 opened a new era for the organization’s development. China’s President Xi Jinping declared an intention to use CICA as a basis for prospective security architecture in Asia. Outlining the new vector for the development of the CICA secured China the position of the new “steersman”.

Russia was one of the initial supporters of the CICA. Even though CICA could not be named among the top priorities of Russia’s current foreign policy, Russia has been continuously supporting its development and took an important part in its formation. At the 2014 summit, it has become apparent that Russia’s vision has a lot in common with China’s proposed regional security architecture

initiative. Therefore, CICA may grow bigger in terms of its role as a platform for Russo-Chinese cooperation in Asia.

At the final part of the article, the author comes to a conclusion, that despite the fact that CICA is facing numerous challenges, it has become a major international organization enrolled into regional security architecture. Strengthening China's position as a new leader of the CICA, on the one hand brings new opportunities and incentives, giving a stimulus for the development, on the other hand, it may potentially turn CICA into Sino-centric international institution, used by Beijing for extending its influence in the region.

Key words: Conference on Interaction and Confidence-Building in Asia (CICA), Asia, regional security, security institution, Russia, China, Kazakhstan.

Идея создания механизма безопасности и сотрудничества в Азии принадлежит президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву. В своем выступлении на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 5 октября 1992 г. он указал, что в Азии практически отсутствуют многосторонние механизмы обеспечения безопасности, и отметил необходимость поэтапного формирования региональной организации, подобной действующему в Европе Советанию по безопасности и сотрудничеству (СБСЕ). Первый этап данного плана подразумевал создание Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) [3]. Предложенная Назарбаевым инициатива получила достаточно широкую поддержку у азиатских стран: 16 государств выразили желание принять участие в СВМДА.

На начальном этапе СВМДА существовало в виде сетевого формата взаимодействия на уровне экспертов, дипломатов и политиков, выступающих в роли официальных представителей своих стран. Одним из первых форматов, выросших из встреч экспертов стран-участниц СВМДА, стала Специальная рабочая группа (СРГ), занимающаяся подготовкой документов формирующегося объединения. В период с 1995 г. по 2000 г. состоялось девять заседаний СРГ, в ходе которых были рассмотрены проекты базовых документов СВМДА: «Правила процедуры СВМДА», «Декларация принципов взаимоотношений государств-членов СВМДА», «Структура и институты СВМДА» [11].

В 1997 году по инициативе Казахстана в рамках СВМДА был учрежден первый постоянно действующий механизм – Контактная группа, состоящая из представителей посольств стран-участников, аккредитованных в г. Алматы. Так же, как и СРГ, Контактная группа была призвана заниматься вопросами практического сотрудничества, на нее были возложены задачи проведения консультаций, экспертной оценки документов Совещания с привлечением экспертов и представителей международных организаций в межсессионный период.

Функцию координации и контроля деятельности СРГ и других механизмов СВМДА взял на себя Комитет старших должностных лиц (КСДЛ). Заседания КСДЛ проводятся не реже одного раза в год для анализа выполнения принятых решений СВМДА, обмена мнениями по текущим вопросам. Зачастую заседания КСДЛ проводятся в то же время и в том же месте, что и заседания СРГ [7].

Следующим эволюционным этапом становления СВМДА стало учреждение формата Министерских встреч. Первая встреча министров иностранных дел состоялась в 1991 г., а с 2004 г. встречи в подобном формате проходят раз в четыре года, за два года до встреч глав государств. Изначально деятельность Министерских встреч была посвящена формированию концептуальной основы сотрудничества в рамках СВМДА, определения направлений и функциональных областей сотрудничества. По результатам деятельности министерских встреч был принят ряд важных документов.

Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами-членами СВМДА, принятая на первой встрече, зафиксировала ключевые правила организации и определила рамки для дальнейшего институционального развития системы азиатской безопасности. Согласно Декларации, в основу сотрудничества стран в рамках СВМДА легли принципы верховенства права, уважения государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы, разоружения, контроля над вооружениями, уважения прав человека и т.д. [4]. Продолжением нормативного оформления СВМДА как региональной организации стало принятие двух взаимодополняющих документов – Каталога мер доверия и Правил процедуры. В частности, Каталог определил пять основных измерений мер доверия: военно-политическое; борьба с новыми угрозами; экономическое; экологическое; гуманитарное [6].

Важную роль в развитии СВМДА играет Секретариат. Международный Секретариат Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии является постоянно действующим органом совещания, исполняющим административные и координационные функции. С момента учреждения в 2006 г. Секретариат, расположенный в г. Алматы, осуществляет административную, организационную и техническую поддержку встреч и другой деятельности СВМДА, ведет архив документов Совещания; действует как центр сбора, обработки и распространения документов и информации, предоставляемых государствами-членами и получаемых от других международных организаций и форумов. Секретариат распространяет общую информацию о Совещании, а также информацию о построении мер доверия среди государств-членов. Секретариат помогает Государству-председателю в выполнении его функций и выполняет другие задачи и обязанности, определяемые главами государств и (или) правительств Совещания, Министрами иностранных дел государств-членов, Комитетом старших должностных лиц СВМДА. Секретариат уполномочен инициировать и устанавливать

связи с Секретариатами и административными органами других международных или региональных организаций с одобрения государств-участников СВМДА [14].

Секретариат возглавляет Исполнительный директор, который назначается Министрами иностранных дел СВМДА по рекомендации государства-председателя СВМДА из числа его граждан. Исполнительный директор занимает должность соответственно сроку председательства его страны. Заместитель Исполнительного директора назначается на три года на основе консенсуса в соответствии с рекомендацией комитета старших должностных лиц. Функции исполнительного директора секретариата с 2014 г. исполняет китайский дипломат посол Г. Цзяньвэй, заместителем исполнительного директора назначен казахский дипломат А. Бахытбеккызы. Персонал секретариата состоит из граждан различных стран-членов СВМДА. Профессиональный персонал командировается в Секретариат государствами-членами, тогда как общий/вспомогательный персонал нанимается на контрактной основе из числа граждан государств-членов. Расходы на функционирование секретариата, включая содержание общего/вспомогательного персонала, формируются на основании добровольных (зачастую непропорциональных) взносов государств-членов. Расходы на оплату труда и проживания Исполнительного директора, его Заместителя и профессионального персонала несут соответствующие направляющие их страны [14].

В рамках СВМДА существуют различные специализированные органы, которые хоть и действуют на постоянной основе, но скорее дополняют деятельность Совещания и не играют системообразующей роли. Среди них стоит отметить Деловой совет, Молодежный совет, Учебный центр по борьбе с опустыниванием в Азии (г. Конья, Турция).

На высшей ступени структуры Совещания по мерам доверия в Азии находится механизм встреч глав государств – саммит. Именно в рамках саммитов страны-участницы обсуждают ключевые вопросы, делают официальные заявления и принимают важнейшие решения, определяющие будущее данного объединения. Первый саммит СВМДА прошел 4 июня 2002 г. в Алматы. Встреча на высшем уровне собрала представителей 16 государств-членов и представителей восьми государств и трех организаций-наблюдателей. В рамках первого саммита была принята Декларация об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями, а также был подписан учредительный документ совещания – Алматинский акт СВМДА, который, наряду с Декларацией принципов, юридически закрепил статус СВМДА как регионального института безопасности [1].

Алматинский акт фактически стал уставом организации и заложил основу для ее дальнейшего развития. Ключевой целью СВМДА, согласно Акту, является укрепление сотрудничества путем выработки многосторонних подходов к обеспечению мира, безопасности и стабильности в Азии. Акт закрепил общее видение угроз региональной безопасности, среди которых

нераспространение ОМУ, терроризм, незаконный оборот наркотических средств, международная преступность, коррупция и т.д. В рамках документа важное место отводится мерам доверия, реализация которых «может, в зависимости от конкретных ситуаций, способствовать или создать благоприятную атмосферу для разрешения конфликтов и достижения соглашений по контролю за вооружениями». В части, посвященной структуре и институтам, документ разделяет институты СВМДА на: регулярные; специализированные; институты, осуществляющие научную и профессиональную деятельность; секретариат. Секция, посвященная регулярным встречам, определяет иерархию и взаимоотношения ключевых институтов объединения: саммита, встречи министров иностранных дел, комитета старших должностных лиц, специальных рабочих групп [1].

С третьего Саммита было решено организовать ротацию председательства. Казахстан, будучи инициатором СВМДА, вплоть до 2010 г. принимал большую часть встреч по линии Совещания и де-факто исполнял функции председателя, осуществляя координацию деятельности СВМДА и обеспечивая взаимодействие государств-участников. В настоящее время председательство организовано по формуле: государство, принимающее очередную встречу глав государств и/или правительств, становится Председателем СВМДА до следующей встречи Министров иностранных дел, и наоборот: государство, принимающее очередную встречу Министров иностранных дел, становится Председателем СВМДА до следующего саммита [12].

В 2010 г. председательство перешло к Турецкой Республике, и третий Саммит впервые прошел за пределами Казахстана, в г. Стамбуле. Турция исполняла председательские функции до 2014 г. Решение о передаче председательства Турции было воспринято с большим энтузиазмом как со стороны участников [5, с. 3], так и со стороны экспертов [10; 21]. В 2014–2016 гг. функции председателя СВМДА будет исполнять Китай [8].

Четвертый Саммит организации, прошедший 21 мая 2014 г. в Шанхае, стал самым большим и наиболее значимым. В нем приняли участие 26 государств-членов, 11 государств и международных организаций, имеющих статус наблюдателей, две международные организации со статусом партнера, а также 8 государств и международных организаций в статусе гостей форума [16].

Еще до начала встречи ключевой интерес представляло то, как скажется на организации переход председательства к Китаю, и изменится ли место, которое отводит Пекин развивающейся организации в спектре его внешнеполитических приоритетов. Можно сказать, что ожидания оправдались. Во вступительной речи Си Цзиньпин обратил внимание на необходимость укрепления регионального сотрудничества в области безопасности и продвижения «общей, всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности в Азии» [20]. Он призвал страны региона отойти «от устаревшего мышления, характерного для холодной войны, и «создать новую регио-

нальную архитектуру сотрудничества в области безопасности и совместно построить общую, выгодную для всех схему обеспечения безопасности в Азии». При этом он подчеркнул, что решение проблем в Азии должно быть исключительно делом азиатских стран [24]. Несложно понять, что это сообщение содержит намек на то, что США не место в Азии [23]. Си Цзиньпин подчеркнул, что именно СВМДА может стать фундаментом новой внеблоковой региональной архитектуры безопасности.

Москва одной из первых поддержала идею, выдвинутую президентом Казахстана Назарбаевым, и принимала непосредственное участие в становлении данного объединения. Россия принимает активное участие в его деятельности. Российский президент не пропустил ни одного саммита с момента учреждения формата [13].

СВМДА представляет собой уникальную площадку для переговоров. На полях саммита главы государств и правительств из 26 стран СВМДА имеют возможность провести двусторонние консультации и обсудить как вопросы, входящие в повестку СВМДА, так и прочие аспекты двустороннего сотрудничества. В частности, это позволяет России поддерживать связи с важнейшими азиатскими партнерами, такими как Китай, Индия, Вьетнам.

Фактически в основе участия России в СВМДА на протяжении многих лет лежало два основных мотива: 1) укрепление торгово-экономического сотрудничества; 2) взаимодействие в области противодействия терроризму, незаконному обороту наркотических средств и борьбы с международной преступностью. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что Москва посредством СВМДА стремилась, в первую очередь, стабилизировать свои южные границы и укрепить отношения с центрально-азиатскими республиками, наладить экономические связи [15]. Инициатива Си Цзиньпина о создании региональной архитектуры безопасности, основанной на СВМДА, пересекается с предложениями России о формировании внеблоковой системы политического взаимодействия в Восточной Азии и поэтому была поддержана В. Путиным. На фоне близости в подходах к азиатской безопасности России и Китая, в ближайшие годы СВМДА может еще больше укрепиться в качестве платформы для взаимодействия Москвы и Пекина в Азии.

Заключение

С 1992 г. Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии трансформировало идеи построения механизма безопасности на постсоветском пространстве в функционирующий международный институт безопасности в Азии. За годы деятельности в рамках СВМДА была сформирована разветвленная институциональная структура, охватывающая все уровни межгосударственного взаимодействия: от встреч экспертов и рабочих групп – вплоть до встреч на уровне глав государств и правительств. Совещание «следует примеру» Организации по безопасности и сотрудничеству

в Европе и Шанхайской организации сотрудничества, т.е. структурно повторяет эти механизмы.

СВМДА удалось наладить обширные связи с другими международными и региональными организациями. На данный момент у СВМДА заключены Меморандумы о взаимопонимании с Организацией экономического сотрудничества и развития, Евразийским экономическим сообществом, Международной организацией по миграции, Ассамблеей народа Казахстана, Шанхайской организацией сотрудничества [2]. Астана, в том числе, выступала с идеей сближения азиатских и европейских систем безопасности. В качестве первого шага Назарбаев предлагал интеграцию СВМДА и ОБСЕ [9].

Количество участников СВМДА с каждым годом увеличивается, и сегодня СВМДА охватывает порядка 90% территории и населения континента. Совещание объединяет страны, представляющие различные субрегионы, имеющие отличное друг от друга восприятие безопасности, не говоря уже о том, что СВМДА как международной организации в принципе сложно объединить интересы всех 26 стран, многие из которых имеют мало общего. В то же время в СВМДА не принимают участие такие важные региональные игроки, как Япония, Австралия, Индонезия, что свидетельствует о недостаточной репрезентативности Восточноазиатского региона, который на сегодняшний день является центром мирового торгово-экономического сотрудничества и имеет важнейшее значение для общемировой безопасности и стабильности.

Изначально СВМДА многими воспринималось в качестве именного проекта Нурсултана Назарбаева. Присоединение к Совещанию использовалось многими странами для демонстрации намерения развивать отношения с Казахстаном, в то время как к предложениям Назарбаева о создании на базе СВМДА азиатского варианта Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе никто не относился всерьез [17]. Очевидно именно для того, чтобы отойти от имиджа «проекта одной страны», а также интернационализировать и диверсифицировать СВМДА, Казахстан в 2010 г. инициировал механизм ротации председательства. Сегодня, несмотря на то, что Назарбаев удерживает символическую роль идейного вдохновителя и основателя данного формата взаимодействия, центральная роль в рамках объединения постепенно переходит к Китаю, что несет как положительные, так и негативные последствия.

С одной стороны, во время председательства Казахстана Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии испытывало сложности в определении ключевого направления деятельности, что значительно замедляло его развитие. Проблемы безопасности обсуждались крайне редко, в то время как в повестке дня доминировали вопросы обеспечения стабильности торгово-экономического взаимодействия стран-участниц. Даже на сегодняшний день значительную часть повестки Совещания занимают не имеющие прямого отношения к безопасности вопросы: сотрудничество в

гуманитарной сфере, в сфере безопасности и эффективности транспортных коридоров, противодействия распространению наркотиков, в области информационных технологий и энергетической безопасности, в том числе развития туризма и экологии. Подобное рассредоточение направлений взаимодействия доказало свою функциональность в деле привлечения новых участников, однако привело к тому, что СВМДА мало кто воспринимал в качестве института безопасности [15]. В то же время Китай предложил ряд инициатив, которые возродили интерес к СВМДА как к институту взаимодействия в области безопасности и обозначили новый вектор развития именно этого компонента [19].

С другой стороны, несмотря на то, что многие аналитики связывают с председательством Китая большие надежды, особенно на фоне выступления Си Цзиньпина, декларирующего создание архитектуры безопасности на основе СВМДА, пока не совсем понятно то, как эта идея будет осуществляться на практике. Помимо этого, лидерство Китая может снизить степень вовлеченности некоторых действующих участников, а также осложнить возможность присоединения новых.

На сегодняшний день стремление Пекина укрепить свои позиции в рамках объединения становится все более отчетливым. Сама концепция СВМДА как организации, объединяющей только азиатские государства, совпадает с видением КНР и, на первый взгляд, представляется для Китая наиболее подходящим многосторонним институтом сотрудничества в области безопасности [22]. В рамках Совещания Китай получает уникальную возможность обсуждения вопросов безопасности и налаживания военно-политического сотрудничества со странами Азии, исключив из обсуждений США и другие неазиатские державы.

В последнее время эксперты все чаще говорят о том, формат СВМДА может быть использован Пекином, в первую очередь, для увеличения собственного влияния в Азии и формирования системы международных институтов безопасности, ориентированной на Китай [18]. В том случае, если КНР удастся укрепиться в качестве легитимного лидера данной системы, она может выступить конкурентом институтам безопасности, существующим в регионе. На фоне усиления американо-китайского соперничества, СВМДА, наряду с другими, ориентированными на Китай институтами, может вовсе стать инструментом противодействия США и существующей системе двусторонних американоцентричных альянсов в Восточной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алматинский акт СВМДА [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт СВМДА. – Режим доступа: http://www.s-cica.org/admin/upload/files/Almaty_Act_rus.doc.

2. Внешние связи СВМДА [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт СВМДА. – Режим доступа: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=79&lang=2.

3. Выступление президента Казахстана Нурсултана Назарбаева на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (Нью-Йорк, 5.10.1992) [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт СВМДА. – Режим доступа: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=364&lang=2&parent_id=82.

4. Декларация принципов, регулирующих отношения между участниками СВМДА [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт СВМДА. – Режим доступа: http://www.s-cica.org/admin/upload/files/The_declaration_of_the_principles_regulating_the_relations_between_member_states_the_CICA.doc.

5. Казыханов, Е. СВМДА: уникальная культура диалога для Азии // Казахстанская правда. – 2012. – 11 сент. – С. 3.

6. Каталог мер доверия СВМДА [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт СВМДА. – Режим доступа: http://www.s-cica.org/admin/upload/files/CICA_Catalogue_of_Confidence_Building_Measures_rus.doc.

7. Комитет старших должностных лиц СВМДА [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт СВМДА. – Режим доступа: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=176&lang=1.

8. Муканов, Х. СВМДА: новое дыхание [Электронный ресурс] // Саясат. – 2014. – 16 мая. – Режим доступа: <http://sayasat.org/articles/899-svmdja-novoe-djyhanie>.

9. Назарбаев пригласил представителей «Тройки» ОБСЕ на саммит СВМДА [Электронный ресурс] // Интернет-портал Нур. – 2010. – 14 мая. – Режим доступа: <http://www.nur.kz/151698.html>.

10. Необходимо синхронизировать деятельность СВМДА и ОБСЕ – эксперты [Электронный ресурс] // РИА-Новости. – 2010. – 7 июня. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20100607/243633604.html>.

11. О СВМДА [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт СВМДА. – Режим доступа: http://www.s-cica.kz/page.php?page_id=65&lang=2.

12. Председательство в СВМДА [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт СВМДА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=66&lang=2.

13. Путин прибыл в Казахстан, где примет участие в саммите СВМДА и встретится с Назарбаевым, Алиевым, Карзаем и Чинаватом [Электронный ресурс] // NewsRu. – 2006. – 16 июня. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/arch/world/16jun2006/kaz.html>.

14. Секретариат СВМДА [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт СВМДА. – Режим доступа: http://www.s-cica.kz/page.php?page_id=67&lang=2.

15. Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/10eb3f80464d7d3c8350ef293491a18d/svmda.doc>.

16. Четвертый саммит СВМДА [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт СВМДА. – Режим доступа: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=705&lang=1.

17. Azizian, R. Eurasian response to china's rise: Russia and Kazakhstan in search of optimal china policy / R. Azizian, E. Bainazarova // *Asian Politics & Policy*. – 2012. – № 4(3). – P. 377–399.

18. Lee Jaehyon. China Is Recreating the American 'Hub-and-Spoke' System in Asia [Электронный ресурс] // *The Diplomat*. – 2015. – May, 11. – Режим доступа: <http://thediplomat.com/2015/09/china-is-recreating-the-american-hub-and-spoke-system-in-asia/>.

19. Li Shaoxian. CICA in Its Third Decade: Background and Prospects [Электронный ресурс] // *China-US Focus*. – 2014. – May, 20. – Режим доступа: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/cica-in-its-third-decade-background-and-prospects/#sthash.IJq7keKi.dpuf>.

20. President Xi addresses CICA summit [Электронный ресурс] // *Xinhua News*. – 21.05.2014. – May, 21. – Режим доступа: <http://www.chinausfocus.com/china-news/president-xi-addresses-cica-summit>.

21. Shahzad, Ifran. CICA for Asian Security [Электронный ресурс] // *Pakistan Observer*. – 2012. – May, 25. – Режим доступа: <http://pakobserver.net/detailnews.asp?id=179621>.

22. Shen Dingli. Asian Awareness, Asian Security [Электронный ресурс] // *China-US Focus*. – 2014. – April, 27. – Режим доступа: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/asian-awareness-asian-security/>.

23. Tiezzi, S. At CICA, Xi Calls for New Regional Security Architecture [Электронный ресурс] // *The Diplomat*. – 2014. – May, 22. – Режим доступа: <http://thediplomat.com/2014/05/at-cica-xi-calls-for-new-regional-security-architecture/>.

24. Xi Jinping. Remarks at the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia // *China Internet Information Center*. – 2014. – May, 28. – Режим доступа: http://www.cica-china.org/eng/zyhyhwj_1/yxhy/yxfh/t1170132.htm.

REFERENCES

1. CICA Almaty Act. *CICA Official Web-site*. Available at: http://www.s-cica.org/admin/upload/files/Almaty_Act_rus.doc (accessed 23 October 2015). (In Russian).
2. External relations of the CICA. *CICA Official Web-site*. Available at: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=79&lang=2 (accessed 23 October 2015). (In Russian).
3. Address by the President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev at the 47th session of the General Assembly of the United Nations (New York. 5.10.1992). *CICA Official Web-site*. Available at: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=364&lang=2&parent_id=82 (accessed 23 October 2015). (In Russian).
4. Declaration on the Principles Guiding Relations among the CICA members. *CICA Official Web-site*. Available at: http://www.s-cica.org/admin/upload/files/The_declaration_of_the_principles_regulating_the_relations_between_member_states_the_CICA.doc (accessed 23 October 2015). (In Russian).
5. Kazykhanov E. SVMMDA: unikalnal'nayakul'turadiologadlyaAzii [CICA: a unique culture of dialogue for Asia]. *Kazakhstanskaya Pravda*, 2012, September, 11.
6. Catalogue of Confidence Building Measures. *CICA Official Web-site*. Available at: http://www.s-cica.org/admin/upload/files/CICA_Catalogue_of_Confidence_Building_Measures_rus.doc (accessed 23 October 2015). (In Russian).
7. Senior Officials Committee of the CICA. *CICA Official Web-site*. Available at: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=176&lang=1 (accessed 23 October 2015). (In Russian).
8. Mukanov Kh. SVMMDA: novoe dykhanie [CICA: a new breath]. *Sayasat*, 2014, May, 16. Available at: <http://sayasat.org/articles/899-svmdja-novoe-djyhanie> (accessed 23 October 2015).
9. Nazarbaev priglasil predstaviteli «Troiki» OBSE na sammit SVMMDA [Nazarbayev invited representatives of the «Troika» of the OSCE in the CICA Summit]. *Internet portal Nur*, 2010, May, 14. Available at: <http://www.nur.kz/151698.html> (accessed 23 October 2015).
10. Neobkhodimo sinkhronizirovat' deyatel'nost' SVMMDA i OBSE – eksperty [You must sinkhronizirovat deyatel'nost CICA and the OSCE – experts]. *RIA-Novosti*, 2010, June, 7. Available at: <http://ria.ru/world/20100607/243633604.html> (accessed 23 October 2015).
11. About the CICA. *CICA Official Web-site*. Available at: http://www.s-cica.kz/page.php?page_id=65&lang=2 (accessed 23 October 2015). (In Russian).
12. Chairmanship of CICA. *CICA Official Web-site*. Available at: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=66&lang=2 (accessed 23 October 2015). (In Russian).

13. Putin pribyl v Kazakhstan, gde primet uchastie v sammite SVMDA i vstretitsya s Nazarbaevym, Alievym, Karzaem i Chinavatom [Putin arrived in Kazakhstan to take part in the summit of the CICA and meet with Nazarbayev, Aliyev, Karzai and Shinawatra]. *NewsRu*, 2006. June, 16. Available at: <http://www.newsru.com/arch/world/16jun2006/kaz.html> (accessed 23 October 2015).
14. The Secretariat of the CICA. *CICA Official Web-site*. Available at: http://www.s-cica.kz/page.php?page_id=67&lang=2 (accessed 23 October 2015). (In Russian).
15. The Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia. *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available at: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/10eb3f80464d7d3c8350ef293491a18d/svmda.doc> (accessed 23 October 2015). (In Russian).
16. Fourth Summit of CICA. *CICA Official Web-site*. Available at: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=705&lang=1 (accessed 23 October 2015). (In Russian).
17. Azizian R., Bainazarova E. Eurasian response to china's rise: Russia and Kazakhstan in search of optimal china policy. *Asian Politics & Policy*, 2012, no. 4(3), pp. 377–399.
18. Lee Jaehyon. China Is Recreating the American 'Hub-and-Spoke' System in Asia. *The Diplomat*, 2015. May, 11. Available at: <http://thediplomat.com/2015/09/china-is-recreating-the-american-hub-and-spoke-system-in-asia/> (accessed 23 October 2015).
19. Li Shaoxian. CICA in Its Third Decade: Background and Prospects. *China-US Focus*, 2014, May, 20. Available at: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/cica-in-its-third-decade-background-and-prospects/#sthash.IJq7keKi.dpuf> (accessed 23 October 2015).
20. President Xi addresses CICA summit. *Xinhua News*, 2014, May, 21. Available at: <http://www.chinausfocus.com/china-news/president-xi-addresses-cica-summit>
21. Shahzad Ifran. CICA for Asian Security. *Pakistan Observer*, 2012, May, 25. Available at: <http://pakobserver.net/detailnews.asp?id=179621> (accessed 23 October 2015).
22. Shen Dingli. Asian Awareness, Asian Security. *China-US Focus*, 2014, April, 27. Available at: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/asian-awareness-asian-security/> (accessed 23 October 2015).
23. Tiezzi S. At CICA, Xi Calls for New Regional Security Architecture. *The Diplomat*, 2014, May, 24. Available at: <http://thediplomat.com/2014/05/at-cica-xi-calls-for-new-regional-security-architecture/> (accessed 23 October 2015).
24. Xi Jinping. Remarks at the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia. *China Internet Information Center*, 2014, May, 28. Available at: http://www.cica-china.org/eng/zyhyhwj_1/yxhy/yxfh/t1170132.htm (accessed 23 October 2015).

УДК 355:001.891(73)

Лыков Константин Федорович, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и антропологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток. Россия. E-mail: humanities@dvfu.ru

Суховей Дарья Анатольевна, ведущий специалист дирекции Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: sumarusya@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОЙ СИЛЫ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПОДХОДОВ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛИТИКО-АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА США

Заметное ухудшение российско-американских отношений актуализировало вопрос о том, какие подходы к решению проблем безопасности существуют в политико-академических кругах США. Учитывая тесное взаимодействие руководства США с политологами-теоретиками, выявление и анализ тенденций развития американской политической мысли позволит лучше понять идейные основы и установки внешней политики США.

Статья посвящена рассмотрению и систематизации точек зрения американских политологов по вопросу использования военной силы. На основе анализа типологий, которые предлагает политическая наука, автор статьи приходит к выводу, что разграничивать концепции представителей американской политической мысли было бы удачнее посредством прикладной классификации.

В работе обосновывается функциональность представленных автором критериев разграничения идей американских политологов. Так основными критериями разделения выступает отношение к активности использования силы и отношение к угрозам/вызовам национальной безопасности США. Уточняющими критериями являются первостепенность силового воздействия, легитимность применения военной силы, гуманитарная направленности силовой операции.

В зависимости от названных критериев в статье обозначается разделение политических экспертов США на интервенционистов (с внутренним делением на рационалистов и радикалов), а также сторонников умеренного использования силы (с внутренним разделением на концептуалистов и оборонщиков).

Группа «интервенционистов» – это авторы, выступающие за активное применение силы во внешней политике США.

Внутри группы умеренного подхода подгруппа концептуалистов не выступает против использования военной силы, однако высказывается за ограниченное ее применение.

Группа «оборонщиков» отстаивает позицию невмешательства в дела других государств, рекомендует использовать силу исключительно в целях самообороны. Эксперты, которые входят в указанную группу, не считают, что США могут опасаться каких-либо военных угроз.

Ключевые слова: американская политическая мысль, использование военной силы, интервенционисты, концептуалисты, оборонщики, легитимность, реализм, идеализм, консерватизм.

UDC 355:001.891(73)

Konstantin F. Lukov, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Archaeology and Anthropology of the School of Humanities Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: humanities@dvfu.ru

Darya A. Sukhovey, leading specialist management of the Law School of the Far East Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: sumarusya@yandex.ru

USE OF MILITARY FORCE: COMPARATIVE ANALYSIS OF AMERICAN POLITICAL SCIENTISTS' APPROACHES

Notable frustration of US-Russian relations renewed the question what are the main security problems US academic circles consider to be important and what are the main directions to solve that problems. Taking into account that US political leaders and academics are working in close cooperation an information about trends and developments that exist in American political science would be good point for better comprehension of US foreign policy.

The article is dedicated to systematization of American political scientists' points of view to use of military force question. Comparing the approaches that exist in political science theory the author has come to conclusion that it is better to use narrow and applied classification that systemize American political scientists' concepts on use of force issue.

The work explains the functionality of criteria that the author considers essential to classify American theorists' concepts. The main criteria are: attitude to use of force activity and attitude towards threat/challenge to national security perception. Also additional criteria are added: attitude to use of force primacy, legitimacy and humanitarian goals of the intervention.

In dependence of above mentioned criteria there are groups in American political science: interventionists (rational and radical) and upholders of temperate position to use of force issue (conceptualists and defenders).

Key words: american political thought, use of military force, interventionists, conceptualists, defenders, legitimacy, realism, idealism, conservatism.

1. Проблемы применения конвенциональных типологий к анализу идей американских политологов по вопросу использования военной силы

При попытке рассмотрения концепций, разработанных американскими авторами, сквозь призму конвенциональных типологий, возникает ряд существенных проблем.

Проблема 1. В рамках типологии реализм/идеализм невозможно отразить многообразие подходов американских политических исследователей относительно использования силы.

Проблема практической функциональности разделения реализм/идеализм признается отечественными научными деятелями [14, с. 5; 21, с. 19–31; 22, с.14].

Доводы, приведенные исследователями, справедливы и в отношении неудачности классификации реализм/идеализм в случае, когда необходимо систематизировать концепции использования силы в американской политической мысли.

Приведем критерии отнесения к лагерю реалистов: а) рассмотрение внешней политики отдельно от внутренней; б) убеждение, что конфликтность коренится в природе международных отношений. По этой причине реалисты убеждены, что международное право, институты и моральные нормы имеют ограниченное влияние, а мирное сосуществование возможно только при достижении и поддержании баланса сил [23].

Теперь рассмотрим критерии отношения к школе идеализма. Таковыми являются: а) воззрение, что негосударственные субъекты, так же как и государства, являются субъектами международной политики; б) мнение, что международные организации оказывают влияние на поведение государств; в) вера в то, что коллективные усилия – это средство избегания войны [15, с. 17]. То есть непосредственное отношение к использованию силы как таковому из перечисленных критериев имеет лишь критерий отношения к коллективным усилиям как к средству избегания войны.

Исходя из данного критерия:

Во-первых, неясно, как при помощи типологии реализм/идеализм дифференцировать концепции, которые не затрагивают проблему коллективных усилий? Так, например, в американском политическом сообществе выделяется группа авторов, чья позиция сводится к призыву не использовать военный контингент за рубежом. Политологи, которые могут относиться к данной группе, не оговаривают четко своей позиции относительно коллективных усилий, а также роли международных норм и институтов в процессе избегания войны. Поэтому при использовании классификации реализм/идеализм позиция указанных экспертов будет игнорироваться.

Во-вторых, поскольку сторонники концепций избирательного участия, баланса сил и оффшорного балансирования призывают в определенных

случаях использовать силу без одобрения международных институтов, то сторонники названных концепций будут отнесены к представителям школы реализма. При таком подходе воззрения приверженцев стратегий менее агрессивного использования силы (оффшорное балансирование, баланс сил и избирательное участие) никак не дифференцируются от взглядов сторонников активного вовлечения США в военные операции. Так, в равной мере реалистами будут считаться:

а) приверженцы активного использования силы, настаивающие на позиции, что военное вмешательство не является последним средством воздействия [16];

б) авторы, придерживающиеся мнения, что военные силы США должны быть задействованы исключительно в том редком случае, когда нарушен баланс сил в регионе [19].

Таким образом, в одну группу реалистов будут отнесены авторы с различными позициями по вопросу использования силы, что является методологическим упущением.

В-третьих, также неясно, какое положение внутри типологии реализм/идеализм занимают идеи тех авторов, которые не высказываются против необходимости ООН как коллективного органа для решения проблем международной безопасности, но предлагают изменить структуру организации. Цель реформы заключается в том, чтобы Совет Безопасности ООН легче принимал резолюции об использовании гуманитарных операций, внедрении принципа ограниченного суверенитета [17]. При таком подходе ООН уже не рассматривается как коллективный инструмент поддержания мира, а видится американскими интеллектуалами как наиболее удобный орган, выдающий санкцию на применение силы.

В.Н. Коньшев [15] дифференцирует в рамках школы неореализма сторонников стратегии превосходства (выступают за активное использование силы), избирательного участия (за использование военной силы в ключевых регионах) и неизоляционизма (за уменьшение использования силы). Однако необходимо учесть, что и авторы, выступающие за активное использование военной силы, и авторы, настаивающие на необходимости сокращения участия Вашингтона в силовых операциях, также в равной степени будут считаться неореалистами, что указывает на общий характер классификации.

Необходимо отметить, что указанный подход В.Н. Коньшева не учитывает внутреннего разделения воззрений авторов, выступающих за активное использование силы.

Так, например, Абе Гринвальд в «Вашингтон пост» «Провал политики мягкой силы» [5] не делает акцент на использовании силы в качестве последнего аргумента.

В противовес такому мнению, Д. Стенберг и И. Даалдер, в целом не отрицая необходимости применения силового воздействия, высказывают

идею о том, что военная сила должна использоваться, когда все другие средства исчерпаны [11].

Таким образом, воззрения авторов с про-силовой позицией внутренне дифференцированы, что должно найти отражение.

Проблема 2. Систематизация консерватизм – неоконсерватизм не подходит для подробного анализа существующих в американской политической мысли концепций использования силы.

Необходимо начать с того, что понятие «консерватизм» слишком общее и призвано дать характеристику идеологии. М.Н. Ханов стремится внести ясность и уточняет, что консерватизм в сфере внешней политики «отражается в ставке на военно-политические методы в деле реализации поставленных целей» [22, с. 65]. Данное уточнение, однако, не учитывает того, что мнения авторов, которые делают ставку на военно-политические методы, разделяются, о чем говорилось выше.

Необходимо также отметить, что наравне со сторонниками активного использования силы будут считаться консерваторами и авторы, которые являются приверженцами теории оффшорного балансирования и избирательного участия. Поскольку, в отличие от про-силовых концепций, в основе названных теорий находится неагрессивное использование силы, обобщение позиций интервенционистов и сторонников умеренного подхода к использованию силы было бы логически неверным.

Наиболее детально течение неоконсерватизма исследует Ф. Фукуяма, который выделяет 4 признака воззрений неоконсерваторов [4]:

1. Вера в то, что внутренний характер режима имеет значение, и в то, что внешняя политика должна отражать ценности либеральных демократических обществ.
2. Уверенность в том, что американская сила и мощь всегда использовались и должны использоваться в дальнейшем для поддержания моральных ценностей.
3. Недоверие к проектам социального строительства.
4. Скептицизм относительно легитимности и эффективности международных институтов с целью достижения справедливости и безопасности.

Несмотря на то, что по данным критериям можно разделить воззрения американских политических экспертов, невозможно применить данную классификацию напрямую к вопросу использования силы ввиду следующего:

во-первых, существует общий категорийно-понятийный аппарат, который един для группы интервенционистов. Все авторы, занимающие характерную про-силовую позицию, считают, что свержение режима, ограниченный суверенитет, превентивное использование силы должны использоваться против государств, не справляющихся с обязанностями внутри своих границ. Таким образом, интервенционисты солидарны во мнении, что внутренний характер режима имеет первостепенное значение;

во-вторых, практически все американские авторы высказывают скептицизм относительно эффективности международных институтов. Поэтому под пункт 4 подпадают и те авторы, которые в принципе видят в коллективной системе безопасности ненужный анахронизм [18], и те, которые выдвигают свои варианты улучшения эффективности этой системы.

Таким образом, при использовании кластера «неоконсерватизм» применительно к описанию воззрений по вопросу использования силы недостаточно четко определяется внутренняя дифференциация интервенционистов.

Проблема 3. Разграничение по линии «односторонние действия – многосторонние действия» [20] не отражает реальной обстановки в американской политической мысли.

Необходимость как односторонних, так и многосторонних действий в определенных случаях признается как авторами, настаивающими на силовых методах воздействия, так и относящимися к данной проблеме более осторожно.

Так, сторонник решительных военных действий С. Гров, сотрудник научно-исследовательского центра Фонд «Наследие», не отрицает возможности построения коалиции интересов, а также координации силовых действий США в рамках НАТО и ООН для лучшего достижения жизненно важных интересов [6]. Та же позиция встречается и у Ричарда Перла [8], М. Бута [2].

Обратная последовательность от многосторонних действий к односторонним наблюдается в работах рационалистов Д. Стейнберга и И. Даалдера. Авторы рекомендуют согласовывать силовые действия с мировым сообществом и традиционными союзниками [12]. Односторонние действия, по мнению авторов, допускаются, если США не удалось получить санкцию ООН и региональных международных институтов [3].

Проблема 4. В существующих типологиях, где выделяется группа неоиоляционистов, упускается позиция американских политологов, настаивающих на том, что использование силы необходимо исключительно в рамках самообороны от прямого военного нападения на территорию страны.

В работах отечественных и зарубежных исследователей закрепилась традиция использовать термин «неоиоляционизм» для обозначения позиций авторов, которые призывают уменьшить использование военной силы.

Анализируя взгляды неоиоляционистов, В.Н. Коньшев заключает, что данная группа авторов отстаивает мнение, что «государству следует использовать военную силу за рубежом в минимальных масштабах» [15, с. 279]. Однако необходимо отметить, что использование военной силы в минимальных масштабах не исключает возможность ее применения за пределами национальной территории.

Так профессор Джорджтаунского университета Эрик Воетен [13] относит исследователя Б. Поузена к группе «неоиоляционистов». Однако

Б. Поузен признает необходимость использования военной силы за рубежом для установления порядка, основанного на представлениях Вашингтона о справедливости [9].

Теоретик стратегии оффшорного балансирования (которую В.Н. Конышев также называет вариантом неоиоляционизма) [15, с.179] Д. Миршаймер видит главную задачу США в том, чтобы быть готовыми использовать армию для военного вмешательства в важные для США регионы. Однако войска должны располагаться вне этих регионов или на своей территории [7].

Стратегия неагрессивного использования военной силы «Избирательного участия» предполагает реагирование со стороны США только в случае, если задеты жизненно важные для Вашингтона интересы. Теоретиком данной концепции является Роберт Арт [1].

Приведенные выше концепции использования военной силы, предложенные так называемыми неоиоляционистами, не раскрывают позицию американских политических экспертов, которые рассматривают применение военной силы исключительно в условиях самообороны от прямого нападения на территорию США. Так, в рамках понятия «неоиоляционизм» игнорируется подход американских политологов, отвергающих использование военной мощи во всех случаях, кроме прямой самообороны.

Необходимо подчеркнуть, что воззрения авторов, настаивающих на ограничении использования военной силы условием прямой самообороны, составляют достаточно большой пласт американской политической мысли. Таким образом, для того, чтобы точнее отразить тенденции, существующие в академико-политическом сообществе США, необходимо дифференцировать взгляды политологов, рассматривающих применение военной силы в рамках самообороны, от позиции авторов, настаивающих на сокращении военной активности, но не отказывающихся от неё полностью.

Необходимо также отметить, что в русскоязычной литературе термин «неоиоляционизм» является калькой с английского языка термина, придуманного авторами-интервенционистами. Авторы с про-силовой позицией через этот термин критикуют ненаступательную позицию своих коллег. Так, интервенционисты противопоставляют невмешательство активным военным действиям, приписывая ему негативный смысл. Более того, искажается суть воззрений данных авторов. Понятно, против чего они выступают, но не ясно, какие предложения вносят.

2. Классификация концепций американских политологов по вопросу использования военной силы

Проблемы, возникающие при попытке классификации положений об использовании военной силы в трудах представителей политической мысли США, связаны, прежде всего, с недостаточно четкими критериями, которые берутся за основу тех или иных типологий и классификаций. Для более

удачной систематизации предлагаем критерии отношения американских политологов к активности использования силы за рубежом и отношение к угрозам/вызовам национальной безопасности США.

В зависимости от этих критериев воззрения американских политологов предлагается разделить на группы «интервенционистов» с делением на «интервенционистов-рационалистов» и «интервенционистов-радикалов», а также на представителей умеренной позиции использования военной силы внутренним делением на «концептуалистов» и «оборонщиков».

Группа «интервенционистов» – это авторы, выступающие за активное применение силы во внешней политике США. Данная группа выделяет множество угроз и вызовов национальной безопасности.

Внутреннее деление интервенционистов обосновывается следующими критериями:

1. Отношение к первостепенности применения военной силы. Так интервенционисты-рационалисты, в отличие от интервенционистов-радикалов, рассматривают использование силового воздействия исключительно, по крайней мере, на словах, в качестве последнего рычага. Интервенционисты-радикалы не выделяют условий и ограничений, когда необходимо нанести удар по территории другой страны.

Отношение к легитимности силовых действий. В трудах американских авторов термин легитимность переносится на характеристику военных *действий* США, правомерность которых принимается/не принимается мировым сообществом. Данный критерий представляется более функциональным, чем отношение к коллективным или односторонним действиям.

Интервенционисты-рационалисты настаивают на важности одобрения международным сообществом военных действий США.

Интервенционисты-радикалы, напротив, не считают необходимым искать поддержку среди мирового сообщества при проведении силовой операции. Авторы считают, что использование военной силы – это выбор национального государства, которое заботится о собственной безопасности, а не о мнении других государств.

2. Отношение к гуманистической направленности военной кампании. Интервенционисты-радикалы негативно относятся к гуманитарной интервенции, предполагающей как вторжения с целью предотвращения актов геноцида, массовых убийств и репрессий, так и вторжения с целью восстановления прав человека и демократизации на территории другой страны. Интервенционисты-рационалисты придерживаются противоположной точки зрения.

Внутри группы умеренного подхода подгруппа концептуалистов не выступает против использования военной силы, однако высказывается за ограниченное ее применение.

К концептуалистам могут быть причислены сторонники неагрессивных подходов к использованию военной силы: авторы стратегии «Умная сила»

Д. Най и Р. Армитаж, разработчик «Большой стратегии» Р. Бетс, «Избирательного участия» Р. Арт, «Ограничения» Б. Поузен, а также приверженцы стратегий баланса сил (Э. Крепиневич, Д. Метлок) и оффшорного балансирования (К. Лейн, Д. Миршаймер).

Концептуалисты относятся рационально к вопросу угроз/вызовов национальной безопасности США и критикуют подход интервенционистов к названной проблеме.

Группа «оборонщиков» отстаивает позицию невмешательства в дела других государств, рекомендует использовать силу исключительно в целях самообороны. Эксперты, которые входят в указанную группу, не считают, что США ожидают какие-либо военные угрозы.

К лагерю оборонщиков могут быть причислены: У. Пфафф, И. Валлестайн, Э. Бацевич, И. Иланд, Т. Мур, Н. Хомский, Д. Раймондо.

Проведенный анализ прикладных аспектов темы позволяет сделать вывод о том, что плюрализм мнений по поводу использования военной силы в политике США не находит полного спектра своего отражения в практике концептуально-теоретического уровня и практического обеспечения круга внешней политики США. Так анализ Стратегий национальной безопасности США показывает безусловную и безотносительную приверженность активного использования силы за пределами национальной территории с небольшими коррективами.

Внешнеполитический курс Д. Буша-младшего, обозначенный в Стратегиях национальной безопасности 2002 г. и 2006 г., испытывает большое влияние идей интервенционистов-радикалов. В указанных Стратегиях военная сила не рассматривается в качестве последнего рычага влияния, а легитимности использования силы внимание не уделяется вовсе.

С приходом Б. Обамы вносятся коррективы в Стратегию национальной безопасности: в 2010 г. и в обновленном варианте 2015 г. делается акцент на то, что силовое воздействие является последним средством, а легитимности использования силы придается достаточно весомое значение. Таким образом, в Стратегии 2010 г. заметно влияние идей интервенционистов-рационалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Art, R. Selective engagement after Bush // American path: debating grand strategy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnas.org/files/documents/press/America's%20Path%20Press%20Release%20for%20web%20site.pdf>.
2. Boot, M. Project for a new Chinese century [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/006/149ugqci.asp?page=3>.

3. Daalder, I. The Future of Preemption / I. Daalder, J. Steinberg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=35>.
4. Fukuyama, F. America at the crossroads: democracy, power, and the neo-conservative legacy / F. Fukuyama. – New Haven ; London : Yale University press, 2005. – 282 p.
5. Greenwald, A. Soft power fallacy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hnn.us/roundup/entries/129328.html>.
6. Groves, S. The Interdependence of National Security and National Sovereignty [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://thf_media.s3.amazonaws.com/2010/pdf/AR10-03.pdf.
7. Mearsheimer, J. Imperial by design [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nationalinterest.org/article/imperial-by-design-4576?page=show>.
8. Perle, R. Coalition of the ineffectual [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aei.org/article/foreign-and-defense-policy/regional/middle-east-and-north-africa/coalition-of-the-ineffectual>.
9. Posen, V. Grant strategy of restraint [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polsci.wvu.edu/faculty/hauser/PS591Q/Posen2_Testimony071508.pdf.
10. Rubin, M. Unilateralism: The way justice sometimes must be done [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.commentarymagazine.com/2011/05/02/unilateralism-the-way-justice-sometimes-must-be-done>.
11. Stainberg, J. The Use of Preventive Force as an Element of US National Strategy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://images1.americanprogress.org/il80web20037/securitypeace/steinberg.pdf>.
12. Steinberg, J. Preventive war, a useful tool / J. Steinberg, I. Daalder [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.brookings.edu/opinions/2005/1204iraq_daalder.aspx.
13. Voeten, E. Case for new isolationism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://themonkeycage.org/blog/2011/02/07/the_case_for_a_new_isolationis/.
14. Иванов, О. П. Применение военной силы США в современных условиях: рациональный и иррациональный подходы : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 / О. П. Иванов. – М., 2008. – 46 с.
15. Конышев, В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории / В. Н. Конышев. – СПб. : Наука, 2004. – 178 с.
16. Krauthammer, C. Unilateral? Yes, indeed [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jewishworldreview.com/cols/krauthammer121701.asp>.
17. Ikenberry, J. A world of our making [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.democracyjournal.org/21/a-world-of-our-making-1.php?page=all>.

18. Krauthammer, C. Absurd UN is trying to make America a laughingstock [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jewishworldreview.com/cols/krauthammer022803.asp>.

19. Krepinevich, A. The Pentagon's wasting assets // *Foreign Affairs*. – 2009, July–August. – No. 4. – P. 18–33.

20. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред. Ф. Г. Войтовский, П. А. Гузев, Э. Г. Соловьев. – М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 204 с.

21. Тарелин, А. А. Политико-экспертное сообщество США: классификация и отношение к России // *США – Канада : экономика, политика, культура*. – 2010. – № 2. – С. 19–31.

22. Ханов, М. М. Место и роль США в современных международных отношениях в освещении американской историко-политической мысли : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / М. М. Ханов. – Омск, 2006. – 213 с.

23. Цыганков, П. А. Международные отношения : учебное пособие. – М. : Новая школа, 1996. – 320 с.

REFERENCES

1. Art R. Selective engagement after Bush. *American path: debating grand strategy*. Available at: <http://www.cnas.org/files/documents/press/America's%20Path%20Press%20Release%20for%20web%20site.pdf> (accessed 23 October 2015).

2. Boot M. *Project for a new Chinese century*. Available at: <http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/006/149ugqci.asp?page=3> (accessed 23 October 2015).

3. Daalder I., Steinberg J. *The Future of Preemption*. Available at: <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=35> (accessed 23 October 2015).

4. Fukuyama F. *America at the crossroads: democracy, power, and the neo-conservative legacy*. New Haven; London: Yale University press, 2005. 282 p.

5. Greenwald A. *Soft power fallacy*. Available at: <http://hnn.us/roundup/entries/129328.html> (accessed 23 October 2015).

6. Groves S. *The Interdependence of National Security and National Sovereignty*. Available at: http://thf_media.s3.amazonaws.com/2010/pdf/AR10-03.pdf (accessed 23 October 2015).

7. Mearsheimer J. *Imperial by design*. Available at: <http://nationalinterest.org/article/imperial-by-design-4576?page=show> (accessed 23 October 2015).

8. Perle R. *Coalition of the ineffectual*. Available at: <http://www.aei.org/article/foreign-and-defense-policy/regional/middle-east-and-north-africa/coalition-of-the-ineffectual/> (accessed 23 October 2015).

9. Posen B. *Grant strategy of restraint*. Available at: http://www.polsci.wvu.edu/faculty/hauser/PS591Q/Posen2_Testimony071508.pdf (accessed 23 October 2015).

10. Rubin M. *Unilateralism: The way justice sometimes must be done*. Available at: <http://www.commentarymagazine.com/2011/05/02/unilateralism-the-way-justice-sometimes-must-be-done/> (accessed 23 October 2015).
11. Stainberg J. *The Use of Preventive Force as an Element of US National Strategy*. Available at: <http://images1.americanprogress.org/il80web20037/securitytypepeace/steinberg.pdf> (accessed 23 October 2015).
12. Steinberg J., Daalder I. *Preventive war, a useful tool*. Available at: http://www.brookings.edu/opinions/2005/1204iraq_daalder.aspx (accessed 23 October 2015).
13. Voeten E. *Case for new isolationism*. Available at: http://themonkeycage.org/blog/2011/02/07/the_case_for_a_new_isolationism/ (accessed 23 October 2015).
14. Ivanov O.P. *Primenenie voennoi sily SShA v sovremennykh usloviyakh: ratsional'nyi i irratsional'nyi podkhody* [US use of military force in contemporary world: rational and irrational approaches]. Dr. Diss. (Political Sci.). Synopsis. Moscow, 2008. 46 p.
15. Konishev V.N. *Amerikanskii neorealizm o prirode voiny: evolyutsiya politicheskoi teorii* [American neorealism about war nature: political theory evolution]. Sanct-Peterburg, 2004. 178 p.
16. Krauthammer C. *Unilateral? Yes, indeed*. Available at: <http://jewishworldreview.com/cols/krauthammer121701.asp> (accessed 23 October 2015).
17. Ikenberry J. *A world of our making*. Available at: <http://www.democracyjournal.org/21/a-world-of-our-making-1.php?page=all> (accessed 23 October 2015).
18. Krauthammer C. *Absurd UN is trying to make America a laughingstock*. Available at: <http://jewishworldreview.com/cols/krauthammer022803.asp> (accessed 23 October 2015).
19. Krepinevich A. The Pentagon's wasting assets. *Foreign Affairs*, July-August 2009, no. 4, pp. 18–33.
20. Voytovskii F.G., Guzev P.A., Solov'ev E.G. Solovyev, eds. *Ot miroporyadka imperii k imperskomu miroporyadku* [From imperia's world order to imperial world order]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2005. 204 p.
21. Tarelin A.A. Politiko-ekspertnoe soobshchestvo SShA: klassifikatsiya i otnoshenie k Rossii [Political and expert society in USA: classification and attitude to Russia]. *SShA – Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2010, no. 2, pp. 19–31.
22. Hanov M.M. *Mesto i rol' SShA v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh v osveshchenii amerikanskoi istoriko-politicheskoi mysli* [US Place and role in modern international relations]. Cand. Diss. (History Sci.). Omsk, 2006. 213 p.
23. Tsygankov P.A. *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International relations]. Moscow: Novaya shkola Publ., 1996. 320 p.

ЭКОНОМИКА СТРАН РЕГИОНА

ECONOMICS OF THE REGION

УДК 338.439.6-049.5:338.516.22:620.95

Кравченко Алла Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

Сергеева Олеся Олеговна, ассистент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: sergeeva.oo@dvfu.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ РЫНКА БИОТОПЛИВА: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

В мире распространено мнение о том, что растущий рынок биотоплива является серьезнейшей угрозой для продовольственной безопасности, которая состоит в том, что все люди в любое время имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному, безопасному и полноценному продовольствию для того, чтобы обеспечить свои потребности в продовольствии и его выборе, что необходимо для активного и здорового образа жизни. Когда сельскохозяйственные культуры используются для производства биотоплива, то первым непосредственным следствием этого является снижение наличного объема сельхозпродукции для использования на продовольственные и кормовые цели. Это вызывает рост цен, снижение потребления продовольствия малообеспеченными слоями населения, а также приводит к расширению фермерских производств. Кроме того, как в производстве, так и в потреблении действует эффект замещения, вследствие чего рост цен распространяется и на другие культуры. В статье проводится анализ взаимосвязи производства биотоплива и обеспечения продовольственной безопасности. Выдвинута гипотеза, что государство, согласовывая стратегии в сфере продовольственной и энергетической безопасности, тем самым решает проблему доступности продовольствия, которая находится под угрозой при увеличении объемов производства биотоплива.

Многими аналитиками и организациями – от организаций гражданского общества (ОГО) до Всемирного банка – в качестве важного фактора, оказывающего влияние на рост продовольственных цен, указывается увеличение спроса на биотопливо. Для проверки достоверности данного суждения в статье рассмотрена зависимость цен на продовольствие от объема

производства биотоплива на примере его крупнейшего производителя – США. В результате анализа сделан вывод о том, что увеличение объемов производства биотоплива является лишь одной из причин роста цен на продовольственные товары.

Для проверки выдвинутой авторами исследования гипотезы о согласованности стратегий в сфере обеспечения продовольственной и энергетической безопасностей проведен сравнительный анализ уровня обеспечения продовольственной, энергетической и экологической безопасностей стран – крупных производителей биотоплива в 2014 г. Для анализа были использованы The Global Food Security Index (индекс продовольственной безопасности стран мира), Energy Security Index (индекс энергетической безопасности), Environmental Sustainability Index (индекс экологической устойчивости).

Анализ взаимосвязей между производством биотоплива и обеспечением продовольственной безопасности показал несогласованность стратегий государств в области обеспечения продовольственной и энергетической безопасности.

Ключевые слова: биотопливо, продовольственная безопасность, энергетическая безопасность, угрозы продовольственной безопасности, цены на продовольствие, стратегия обеспечения продовольственной безопасности, стратегия обеспечения энергетической безопасности.

UDC 338.439.6-049.5:338.516.22:620.95

Alla A. Kravchenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

Olesya O. Sergeeva, Assistant of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: sergeeva.oo@dvfu.ru

FOOD SECURITY AND DEVELOPMENT OF BIOFUEL MARKET: CONFLICT OF INTERESTS

There is a widespread opinion in the world that a growing market of biofuel is a serious threat to the food security, which exists in the situation when all people have a physical, social and economic access to sufficient, safe and full-value food supplies necessary to provide for their needs and hence, an active and healthy lifestyle. When cultivated plants are used for producing biofuel, it directly results in the reduction of available volumes of agricultural products used as human food resources and as forage. This, in its turn, leads to the price growth,

reduced consumption by less wealthy population, and expansion of farming enterprises. In addition, production, like consumption, relies on the substitution effect; hence, price growth involves other cultivated plants.

The article is devoted to the analysis of interrelation between the production of biofuels and food security. A hypothesis has been suggested that the state coordinates the strategies in food and energy security thus solving the problem of food availability, which is threatened by increased volumes of biofuel production.

Many analysts and organizations – ranging from civil society organizations (CSO) to the World Bank – have emphasized the influence of increased demand for biofuel as an important factor influencing food prices. In order to check the reliability of this assumption, we have analyzed the dependence of fuel prices on the volume of biofuel production using the example of the US major biofuel producer. The analysis has resulted in a conclusion that an increased volume of biofuel production is only one of the factors that lead to the growth of food prices.

In order to test the hypothesis about coordinated strategies in providing for food and energy security, the authors of this research have conducted a comparative analysis of the levels of food and energy security, as well as environmental security of the countries – major producers of biofuel in 2014, by using the Global Food Security Index, Energy Security Index, and Environmental Sustainability Index.

Analysis of interrelations between the production of biofuel and provision of food security has shown a discoordination of the state strategies in the area of food and energy security.

Key words: biofuel, food security, energy security, threats to food security, food prices, food security strategy, energy security strategy.

Анализ взаимосвязей между производством биотоплива и обеспечением продовольственной безопасности особенно сложен. Они находятся на пересечении целого ряда мировых проблем, таких как энергетика, продовольствие, землепользование. Производство биотоплива и меры политики по поддержке его развития могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на каждый из четырех аспектов продовольственной безопасности: наличие продовольствия, его доступность, использование (питание) и стабильность. Понимание взаимоотношений и причинно-следственных связей между биотопливом и продовольственной безопасностью требует оценок как на глобальном, так и на государственном уровне.

Гипотеза исследования заключается в том, что государства, являясь основными участниками на рынке биотоплива, реализуют согласованные стратегии в сфере продовольственной и энергетической безопасности, при этом рост объемов производства биотоплива не должен создавать угрозы для продовольственной безопасности, прежде всего, за счет увеличения цен на продовольствие.

Современный биотопливный рынок возник в результате двух резких скачков цен на нефть в 1970-е годы. Во многих странах стали предлагаться различные меры по внедрению альтернативных видов топлива, но только в двух странах – Бразилии и США – в тот период были созданы рынок этанолового биотоплива и индустрия производства биотоплива, сырьем для которой в Бразилии стал сахарный тростник, а в США – кукуруза. В обеих странах базой для производства биотоплива стали уже имеющиеся мощности сельского хозяйства, а низкие сельскохозяйственные цены послужили стимулом для поиска новых рынков сбыта. Важную роль сыграли и стратегические соображения, такие как необходимость снижения зависимости от импорта энергоносителей, а в случае Бразилии – выравнивание внешнеторгового баланса на фоне высоких цен на ввозимую нефть.

В Бразилии производители сахарного тростника активно откликнулись на программу Pro Alcool (национальная программа по использованию этанола), начатую в 1975 году: программа предусматривала меры по развитию – как производства, так и потребления биотоплива, поддержку научно-технических разработок, субсидирование производства и инвестиций, обязательную установку этаноловых колонок на автозаправочных станциях, дополнительное налогообложение автомобильного бензина и меры государственного регулирования [1].

В США интерес к альтернативным топливам усиливался в периоды кризисов, во время Первой и Второй мировых войн и энергетического кризиса 1970-х гг. Однако значительное увеличение производства этанола было достигнуто только в 1980-е гг., после принятия Закона о налогообложении энергоносителей (1978 г.), который предусматривал субсидирование моторного топлива с добавлением этанола, и Закона об энергетической безопасности (1980 г.), которым вводилось страхование займов для мелких производителей этанола и таможенные пошлины на импортируемый этанол. На первом этапе кампания за использование этанола велась в регионах, где выращивается кукуруза и где этанол можно было производить попутно с кукурузной патокой [1].

В 2000 г. Китай начал программу по возобновляемым источникам энергии: была поставлена задача добиться, чтобы к 2010 г. 10% потребляемой энергии происходило из возобновляемых источников; к 2020 г. доля энергии из возобновляемых источников должна достичь 15% [2]. Что касается жидкого биотоплива, то к 2020 г. необходимо выйти на уровень 10 млрд литров этанола и 2 млрд литров биодизеля; построить пять крупных заводов, способных производить 1,87 млн тонн. По подсчетам Х. Цю, объемы этанола, закрепленные в задачах программы, составили бы 14% общего потребления бензина; на его производство потребовалось бы около 32 млн тонн кукурузы / маиса, то есть 20% всех произведенных в Китае объемов, и 6,6% общего объема зерновых (расчет по данным 2009 г.) [3]. Основной угрозой продовольственной безопасности Китая называют де-

градацию почв за счет использования пахотных земель для производства биотоплива [4].

На сегодняшний день биотопливные программы проводятся в более чем 50 странах мира. В биотопливных программах быстрорастущих стран, в первую очередь в Китае, Индии, ЮАР, вопрос продовольственной безопасности скоро стал причиной поощрения производства биотоплива не на основе продовольственных культур и не на землях, используемых для производства продовольствия. В Индии и Китае надежды связывались с непродовольственной культурой ятрофой (ядовитый орех), которая, как считалось, могла давать хорошие урожаи на малопродуктивных землях. В ЮАР ставка была сделана на неиспользованные ресурсы «хоумлендов», которые не вводились в хозяйственный оборот при режиме апартеида. Однако во всех трех странах выбор культур и ожидания высоких урожаев биотопливного сырья на малопродуктивных землях оказались несостоятельными.

Менее чем за 10 лет производство биотоплива в мире увеличилось в пять раз – с менее чем 20 млрд литров в год в 2001 г. до более чем 100 млрд литров в год в 2011 г. Самое резкое повышение производства пришлось на 2007–2008 гг. и совпало со скачком цен на продовольственные культуры, который спровоцировал голодные бунты в городах многих развивающихся стран. По сравнению со средними уровнями продовольственных цен 2002–2004 гг. мировые биржевые цены на зерновые культуры, растительные масла и жиры в 2008 г. и в 2011–2012 гг. повысились в 2–2,5 раза, а среднегодовые цены на сахар были на 80–340% выше, чем в 2000–2004 гг. [5]. Помимо самого роста цен наблюдались беспрецедентные с 1970-х г. волатильность и всплески цен.

В огромном количестве проведенных с тех пор научных исследований был описан целый ряд факторов, оказывающих влияние на рост мировых продовольственных цен: повышение спроса на продовольствие на фоне перехода на богатые животными белками диеты в больших странах с формирующейся рыночной экономикой; особенности государственного управления зерновыми резервами в Китае – одном из основных производителей зерновых в мире, погодные явления в ведущих странах-экспортерах, замедление темпов роста сельскохозяйственной производительности; высокие цены на нефть, влияющие на стоимость сельскохозяйственного топлива и на себестоимость производства; спекуляция. Но именно резкое увеличение спроса на биотопливо указывается в качестве важного фактора многими аналитиками и организациями – от организаций гражданского общества (ОГО) до Всемирного банка.

Рассмотрим зависимость цен на продовольствие от объема производства биотоплива на примере его крупнейшего производителя – США. Основной биомассой для производства этанола в США является кукуруза. США считается ведущим мировым производителем кукурузы с объемом производства 14,2 млрд бушелей в 2014 г. [6]. Доля производства кукурузы в

США для этанола увеличилась с 4,5% в 1990 г. до 37,9% в 2013 г., то есть в 8 раз (рис. 1).

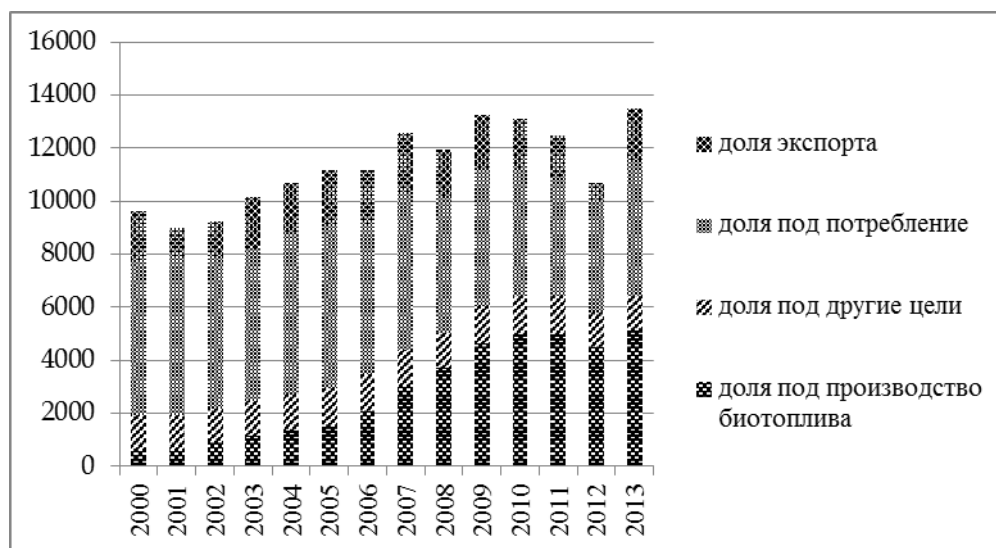

Рис. 1. Объем и структура производства кукурузы в США в 200–2013 гг., млн бушелей. Источник: [7]

Реальные объемы производства кукурузы для биотоплива всегда превосходили прогнозы Американского Департамента сельского хозяйства. Так, в 2001 г. ожидался рост с 800 млн бушелей до 1,1 млрд бушелей в 2013 г. Однако уже в 2004 г. объем производства составил 1,3 млрд бушелей. Прогноз был увеличен до 2,8 млрд бушелей, но вновь объем производства превзошел его и уже в 2007 г. составил 3 млрд бушелей [8]. Наконец, прогноз на 2013 г. увеличили до 4,6 млрд бушелей, однако в 2013 г. объем производства кукурузы для биотоплива составил 5,1 млрд бушелей [7].

Цены на кукурузу стали стремительно расти после введения в 2005 г. Закона об энергетической политике, который всячески стимулировал производство биоэтанола в США. Уже в 2007 г. стоимость кукурузы удвоилась (рис. 2).

Повысились цены и на другие продовольственные культуры (сахарный тростник, соевые бобы, пшеницу) в связи с тем, что расширение посевных площадей под кукурузу происходило за счет сокращения производства этих культур. Рост цен на зерновую продукцию, в свою очередь, вызвал повышение цен на мясомолочные продукты, птицу и яйца [9].

В то время как объем производства биотоплива все продолжал расти, цены на кукурузу постоянно колебались (рис. 2). В 2008 г., когда объем производства этанола увеличился на 43% в сравнении с предыдущим годом и достиг 9 309 млн галл., цены на кукурузу пошли на спад – с 4,20 до 4,06 долл./бушель и в 2009 г. упали до 3,55 при объеме производства эта-

нола 10 938 млн галл. Однако при росте объемов производства этанола в 2010 г. на 22%, что почти в два раза меньше, чем в 2008 г., цены на кукурузу резко возросли на 46% и достигли 5,18 долл./бушель.

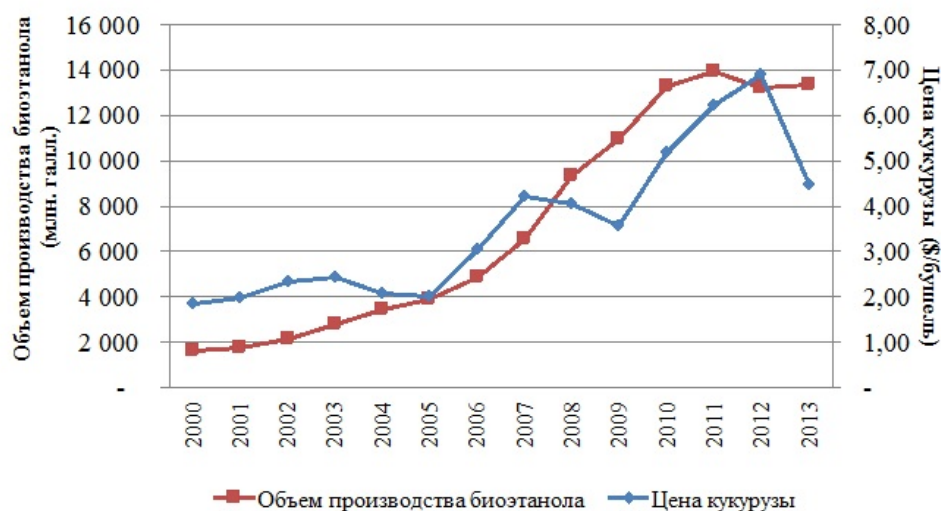

Рис. 2. Зависимость цен на кукурузу и объемов производства биоэтанола в США в 2000–2013 гг. Источник: [7]

Таким образом, вышесказанное доказывает, что увеличение объемов производства биотоплива не всегда является основным фактором роста цен на кукурузу. Помимо производства биотоплива стоит рассматривать и другие факторы, оказывающие влияние на продовольственную ситуацию. Тот факт, что производство биотоплива вызывает повышение цен на продовольствие, неоспорим, но мировое сообщество постоянно ведет споры о степени этого воздействия. Всемирный банк утверждает, что биотопливо в ответе за 75% роста цен на продовольственные товары, в то время как Министерство сельского хозяйства США считает, что всего за 3% [10].

В целом рост масштабов мирового производства биотоплива может по-разному воздействовать на глобальную продовольственную безопасность. С одной стороны, рост цен на сырьевые товары, обусловленный производством биотоплива, может нанести ущерб импортерам продовольствия, однако, с другой стороны, более высокие цены могут также стимулировать внутреннее сельскохозяйственное производство мелких фермерских хозяйств в развивающихся странах. Однако для того, чтобы это могло быть реализовано, развивающимся странам, испытывающим дефицит продовольствия, необходимо устранить имеющиеся препятствия и дать возможность производителям воспользоваться растущими стимулами.

Рост объемов производства биотоплива приводит к увеличению спроса на сельскохозяйственное сырье. Конкуренция за сельскохозяйственные ре-

сурсу означает конкуренцию за использование земельных и водных ресурсов, удобрений, пестицидов, машинного оборудования и др. [1]. Конкуренция за земельные участки является серьезнейшей проблемой в большинстве стран. Расширение посевных площадей под биотопливные культуры означает их сокращение под продовольственные нужды. Многие фермеры, увидев большую выгоду (прибыль, льготы и др.) от работы на биотопливном рынке, переходят от производства продуктов питания к производству биомассы, что приводит к сокращению предложения на продовольственном рынке, которое способствует росту цен на продукты питания.

Однако, если рассмотреть причину влияния биотоплива на продовольственные цены глубже, то можно увидеть, что она заключается в том, что повышающийся спрос как на биотопливо, так и на продукты питания превышает предложение. Если фермеры смогут увеличить предложение, то рост цен можно будет сдерживать. Это возможно, так как фермеры могут прогнозировать спрос, который определяется целями в области биоэнергетики, поставленными государствами и предпринимаемыми ими мерами стимулирования [11].

Но все же основным участником на рынке биотоплива должны быть не фермеры, а государства, которые должны согласовывать стратегии в сфере продовольственной и энергетической безопасности. Осуществление энергетической политики государств должно исходить из того, что рост объемов производства биотоплива не должен создавать угрозы для продовольственной безопасности. Кроме того, «меры политики должны предусматривать оценку воздействия биотопливных программ на земельные, водные и иные ресурсы» [11]. Государства также должны стимулировать научные исследования и разработки в области повышения эффективности технологий и использования ресурсов, применяемых для производства биотоплива. Расширение производства биотоплива может потребовать роста сельскохозяйственного производства на малоплодородных землях. При этом совершенствование технологий и повышение урожайности будут играть важнейшую роль в снижении нагрузки на природные ресурсы. В то же время необходимо обеспечить то, чтобы быстрый рост производства биотоплива не сказывался негативно на изменении климата. Так, выращивание сырья для производства биологического топлива привело к истреблению лесов в Бразилии и Индонезии, в результате этого выбросы двуокиси углерода в атмосферу выросли на 20%.

Проведем сравнительный анализ уровня обеспечения продовольственной, энергетической и экологической безопасностей стран – крупных производителей биотоплива (табл. 1).

Для оценки уровня продовольственной безопасности воспользуемся The Global Food Security Index (индекс продовольственной безопасности стран мира). Индекс включает анализ трех основных групп показателей продовольственной безопасности стран мира: уровень доступности и по-

требления продуктов питания, наличие и достаточность продуктов питания, уровень качества и безопасности продуктов питания.

Таблица 1

Рейтинг стран мира – производителей биотоплива по уровню обеспечения продовольственной, энергетической и экологической безопасностей, 2014 г.

Страна	The Global Food Security Index	Ранг GFS	Energy Security	Ранг ES	Environmental Sustainability	Ранг EnS
Канада	83,7	8	10,00	1	5,69	56
Россия	62,7	40	9,92	2	1,95	102
Колумбия	58,0	51	9,76	5	9,76	4
Дания	83,3	11	9,60	6	9,36	9
США	89,3	1	9,44	8	3,58	83
Великобритания	81,6	16	9,36	9	8,67	18
Чехия	74,6	23	9,14	12	3,27	87
Аргентина	65,4	37	8,97	14	6,63	44
Словакия	69,8	31	8,89	15	7,42	34
Новая Зеландия	82,2	13	8,81	16	6,78	42
Индонезия	46,5	72	8,75	17	1,78	106
Китай	62,2	42	8,59	19	0,15	127
Швеция	82,4	12	8,51	20	9,60	6
Финляндия	79,9	19	8,03	26	7,17	37
Германия	83,7	8	7,96	27	7,96	27
Малайзия	68,0	34	7,88	28	3,50	84
Бразилия	68,1	33	7,80	29	8,59	19
Польша	72,7	26	7,57	32	2,96	91
Филиппины	49,4	65	7,42	34	6,09	51
Испания	79,8	20	7,17	37	8,19	24
Франция	83,4	10	6,86	41	9,28	10
ЮАР	61,1	46	6,78	42	0	129
Венгрия	71,2	29	6,71	43	7,34	35
Австрия	85,5	2	6,63	44	9,44	8
Нидерланды	84,4	3	5,78	55	7,65	31
Венесуэла	62,5	41	5,69	56	4,36	73
Япония	77,8	21	5,23	62	6,86	41
Бельгия	82,0	14	5	65	7,57	32
Ирландия	84,0	7	4,67	69	9,06	13
Италия	77,6	22	4,59	70	8,43	21
Таиланд	59,9	49	2,65	95	1,71	107

Источник: составлено авторами по [12, 13]

Для оценки уровня энергетической безопасности воспользуемся Energy Security Index (индекс энергетической безопасности). При расчете индекса проводится оценка эффективности организации поставки первичной энергии из национальных и зарубежных источников, надежности энергетической инфраструктуры и способности поставщиков энергии удовлетворить текущий и будущий спрос.

Для оценки уровня экологической безопасности воспользуемся Environmental Sustainability Index (индекс экологической устойчивости). При расчете индекса проводится анализ эффективности предложения и спроса энергии, а также развития предложения энергии из возобновляемых источников и других малоуглеродистых источников.

Два последних индекса являются составляющими Energy Trilemma Index (индекс «энергетической трилеммы»), который оценивает безопасность, доступность и экологичность энергии.

Из полученных результатов (табл. 1) видно, что ранги страны по трем показателям имеют выраженную обратную зависимость.

На примере России можно проследить, что при высоком уровне энергетической безопасности (Россия находится на втором месте в рейтинге стран мира) прослеживается достаточно низкий показатель продовольственной безопасности страны (сороковое место в рейтинге стран мира) и еще более низкий показатель экологической безопасности (сто второе место в рейтинге стран мира). Если же рассматривать такие страны, как Канада и США, у них отсутствует настолько ярко выраженная несогласованность продовольственной и энергетической безопасности, однако на низком уровне находится экологическая.

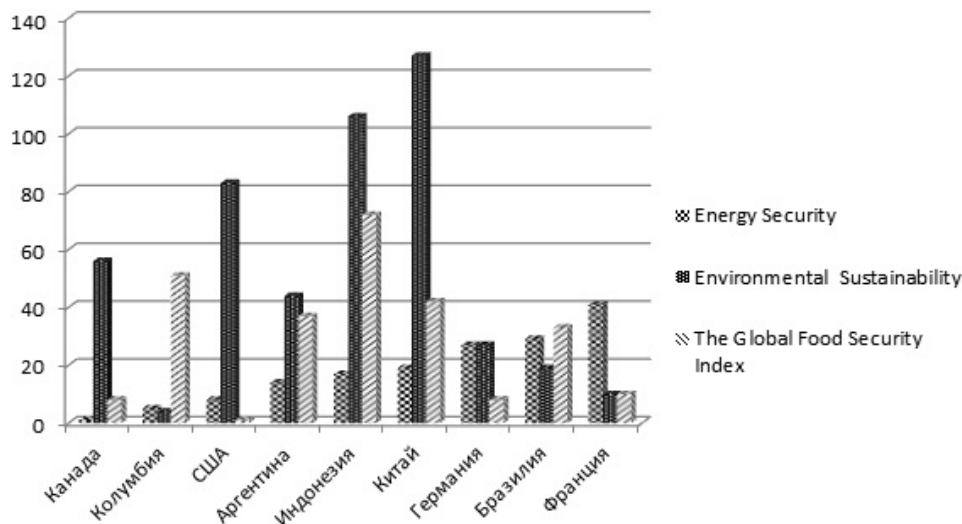

Рис. 3. Уровень продовольственной, энергетической, экологической безопасности стран-лидеров по производству биотоплива, 2014 г.

На диаграмме наглядно представлена несогласованность показателей безопасности стран. Мы можем отметить, что существует обратная зависимость между уровнем продовольственной и энергетической безопасностей. Чем выше уровень энергетической безопасности, тем ниже уровень продовольственной безопасности. Это наглядно можно проследить на примере Канады, Аргентины, Индонезии, Франции. Если рассматривать показатель экологической безопасности, то у него не прослеживается ярко выраженной зависимости от уровня продовольственной или энергетической безопасностей. В случаях с США, Канадой, Китаем можно отметить, что при высоком уровне энергетической безопасности существует низкий уровень экологической. Однако, если рассмотреть Германию, Колумбию, то данной связи не прослеживается.

Несогласованность эмпирических данных подтверждает и коэффициент конкордации, который изменяется в диапазоне от 0 до 1, причем 0 соответствует несогласованности, а 1 соответствует полной согласованности. По данным табл. 1, качество оценки неудовлетворительное, т.к. коэффициент конкордации ниже 0,4.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Увеличение объемов производства биотоплива является лишь одной из причин роста цен на продовольственные товары.
2. Основной причиной влияния производства биотоплива на продовольственные цены является превышение спроса над предложением – как на биотопливо, так и на продукты питания.
3. Эмпирическим и опытным путем подтверждается несогласованность стратегий государств в области обеспечения продовольственной и энергетической безопасности.
4. В ряде случаев прослеживается обратная связь между показателями продовольственной и энергетической безопасностей.

Таким образом, проведя исследование, можно сказать, что энергетическая политика государств должна исходить из того, что рост объемов производства биотоплива должен минимизировать угрозы, а не создавать их. Для этого государства должны согласовывать стратегии в сфере продовольственной и энергетической безопасности. На сегодняшний день согласованность стратегий отсутствует. Поэтому остро встает проблема доступности продовольствия, которая находится под угрозой при увеличении объемов производства биотоплива. Исходя из потенциального негативного влияния роста производства биотоплива на глобальную экологическую и продовольственную безопасность, государства должны стимулировать научные исследования и разработки в области повышения эффективности технологий и использования ресурсов, применяемых для производства биотоплива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биотопливо и продовольственная безопасность : доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности [Электронный ресурс] // Сайт ФАО. – Режим доступа :<http://www.fao.org/3/a-i2952r.pdf>.
2. Shiyan, C. Development of biofuels in China: technologies, economics and policies [Электронный ресурс] / C. Shiyan, Z. Lili, G.R. Timilsina, Z. Xiliang. Washington, DC : World Bank. – Режим доступа: <http://elibrary.worldbank.org/content/workingpaper/10.1596/1813-9450-6243>).
3. Qiu, H. Liquid biofuels in China: current status, government policies, and future opportunities and challenges / H. Qiu, L. Sun, J. Huang, S. Rozelle // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. – 2012. – Vol. 16 (5). – P. 3095–3104.
4. Ye, L. China's food security threatened by soil degradation and biofuels production [Электронный ресурс] / L. Ye, J. Yang, A. Verdoordt, R. Moussadek, E. Van Ranst // *Proceedings of the 19th World Congress of Soil Science, Soil Solutions for a Changing World, 2010*. – Режим доступа:<https://biblio.ugent.be/publication/1021450>.
5. FAO. World Summit on Food Security, Declaration of the World Summit on Food Security [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fao.org/fileadmin/templates/wsfs/Summit/Docs/Final_Declaration/WFS09_Declaration.pdf.
6. Capehart, T. Feed outlook. Special Article / T. Capehart, E. Allen, J. Bond // *USDA Economic Research Service*. – 2015. – March, 12. – P. 2–10.
7. USDA. U.S. Bioenergy Statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ers.usda.gov/data-products/us-bioenergy-statistics.aspx>.
8. Wright, B. Global Biofuels: Key to the Puzzle of Grain Market Behavior // *Journal of Economic Perspectives*. – 2014. – Vol. 28. – P. 73–98.
9. Уляхин, В. Н. Мировой продовольственный кризис и страны Востока // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. – 2010. – № 1. – С. 103–117.
10. Ковалев, Е. Обострение мировой продовольственной ситуации // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2009. – № 9. – С. 21–29.
11. Koizumi, T. Biofuel and food security in China and Japan // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. – 2013. – Vol. 21. – P. 102–109.
12. The Global Food Security Index [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://foodsecurityindex.eiu.com/>.
13. World Energy Council [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldenergy.org/data/trilemma-index/>.

REFERENCES

1. Biofuel and food security: Report of the High Expert group on food security and nutrition of the Committee on World Food Security. *UNFAO*. Available at: <http://www.fao.org/3/a-i2952r.pdf> (accessed 2 October 2015).
2. Shiyan C., Lili Z., Timilsina G.R., Xiliang Z. *Development of biofuels in China: technologies, economics and policies*. Washington, DC: World Bank. Available at: <http://elibrary.worldbank.org/content/workingpaper/10.1596/1813-9450-6243> (accessed 17 September 2015).
3. Qiu H. Sun L., Huang J., Rozelle S. Liquid biofuels in China: current status, government policies, and future opportunities and challenges. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2012, vol. 16 (5), pp. 3095–3104.
4. Ye L., Yang J., Verdoodt A., Moussadek R., Van Ranst E. China's food security threatened by soil degradation and biofuels production. *Proceedings of the 19th World Congress of Soil Science, Soil Solutions for a Changing World, 2010*. Available at: <https://biblio.ugent.be/publication/1021450> (accessed 19 September 2015).
5. *FAO. World Summit on Food Security, Declaration of the World Summit on Food Security*. Available at: http://www.fao.org/fileadmin/templates/wsfs/Summit/Docs/Final_Declaration/WSFS09_Declaration.pdf (accessed 2 October 2015).
6. Capehart T., Allen E., Bond J. Feed outlook. Special Article. *USDA Economic Research Service*, 2015, March, 12, pp. 2–10.
7. *USDA. U.S. Bioenergy Statistics*. Available at: <http://www.ers.usda.gov/data-products/us-bioenergy-statistics.aspx> (accessed 16 September 2015).
8. Wright B. Global Biofuels: Key to the Puzzle of Grain Market Behavior // *Journal of Economic Perspectives*, 2014, vol. 28, pp. 73–98.
9. Ulyakhin V.N. Mirovoi prodovol'stvennyi krizis i strany Vostoka [The world food crisis and the countries of the East]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2010, vol. 1, pp. 103–117.
10. Kovalev E. Obostrenie mirovoi prodovol'stvennoi situatsii [The aggravation of the global food situation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2009, vol. 9, pp. 21–29.
11. Koizumi, T. Biofuel and food security in China and Japan. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2013, vol. 21, pp. 102–109.
12. *The Global Food Security Index*. Available at: <http://foodsecurityindex.eiu.com/> (accessed 4 October 2015).
13. *World Energy Council*. Available at: <https://www.worldenergy.org/data/trilemma-index/> (accessed 4 October 2015).

УДК 332.146.2-024.87:339.92

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ЭКОНОМИКА ОКРАИННОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ

Статья аналитическая, посвящена проблеме развития трансграничного региона с целью выработки эффективных подходов к его развитию.

Цель статьи реализуется через решение следующих задач:

- обоснование роли трансграничного сотрудничества в развитии отдельных территорий;
- анализ факторов приграничного и межрегионального сотрудничества;
- формирование стратегии развития окраинного региона.

В настоящее время глобализация экономики усиливает интеграционные межстрановые связи. В то же время она ухудшает возможности социально-экономического развития отдельных территорий, не попадающих в русло глобализации. Такие территории лишены возможности использовать для своего развития преимущества глобализации. В таких условиях важным ресурсом развития территориальной экономики становится трансграничное сотрудничество. В данной работе предлагается трансграничное сотрудничество рассматривать в двух аспектах: 1) как приграничное (кооперация регионов соседствующих стран); 2) как межрегиональное (кооперация соседствующих регионов одной страны).

В качестве объекта исследования в статье рассматриваются трансграничные (приграничные) регионы, предмета исследования – формы и методы организации социально-экономического развития окраинных регионов.

В методологическом плане – совокупность указанных вопросов определила направление исследования данной работы: попытку вычленить эффективные подходы социально-экономического развития окраинных регионов. Для достижения этой цели используется системный подход, метод наблюдений и логического анализа.

Анализ показывает, что для окраинного региона приграничное сотрудничество дает только дополнительный импульс для саморазвития, но оно не оказывает решающего воздействия на экономическое процветание приграничных районов. Однако, если такие окраинные регионы могут стать активной площадкой для взаимодействия других регионов страны с зарубежными партнерами, их роль безусловно повышается.

Задача повышения уровня развития экономики региона может успешно решаться и при межрегиональном сотрудничестве в пределах одной стра-

ны. Предпосылки межрегиональной производственной кооперации и в целом интеграции на российском Дальнем Востоке (РДВ) более весомы, хотя и на этом пути много проблем. Это и борьба субъектов РДВ за ресурсы, слабые коммуникационные связи, различие климатических условий и т.д. В этих условиях достижение выгод регионами возможно только за счет межрегиональной интеграции.

В практическом плане – в статье анализируются факторы выбора того или иного пути развития и на примере приграничного сотрудничества российского Дальнего Востока с Китаем, и регионов РДВ между собой. В заключение сформулированы предложения по возможной производственной интеграции регионов Дальнего Востока.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, Китай, межрегиональная интеграция, морехозяйственный комплекс, окраинный регион, приграничная кооперация, трансграничное сотрудничество.

UDC 332.146.2-024.87:339.92

Evgenie P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of International Economics Relations, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ECONOMY OUTSKIRTS OF THE REGION IN THE CONDITIONS OF TRANSBOUNDARY

The article is devoted to the analytical development of the border region in order to develop effective approaches to its development.

The purpose of the article is realized through the following objectives:

- Justification of the role of cross-border cooperation in the development of certain areas;
- Analysis of the factors of cross-border and inter-regional cooperation;
- Formation of strategy of development of the border region.

Currently, globalization of the economy strengthens the integration inter-country links. At the same time, it degrades the possibilities of socio-economic development of certain areas do not fall into the mainstream of globalization. In such circumstances, an important resource for the development of territorial economies have become cross-border cooperation. Such areas are unable to use for their development benefits of globalization. This paper proposes cross-border cooperation be considered in two ways: 1) as a cross-border (regional cooperation of neighboring countries); 2) as the inter-regional (cooperation of neighboring regions of the same country).

The object of investigation in article discusses cross-border (border) regions; subject of investigation – the forms and methods of social and economic development of outlying regions.

In terms of methodology, the totality of these issues determined the direction of the research work – this is an attempt to isolate the effective approaches of social and economic development of outlying regions. To achieve this goal using a systematic approach, the method of observation and logical analysis.

The analysis shows that the edge of the cross-border cooperation only gives additional impetus for self-development. But cross-border cooperation does not have a decisive impact on the economic prosperity of the border areas. However, these outlying regions can become active sites. These sites may be the interaction of other regions of the country with foreign partners. This, of course, increases the role and effectiveness of these regions.

The task of raising the level of development of the regional economy can be successfully resolved and inter-regional cooperation within the same country. Background interregional industrial cooperation and integration in general in the Russian Far East there. But, in this way a lot of problems. This is a struggle for resources of subjects of the Russian Far East; weak communication links, the difference of climatic conditions, etc.

In these circumstances, achieving the benefits of the region is possible only at the expense of inter-regional integration.

In practical terms, the article analyzes the factors of choice of path of development and an example of cross-border cooperation between the Russian Far East with China and the Russian Far East regions together. In conclusion, the proposals for a possible integration of the production regions of the Far East.

Keywords: Russian Far East, China, inter-regional integration, maritime complex, remote regions, cross-border co-operation, cross-border cooperation.

В современных условиях развитие отдельной территории (особенно окраинной и непосредственно обделенной валютоёмкими ресурсами) зависит от её экономической самоорганизации, т.е. способности местных властей совместно с бизнесом создать устойчивую самовоспроизводящуюся территориальную экономику. Одно из направлений решения такой задачи – трансграничная кооперация. Она, по мнению отдельных исследователей, обуславливает формирование открытого трансграничного рынка (из-за общих для данной территории факторов производства, инфраструктуры, информационных ресурсов и т.д., в совокупности формирующих эффективный потенциал) с единством целей и задач [1].

С другой стороны, трансграничное сотрудничество – достаточно сложное явление, зависящее от множества факторов. Причем это относится к трансграничному сотрудничеству как между регионами одной страны, так и между трансграничными странами. Мотивы таких взаимодействий об-

ширны: от житейских (торговля, обмен товарами) – до объединения усилий для совместного решения межрегиональных проблем (борьбы с наводнениями, экологии и т.д.). Особое место следует отдать производственному кооперированию, которое может возникнуть только на определенном уровне развития, ибо зависит от большого числа факторов. Причем наличие очевидной экономической выгоды не всегда является решающим аргументом формирования трансграничного сотрудничества.

С теоретических позиций, выделение трансграничного рынка должно базироваться на двух основных составляющих: наличии существенных приграничных связей в контексте существующих межстрановых связей; координации трансграничных связей между территориями разных стран соответствующими структурами. Формально структуры для такого сотрудничества уже сформировались и апробированы. С одной стороны, это зоны свободной торговли и т.д., с другой – транснациональные компании (корпорации). В пределах одной страны такими производственными структурами могут выступать вертикально-интегрированные структуры. Причем те и другие структуры могут пересекаться.

Когда мы говорим о трансграничных рынках, то с учетом процессов глобализации и интеграции необходимо четко определять проблему, какого результата мы желаем добиться. С учетом современных мировых процессов, накопленных знаний, превалировании политики над экономикой, а, следовательно, увеличением рисков, трансграничное взаимодействие (трансграничные рынки) в данной работе рассматриваются как локальные, выпадающие из общих формирующихся процессов. Поэтому будем считать рынок (взаимодействие) трансграничным (в смысле – приграничным), если его географические границы охватывают локальные территории (регионы) двух и более стран, а локальное сотрудничество в приграничных регионах – как инструмент компенсации недостатков периферийного положения в своей стране за счет взаимного использования дополнений различающихся экономик регионов, расположенных по обе стороны границы. При этом следует учитывать, что в случае, когда соседние приграничные территории выступают конкурентами из-за однородности ресурсов и условий развития, их взаимодействие не даст положительных эффектов. Поэтому часто приграничные территории используют такое трансграничное сотрудничество для локального привлечения инвестиционных и туристических потоков с целью стать заметной точкой на карте (концепция брэнда) [2] с тем, чтобы в дальнейшем иметь от этого дивиденды.

Таким образом, в любом случае, для окраинного региона приграничное сотрудничество дает только дополнительный импульс для саморазвития, но в силу выше указанных причин (преследуемых каждой страной политических, экономических и др. целей, резко повышающих риски и односторонность развития), это сотрудничество не окажет решающего воздействия на экономическое процветание приграничных районов. Примером могут служить многодесятилетние приграничные отношения между Китаем и российским

Дальним Востоком. В частности, ослабление границы ведет к усилению контрабанды, коррупции и т.д., усиление – к формированию известных схем международного сотрудничества (зон торговли и т.п.). Что касается приграничных товарных рынков, то электронная торговля и др. торговые инструменты существенно снижают её роль. По мере приобщения к ним населения её роль будет уменьшаться. Однако, если такие окраинные регионы могут стать активной площадкой для взаимодействия других регионов страны с зарубежными партнерами, их роль безусловно повышается.

В общем случае, «бедный» окраинный регион должен ориентироваться на два направления:

первое – может ли он быть активной площадкой для страны во взаимодействии её регионов с другими странами во внешнеэкономической деятельности;

второе – как ему лучше построить взаимовыгодные экономические взаимоотношения с соседствующими с ним регионами своей страны.

Как уже отмечалось, задача повышения уровня развития экономики региона может успешно решаться и при межрегиональном сотрудничестве в пределах одной страны. Возникающие при этом проблемы идентичны трансграничным проблемам. Это конкуренция регионов внутри федеральных округов при производстве однородных товаров, борьба за федеральные ресурсы и т.д. Такие процессы ведут к обратному эффекту, т.е. к локализации территориального развития. Становится очевидным, что в условиях ограниченных возможностей для экономического развития отдельных территориальных образований необходимо определенное федеральное регулирование и более активное участие государства в развитии таких регионов. Имеющийся дореволюционный российский опыт (до 1917 г.) показал, в частности, эффективность использования механизмов государственно-частного партнерства для решения таких проблем [3].

В целях приближения к практике рассмотрим выдвинутые положения применительно к российскому Дальнему Востоку, имея в виду, что его удаленность, низкий уровень развития инфраструктуры являются серьезной преградой интеграции региона в национальную экономику.

Некоторые проблемы становления РДВ площадкой (воротами) в АТР заключаются в следующем. Как бы нам ни хотелось, но, с позиции интегрального геополитического потенциала стран АТР, РДВ выпадает из центрального ядра этих стран, что в известной мере приводит к проблематичности: 1) инвестиций в РДВ (Пьер Торез, профессор университета в Гавре) [4]; 2) российской программы интеграции в СВА (Беом Шик Шин, профессор Сеульского национального университета) [4]; 3) интенсивного использования для транзита Европа – Азия транссибирской магистрали; 4) получения прогнозируемого эффекта от ввода Северного морского пути. Проблематичность ожиданий возрастает в условиях намечаемой реализации программы воссоздания Великого шелкового пути.

Предпосылки межрегиональной производственной кооперации и в целом интеграции на РДВ более весомы, хотя и на этом пути достаточно проблем: борьба субъектов РДВ за ресурсы; слабые коммуникационные связи, ограничивающие межрегиональное взаимодействие; различие климатических условий и т.д. В этих условиях достижение выгод регионами от межрегиональной интеграции опять же возможно только на пути формирования межотраслевых комплексов (кластеров), в которых отдельные регионы будут участвовать взаимодополняющими экономиками. В первую очередь к такому кластеру следует отнести формирование полноценного межрегионального морехозяйственного межотраслевого комплекса. Что касается формирования межрегиональных горнодобывающего и туристско-рекреационного кластеров [5], то их эффективность по большому счету далеко не очевидна, за исключением некоторых вопросов, связанных с экономико-правовой координацией действий и использованием определенных унификаций.

Богатый опыт промышленной кооперации наблюдался в бывшем СССР, когда республики интегрировались на создание сложных видов продукции. К сожалению, созданные интеграционные связи не только не удержали от развала СССР на отдельные страны, но и оказались впоследствии мощным фактором глубокого спада бывших республиканских экономик. Из современного опыта отметим Китай, его региональную политику относительно приграничных с Россией провинций Цзилинь и Хэйлунцзян. Для их бурного социально-экономического развития активно использовался и используется промышленный и интеллектуальный потенциал соседней с ними провинции Ляонин, в которой особенно развиты нефтехимическая и металлургическая отрасли, информатика и машиностроение. Характерная особенность этих регионов – они находятся в едином экономическом, политическом и правовом пространстве КНР. Если это условие не выполняется, то риски интеграции, особенно производственной, резко возрастают. Примером могут служить разрыв производственной кооперации между Россией и Украиной, обсуждаемый выход США из совместной с Россией Программы межконтинентальной космической станции (МКС) и т.д. Можно ожидать, что по мере обострения борьбы за природные ресурсы, мировое лидерство и т.п. такие процессы будут только нарастать.

Поэтому, с учетом снижения возможных рисков, для РДВ перспективным представляется формирование мощного хозяйственного кластера на основе развития производительных сил, в первую очередь Приморского и Хабаровского краев (машиностроение, судоремонт, оснащение судов электроникой, радио-, электрооборудованием), Амурской области (электроэнергетика, металлургия), с активным замыканием на него других субъектов РДВ по линии морехозяйственных производственных связей.

Такой подход дает возможность использовать определённый сохранившийся и вновь создаваемый потенциал. Например, создаваемый метал-

лургический комплекс в Амурской области и Еврейской автономной области важен для возрождения судостроения (например, в Николаевске-на-Амуре Хабаровского края), судоремонта и оснащения оборудованием судов (в незамерзающих портах Приморского края). Он ограничит центробежные силы составляющих РДВ регионов, которые активно борются за привлечение на свою территорию стратегических природных ресурсов, являющихся пока фактически единственным залогом развития производительных сил и, соответственно, наполнения бюджета.

К движению в данном направлении следует отнести участие регионов РДВ в обеспечении производственными мощностями проекта по добыче морских нефти и газа «Сахалин-1». Так, основание платформы для крупнейшей в мире стационарной буровой нефтедобывающей платформы «Беркут» было построено в г. Находка Приморского края.

Безусловно, развитие межрегионального сотрудничества должно сопровождаться гармоничным сочетанием федеральной и региональной социально-экономической политики и согласованной стратегии развития регионов РДВ между собой.

Таким образом в современных условиях трансграничные связи рассматриваются как важный фактор приграничного развития. Значительные результаты по взаимодействию в приграничных районах достигнуты при решении ряда общих для соседних территорий проблем (борьбы с наводнениями, экологии и т.д.).

Особое место занимают вопросы производственного кооперирования в приграничных районах. Оно может возникнуть только на определенном уровне развития, причем наличие экономической выгоды не является решающим аргументом формирования трансграничного сотрудничества. В этом случае окраинный регион может рассматриваться как плацдарм для взаимодействия страны с другими странами или как регион для взаимодействия с соседними регионами своей страны.

Пример российского Дальнего Востока показывает, что регион выпадает из центрального ядра стран АТР. Это приводит к определенным проблемам. Поэтому усиление интеграционных связей между регионами российского Дальнего Востока является эффективным путем. Достижение регионами выгод от межрегиональной интеграции возможно путем формирования межотраслевых комплексов. В первую очередь таким комплексом может стать межрегиональный морехозяйственный комплекс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корнеевец, В.С. Международные транснациональные и трансграничные регионы: признаки, особенности, иерархия // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2010. – № 1. – С. 27–34.

2. Давидов, Д.М. Трансграничное сотрудничество как инструмент регионального брендинга в Балтийском районе / Д.М. Давидов, Т.Н. Чекалина // Балтийский регион. – 2009. – № 2. – С. 57–64.

3. Жариков, Е.П. Вертикально-интегрированные структуры на основе государственно-частного партнерства – инструмент решения проблемы пространственного размещения производства / Е.П. Жариков, В.Е. Жариков // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2014. – № 1–2. – С. 56–68.

4. Жариков, Е.П. Международная конференция «Тихоокеанский регион России в Северной Пацифике: взгляд из Азии, взгляд из Европы» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2011. – №1. – С. 116–118.

5. Шеломенцев, А.Г. Межрегиональное сотрудничество как институт реализации стратегий развития регионов Дальнего Востока / А.Г. Шеломенцев, Т.В. Терентьева, О.А. Козлова, М.Н. Макарова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 11. – С. 417–422.

REFERENCES

1. Korneevets V.S. Mezhdunarodnye transnatsional'nye i transgranichnye regiony: priznaki, osobennosti, ierarkhiya [International, transnational and cross-border regions: the signs, features, aspects, the hierarchy]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, 2010, no. 1, pp. 27–34.

2. Davidov D.M., Chekalina T.N. Transgranichnoe sotrudnichestvo kak instrument regional'nogo brendinga v Baltiiskom raione [Cross-border cooperation as a tool of regional branding in the Baltic region]. *Baltiiskii region*, 2009, № 2, pp. 57–64.

3. Zharikov E.P., Zharikov V.E. Vertikal'no-integrirovannye struktury na osnove gosudarstvenno-chastnogo partnerstva – instrument resheniya problemy prostranstvennogo razmeshcheniya proizvodstva [Vertically integrated structures: case study of state-private partnership as instrument of production location]. *Pacific RIM: economics, politics, law*, 2015, no. 2, pp. 56–68.

4. Zharikov E.P. Mezhdunarodnaya konferentsiya «Tikhookeanskii region Rossii v Severnoi Patsifike: vzglyad iz Azii, vzglyad iz Evropy» [International Conference «Pacific Russia in the North Pacific: Insights from Asia, the view from Europe»]. *Pacific RIM: economics, politics, law*, 2011, no. 1, pp. 116–118.

5. Shelomentsev A.G., Terent'eva T.V., Kozlova O.A., Makarova, M.N. Mezhhregional'noe sotrudnichestvo kak institut realizatsii strategii razvitiya regionov Dal'nego Vostoka [Inter-regional co-collaboration as basis for the development of the Far East]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, 2014, no 11, pp. 417–422.

УДК 330.59-047.43(571.6)

Заусаев Вадим Константинович, доктор экономических наук, профессор, директор Дальневосточного научно-исследовательского института рынка при Министерстве регионального развития России, г. Хабаровск, Россия. E-mail: zausaev_inst@mail.ru

Сафронов Михаил Геннадьевич, старший преподаватель факультета дополнительного образования Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия. E-mail: safronovmg@mail.ru

ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Проведена оценка существующих подходов к измерению качества жизни в регионе. Предложена комплексная методика экономико-социологической оценки качества жизни жителей российского Дальнего Востока. Анализ статистических показателей г. Хабаровска выполнен при сопоставлении с показателями других административных центров (Краснодар, Белгород и Санкт-Петербург). Социологические оценки были получены на основе проведенных ДальНИИ рынка социологических опросов за период 2005–2014 гг. Основываясь на сопоставлении статистических данных и социологических оценок, проведен качественный анализ основных компонентов качества жизни. Рассчитан интегральный показатель качества жизни в г. Хабаровске по индикативному и социологическому срезам. Проведенное исследование с использованием комплексной экономико-социологической оценки показало растущее качество жизни жителей г. Хабаровска. Наиболее объективные результаты дают социологические опросы, которые позволяют получать реальное представление о качестве жизни.

Ключевые слова: качество жизни, методика, статистические оценки, социологические оценки, интегральный показатель.

UDC 330.59-047.43(571.6)

Vadim K. Zausaev, Doctor of Economics Sciences, Professor, Director of the Far Eastern Research Institute of the Market at the Ministry of regional development of Russia, Khabarovsk, Russia. E-mail: zausaev_inst@mail.ru

Michael G. Safronov, senior lecturer of the Faculty of additional education of Pacific State University, Khabarovsk, Russia. E-mail: safronovmg@mail.ru

ECONOMIC SOCIOLOGY QUALITY OF LIFE RESIDENTS OF THE RUSSIAN FAR EAST

The evaluation of existing approaches to measuring the quality of life in the region. The authors have developed a comprehensive methodology of economic and sociological evaluation of the quality of life of the inhabitants of the Russian Far East. Analysis of statistical indicators in Khabarovsk made by comparison with that of other administrative centers (Krasnodar, Belgorod and St. Petersburg). Sociological estimates were derived from conducting further market polls for the period 2005–2014. Based on the comparison of statistics and sociological evaluations conducted a qualitative analysis of the main components of quality of life. For residents of Khabarovsk calculated integral indicator of quality of life. An integral component of quality of life is calculated as based on the indicative parameters, and on the basis of sociological data. The study, using a complex economic and sociological assessment revealed increasing the quality of life of residents of Khabarovsk. The most objective results provide surveys, which allow getting a real idea about the quality of life.

Keywords: quality of life, methods, statistical assessment, sociological assessment, an integral component.

За время рыночных реформ Дальний Восток стал «лидером» по убытию населения среди регионов России. За 1990–2014 гг. регион утратил почти каждого четвертого своего жителя (22,6%). Среди федеральных округов в абсолютном отношении были сопоставимые потери (Сибирский и Приволжский округа – 1814 и 2025 тыс. чел). Но в относительном исчислении равных Дальнему Востоку не было [1]. Не случайно в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. первоочередной геостратегической задачей становится закрепление населения за счет формирования развитой экономики и комфортной среды проживания [2]. Особенно необходимо формирование постоянного населения на юге региона. В противном случае проблемы национальной безопасности в этом макрорегионе еще более усилятся.

В числе основных причин, заставляющих население покидать обжитую территорию, – недоступность жилья, плохие природно-климатические условия, дороговизна жизни (высокие цены и тарифы), низкий уровень доходов, плохая экология. В целом эти факторы относят к сложному многоаспектному понятию «качество жизни».

Помимо этого оно включает целый комплекс других сторон жизнедеятельности человека: способность к воспроизводству, ценность семьи (мотивация на ее создание и сохранение), уровень образования и квалификации, информированность, условия жизни (социальное обслуживание и безопасность).

В настоящее время в науке существуют разные подходы к измерению качества жизни. Наиболее распространены объективные методики, представленные комбинацией различных статистических показателей. Субъективный подход базируется на социологических опросах, содержащих суждения людей относительно комфортности проживания, удовлетворенности оказываемыми социальными услугами и др. Они позволяют увидеть и учесть эмоциональное состояние человека [3]. Однако каждый в отдельности метод не дает полной оценки. Поэтому авторами предпринята попытка соединить эти два подхода и с помощью комплексной экономико-социологической оценки проанализировать качество жизни населения г. Хабаровска – крупнейшего административно-политического центра Дальнего Востока. Появляется возможность формирования системы непрерывного мониторинга процессов в сфере качества жизни населения с использованием ограниченного набора подлежащих наблюдению объективных статистических индикаторов и субъективных (социологических) оценок жителей для принятия управленческих решений.

Статистическая оценка базировалась на 9 показателях, сведенных в пять групп: уровень доходов населения; обеспеченность населения жильем; социальная инфраструктура; демографическая ситуация; угрозы человеческой жизни. Для сравнения приняты административные центры (города), пользующиеся наибольшим предпочтением при смене жительства хабаровчан: Краснодар, Белгород, Санкт-Петербург. Все стоимостные показатели при сравнении переводились в сопоставимый вид¹. В качестве нормативных приняты данные по г. Краснодару. Годы анализа взяты в соответствии с периодами проведения социологических опросов. На базе последних рассчитаны социологические оценки. Они сгруппированы для системной оценки в те же пять групп.

Статистический анализ показал, что за период 2005–2014 гг. большинство отобранных показателей демонстрируют рост. Так, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и средний размер назначенных месячных пенсий, скорректированные на величину прожиточного минимума, выросли на 0,4 ед. Материальное благосостояние горожан за анализируемый период повышается [4].

Это же демонстрируют социологические опросы. Свое благосостояние как среднее и выше оценили жители г. Хабаровска следующим образом: 2005 г. – 43,4%, 2011 г. – 44,6%, 2014 г. 54,7%. Ответы на вопрос «Уверены ли вы в своем материальном положении в ближайшие годы?» менее оптимистичные (2005 г. – 24,6%, 2011 г. – 24,3%, 2014 г. 33,1%), но динамика тоже положительная.

Тем не менее, при сопоставлении с другими административными центрами (Краснодар, Белгород и Санкт-Петербург) ситуация в г. Хабаровске

¹ Приведение в сопоставимый вид осуществлено через фиксированный набор потребительских товаров и услуг.

хуже. Здесь высокая стоимость жизни. За 12 лет (2000–2011 гг.) покупательная способность заработной платы выросла в г. Хабаровске в 4,6, в Белгороде – в 2,6, в Краснодаре и Санкт-Петербурге – в 3 раза. Но база (2000 г.) по данному показателю в Хабаровске была минимальная. Поэтому количество фиксированных наборов потребительских товаров и услуг в 2011 г. здесь было 2,8 ед., в то время как в г. Краснодаре – 2,9, г. Санкт-Петербурге – 3,0 ед. Что касается покупательной способности пенсии, то г. Хабаровск был замыкающим [4].

Многих статистических показателей по городам в Госкомстате России нет. Предполагая, что г. Хабаровск в значительной степени определяет повышательные тенденции края, использовались данные краевой статистики. Для сравнения приняты аналогичные субъекты России: Краснодарский край, Белгородская область, а также г. Санкт-Петербург.

Использовался ранговый метод, позволяющий соотнести ценовые характеристики и заработную плату как между собой в рамках каждого субъекта, так и между субъектами России.

Как видно из табл. 1, положение Хабаровского края по ценовым и зарплатным характеристикам среди 83 субъектов Российской Федерации не благоприятное. В 2011 г. по прожиточному минимуму он занимал 10-е, а в 2013 г. – 11-е место. Эти же ранговые значения – для трудоспособного населения. Для детей они выше: 2011 г. – 9-е, 2013 г. – 8-е место; для пенсионеров – 10-е место. То есть стоимости товаров первой необходимости для наименее защищенных категорий граждан здесь выше относительно средних значений.

По номинальной начисленной заработной плате Хабаровский край занимает более низкие позиции (2011 г. – 14-е, 2013 г. – 15-е место), то есть отставание 6–8 рангов [4]. Если исходить из предположения, что спрос, то есть доходы населения, определяют ценовые тенденции, то Хабаровский край имеет значительные доходы кроме заработной платы. Помимо дивидендов, процентов по вкладам и др. это и теневые доходы. Ранее проведенные экспертные опросы предпринимателей г. Хабаровска показали, что теневой оборот здесь превышает 49%. Отставание же предложения позволяет делать вывод, что с конкуренцией в городе не все благополучно.

Низкий уровень доходов населения и, как следствие, его невысокая платежеспособность являются одними из главных причин недоступности жилья. В новых экономических условиях государство сняло с себя ответственность за решение жилищной проблемы. Сегодня она возложена на самих людей, что далеко не каждому по силам. Поэтому возможность приобретения и улучшения жилья стала ключевым фактором укоренения населения на Дальнем Востоке.

В последнее десятилетие в г. Хабаровске наблюдался существенный рост цен на жилье; снижение в 2009 г., 2010 г., 2013 г. не оказало существенного влияния на его доступность для большей части населения. Наши расчеты показали, что в настоящее время хабаровчанин со средним достат-

ком способен приобрести квартиру на вторичном рынке за 22 года. В случае покупки жилья на первичном рынке возрастают затраты, так как новое жилье, как правило, сдается без или с частичной отделкой [5].

Таблица 1

**Ранговые оценки Хабаровского и Краснодарского краев,
Белгородской области и Санкт-Петербурга среди субъектов России
по ценовым характеристикам и заработной плате, место**

Показатели	2011 г.				2013 г.			
	Краснодарский край	Санкт-Петербург	Хабаровский край	Белгородская область	Краснодарский край	Санкт-Петербург	Хабаровский край	Белгородская область
Прожиточный минимум в среднем на душу населения, в том числе	38	32	10	78	36	42	11	78
• трудоспособное население	37	30	10	77	35	36	11	76
• пенсионеры	30	42	10	78	29	58	10	74
• дети	47	57	9	75	44	76	8	80
Стоимость минимального набора продуктов	35	20	8	80	38	21	8	79
Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг	37	19	8	71	36	19	7	67
Среднемесячная начисленная заработная плата	39	12	14	42	41	12	15	49

Несмотря на рост показателя количества квадратных метров, которые могут приобрести жители краевого центра в год на среднедушевые доходы, ситуация по-прежнему остается сложной. За период 2005–2014 гг. он вырос с 6,5 до 7,4 м² [4].

Социологические опросы также показали остроту данной проблемы. За период 2005–2014 гг. удовлетворенность жильем в г. Хабаровске сохраняется на уровне 41,1%. Основным путем улучшения жилищных условий является покупка жилья (74,2) за счет собственных средств (54,7%).

Одной из причин завышения стоимости жилья служит высокая монополизация строительного рынка. Среди других: высокая себестоимость строительства; завышенная прибыльность строительных организаций; отсутствие конкуренции; неразвитость промышленности строительных материалов; недостаточное предложение. Последнее отстает от растущего спроса платежеспособной части населения. Стимулирует этот процесс столичный статус г. Хабаровска. По мере роста доходов жилье становится надежным и выгодным средством вложения накоплений [5].

Один из ключевых компонентов качества жизни, определяющих эффективность производственных и общественных отношений, формирующих человеческий капитал, является социальная инфраструктура и важнейшая ее составляющая – здравоохранение.

В анализе статистических данных наибольший интерес представляет обеспеченность населения врачами. За период 2005–2013 гг. их численность на 10 000 чел. жителей города уменьшилась на 9,8 чел. Но мощность амбулаторно-поликлинических учреждений выросла на 1,1 тыс. посещений в смену [4]. Разнонаправленная динамика может говорить о растущей нагрузке на врачей, работающих в две смены и в нескольких медицинских учреждениях.

Это негативным образом отражается на качестве медицинского обслуживания, что подтверждается социологическими опросами. На вопрос «Удовлетворены ли Вы медицинским обслуживанием в г. Хабаровске?» утвердительные ответы распределились следующим образом: 2005 г. – 19,3%, 2011 г. – 28,5%, 2014 г. – 23,6%. Среди главных причин неудовлетворенности здравоохранением жители выделили: дороговизну лекарств, необходимость платить за лечение (значимость увеличилась на 17,1 п.п. по сравнению с 2005 г.), невозможность своевременно получить медицинскую помощь, отсутствие квалифицированных врачей (на 11,3 п.п.), бездушное отношение врачей. Необходимо отметить, что значение последней причины уменьшилось на 10,9 п.п. В категории «другое» респонденты отметили: слабое оснащение районных поликлиник современным оборудованием, очереди, сложность записи к узким специалистам.

На протяжении всего рассматриваемого периода вторым по значимости угнетающим жизнь хабаровчан фактором является низкое качество здравоохранения (63,9%). Но негативность его снизилась на 7,6 п.п. по сравнению

с опросами предыдущих лет. Это объясняется открытием в городе большого количества частных медицинских центров, лабораторий, где без очереди, по телефону в любой день недели можно записаться к специалисту и получить медицинскую помощь. Однако услуги эти платные и «по карману» только обеспеченной части населения.

Продолжает обостряться проблема нехватки кадров, особенно высокой квалификации. В амбулаторных учреждениях в зависимости от специализации она колеблется от 25 до 45%. В результате зачастую при полном оснащении учреждений здравоохранения современным оборудованием и препаратами качество оказания медицинской помощи остается на низком уровне. Так, несмотря на то, что Хабаровск располагает крупнейшим на Дальнем Востоке перинатальным центром, здесь отмечается рост младенческой смертности в возрасте до 1 года. В 2013 г. показатель вырос по отношению к предыдущему году на 17,2 чел. В целом за период 2008–2013 гг. смертность от состояний, возникающих в перинатальном периоде, выросла в 1,7 раза [4].

Комплекс проблем сокрыт и в несовершенстве экономического механизма, призванного обеспечить развитие здравоохранения с учетом современной и меняющейся социально-экономической ситуации в муниципальном образовании. Разрушение ранее действовавших жестких вертикальных отраслевых систем централизованного ресурсного обеспечения потребовало от территориальных органов управления и учреждений здравоохранения поиска собственных резервов. Растут платные услуги, формируются предпосылки мздоимства и теневого оборота. По оценкам экспертов, легальная и теневая оплаты медицинских услуг и лекарственных средств составляют от 20 до 45% совокупных расходов государства и населения на здравоохранение. Прежде всего страдают социально незащищенные слои населения.

Во многом качество жизни и человеческий потенциал г. Хабаровска, степень включенности городского сообщества в региональные и национальные общечеловеческие процессы определяются уровнем образования, мировоззренческой ориентацией и имеющимися возможностями систематически получать и использовать необходимую информацию. Чтобы отвечать этим требованиям, нужна соответствующая модернизация образовательной системы.

Главный стратегический ресурс в устойчивом развитии города – дети, подростки, молодежь. Несмотря на существенные подвижки, в г. Хабаровске сохраняются существенные проблемы в дошкольном и школьном образовании. Оживление строительства детских садов в последние годы не решает проблему дефицита мест. В 2013 г. на 100 мест приходилось 132 ребенка (2005 г. – 84,0; 2011 г. – 123,6; 2012 г. – 129 детей) [4]. Острота во многом усилена ростом рождаемости.

Положительным моментом стало снижение размера оплаты за содержание ребенка в муниципальных дошкольных учреждениях. За период 2011–2013 гг. она уменьшилась на 9,0%. Однако помимо официальной оп-

латы, которая отражена в статистике, с родителей взимается «спонсорский взнос». Многие проводимые мероприятия для детей – платные. В итоге фактическая стоимость содержания ребенка превышает официальную в 2 раза и более.

Самым динамичным сегментом образовательного комплекса является школа. Основные тенденции последних лет – сокращение учащихся, школ и учителей, повышение среднего возраста учительских кадров. Из-за низкой оплаты труда усиливается дефицит кадров, как в целом, так и молодых специалистов. Это препятствует продвижению современных интернет-технологий. В ближайшие годы может обостриться ситуация с нехваткой мест в общеобразовательных учебных заведениях и детских дошкольных учреждениях в районах новостроек.

Социологические опросы также демонстрируют существенную неудовлетворённость жителей города школьным образованием. На вопрос «Удовлетворены ли вы системой школьного образования в г. Хабаровске?» утвердительные ответы распределились следующим образом: 2005 г. – 24,0; 2011 г. – 31,6; 2014 г. – 23,0%.

В качестве ключевых проблем были обозначены: необходимость постоянной материальной поддержки школ (43,6), некачественное обучение, воспитание (21,9), растущая дифференциация детей по материальному благополучию (21,7), плохая организация учебного процесса, нехватка учебных помещений и оборудования (19,2%).

Переход экономики г. Хабаровска на инновационный уровень развития требует качественного совершенствования образовательного процесса. Дошкольное образование должно быть усилено развитием творческого воображения детей. Это должно быть продолжено в школе. Именно здесь оформляется интеллектуальный потенциал полноценного члена общества. Его необходимо выявить и усилить заложенную в нем специализацию, продолжив эту работу в учреждениях профессионального образования.

Демографическая ситуация в г. Хабаровске в целом отражает общероссийские тенденции. Они включают низкую рождаемость и высокую смертность, соотношение которых недостаточно для простого воспроизводства населения. Однако краевой центр имеет свою специфику, которая в значительной степени обусловлена происходившими социально-экономическими преобразованиями.

Для оценки демографического положения города был выбран коэффициент депопуляции, который рассчитывается как отношение коэффициента смертности к коэффициенту рождаемости. Чем больше его значение, тем существеннее сокращается население. Анализ динамики за период 2005–2013 гг. показал снижение данного индикатора с 1,5 до 0,9, то есть улучшение ситуации [4]. Этот факт объясняется ростом рождаемости за счет ее стимулирования материнским капиталом. Процесс мог идти интенсивнее, если бы не действие некоторых сдерживающих факторов: доступ-

ности жилья, уровня жизни и уверенности в завтрашнем дне. Это сказывается на репродуктивном поведении молодежи, выраженном в отложенных рожденьях и наличии бездетных семей.

Продолжает падать ценность семьи как социального института. Так, по данным отделов записи актов гражданского состояния, количество заключенных браков в 2013 г. снизилось на 245 ед. в сравнении с 2012 г. из-за роста популярности среди населения гражданских отношений.

Для оценки миграционной ситуации в г. Хабаровске был использован коэффициент миграционного состояния, который представляет собой отношение числа выбывших к числу прибывших. Чем меньше коэффициент, тем миграционная мобильность более активная. За период 2005–2014 гг. значение индикатора осталось без изменения (0,8) [4]. Но формируется процесс активного замещения трудоспособного коренного населения города за счет притока рабочей силы из стран дальнего и ближнего зарубежья. В краткосрочном экономическом плане это процесс положительный, так как занимаются непрестижные малооплачиваемые рабочие места в строительстве, благоустройстве и др. Но с позиций геостратегии он негативный. Уезжают квалифицированные амбициозные кадры – приезжают лица с низкой квалификацией, плохо владеющие русским языком [6].

Подобные процессы вносят определенные коррективы в демографическую ситуацию. Чаще стали регистрироваться браки с иностранными гражданами. В 2013 г. их зарегистрировано 180, в том числе 104 – с гражданами ближнего зарубежья (Украина, Таджикистан, Азербайджан, Армения, Узбекистан), 76 браков – с гражданами дальнего зарубежья (Япония, Корея, Турция, КНР).

Социологические оценки подтверждают данные опасения. За анализируемый период степень укорененности хабаровчан уменьшилась: 2005 г. – на 71,8%, 2011 г. – на 76,7%, 2014 г. – 61,6%. Переезды планируются, в основном, в западные регионы страны (75,3%).

В значительной степени качество городской среды определяется экологическим состоянием и уровнем преступности. Для оценки первого фактора на основе официальной статистики был рассчитан показатель объема выбросов загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, скорректированный на плотность населения краевого центра. За период 2005–2012 гг. он имеет устойчивое сокращение (с 62,6 до 47,5 т/га), демонстрируя улучшение окружающей среды [4].

Однако социологические опросы говорят об обратном. Утвердительный ответ на вопрос «Считаете ли вы экологическую обстановку в г. Хабаровске удовлетворительной?» дали в 2005 г. 16,7% опрошенных, в 2011 г. – 17,5%, 2014 г. – 14,1%. Для краевого центра за весь анализируемый период этот фактор в социологических опросах является главнейшим и создает наибольший дискомфорт жителям г. Хабаровска.

Продолжает вызывать беспокойство низкое качество питьевой воды (50,8), неочищенные сбросы сточных вод в Амур (49,7), лесные пожары (41,4), промышленные выбросы предприятий, особенно ТЭЦ (35,8), загазованность улиц выхлопными газами (32,7), вредные выбросы в атмосферу (28,4), стихийные городские свалки (23,3), сокращение зелёных насаждений (21,7%). Возросла обеспокоенность хабаровчан по поводу грязного воздуха. Особенно это касается выбросов промышленных предприятий и ТЭЦ: рост на 15,1 п.п.

В числе угроз человеческой жизни на втором месте стоит проблема, связанная с уровнем преступности. Для ее оценки использован показатель в виде доли выявленных лиц, совершивших преступления, в общем количестве правонарушений. За период 2005–2013 гг. данный показатель улучшил свое значение с 0,2% в 2005 г. до 0,4% в 2013 г. В 2,0 раза уменьшилось количество совершенных преступлений [4]. Несмотря на некоторую положительную динамику, жители г. Хабаровска это не ощущают: 90,4% опрошенных отметили, что криминогенная обстановка не улучшается.

В соответствии с разработанной авторами методикой все показанные выше статистические и социологические оценки были приведены в сопоставимый вид и рассчитаны среднеарифметические значения по каждой группе и году (табл. 2). Для расчета статистических показателей данные по г. Хабаровску соотносились с аналогичными значениями по г. Краснодару. По социологическим показателям за эталон приняты 100%.

Таблица 2

Динамика статистических и социологических оценок качества жизни населения г. Хабаровска, ед.

Группы оценок	Статистические оценки		Социологические оценки		
	2005	2011	2005	2011	2014
Благосостояние	0,77	0,76	0,34	0,34	0,44
Обеспеченность жильем	0,8	0,88	0,41	0,26	0,41
Социальная инфраструктура	0,89	0,84	0,21	0,3	0,24
Демографическая ситуация	0,93	0,77	0,63	0,72	0,54
Безопасность	0,4	0,75	0,09	0,13	0,12
Интегральный показатель	0,8	0,81	0,29	0,31	0,32

Согласно статистическим оценкам, материальное благополучие жителей города практически не меняется. По социологическим оценкам – незначительно улучшается. Это касается и обеспеченности жильем. Но здесь динамика неустойчивая. Социальная инфраструктура по статистическим оценкам имеет падающую тенденцию. Социологические оценки более терпимы, но динамика неустойчивая. Несмотря на рост рождаемости, статистические показатели по демографии уменьшаются. Это касается и социоло-

логических оценок. Негативным фактором являются миграционные настроения хабаровчан. Статистические и социологические оценки безопасности проживания в краевом центре имеют повышательную тенденцию, хотя значительная часть населения, как отмечалось выше, обеспокоена медленными положительными изменениями.

В результате, как по статистическим, так и по социологическим оценкам интегральный показатель имеет незначительную, но повышательную динамику. В целом, интегральные значения, рассчитанные на основе статистики, превалируют над значениями, полученными по социологической группе. Можно предположить, что статистические оценки завышены. В результате разрыв между интегральными социологическими и статистическими показателями составил 2,7 раза. Понимая, что в социологических опросах в силу наличия эмоционального и социально-психологического фона, как правило, занижена оценка современного состояния и завышены претензии на условия жизни, можно принять поправочный коэффициент по статистическим показателям от 1,5 до 2,0 раз; так, увеличение по заработной плате, в силу его достаточно высокого уровня в г. Хабаровске, может составить 1,5, пенсии – 2 раза. Тогда на данный момент средние их значения должны быть равны в номинальном исчислении 65,0 и 25,0 тыс. руб.

Выводы. Проведенное исследование с использованием комплексной экономико-социологической оценки показало растущее качество жизни жителей г. Хабаровска. Более значительны подвижки по статистическим показателям. Социологические оценки существенно сдержаннее. Анализ по группам показателей, характеризующих различные аспекты качества жизни, показал среди статистических характеристик наихудшее положение по социальной инфраструктуре (здравоохранение и образование) и демографии. Основной проблемой здесь выступает утрата собственного человеческого капитала. Сложился процесс активного замещения трудоспособного амбициозного коренного населения города за счет притока низкоквалифицированной рабочей силы из стран дальнего и ближнего зарубежья. Подрываются демографические основы территории. Соответствующим образом формируется кадровая проблема в социальной сфере. Качество производимых товаров и предлагаемых услуг снижается и уже сегодня, по оценкам жителей, является неудовлетворительным.

Социологические оценки дают более скромные результаты. Динамика неустойчива по четырем группам из пяти. Ухудшение произошло за счет социологического опроса в 2014 г. Абсолютные значения по большинству ответов во всех опросах не превышают 33%. Положительная динамика только формируется, причем с низкого стартового уровня. Следовательно, статистические оценки качества жизни, которые базируются на средних значениях, в условиях высокой дифференциации жизненного уровня россиян не дают объективной картины. Социологические опросы при максимальном приближении выборки к генеральной совокупности позволяют получать более

реальное представление. Вместе со статистическими оценками они выявляют наиболее острые проблемы, на решение которых и должны быть нацелены управляющие действия органов власти всех уровней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 1997–2013 : статистический сборник. – М. : Госкомстат России, 2014. – 433 с.
2. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2009 г. № 2094-р. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571.
3. Гришина, И.В. Качество жизни населения регионов России: методология исследования и результаты комплексной оценки / И.В. Гришина, А.О. Полюнев, С.А. Тимонин // Современные производительные силы. – 2012. – № 1. – С. 70–84.
4. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2005–2013 : статистический сборник. – М. : Госкомстат России, 2014. – 900 с.
5. Заусаев, В.К. Проблемы и механизмы повышения доступности жилья в Хабаровском крае / В.К. Заусаев, Е.Е. Шарко, М.Г. Сафронов // Уровень жизни населения регионов России. – 2013. – № 2 (180). – С. 85–91.
6. Мотрич, Е.Л. Демографические и миграционные процессы в Хабаровском крае. Миграционный мост между Центральной Азией и Россией: роль миграции в модернизации и инновационном развитии экономики стран, посылающих и принимающих мигрантов / Е.Л. Мотрич, М.Г. Сафронов // Материалы Третьего международного симпозиума, Москва, 23–25 ноября 2011 г. – Худжанд, 28–30 ноября 2011 г. – М. : Экономическое образование, 2011. – С. 371–376.

REFERENCE

1. *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 1997–2013: Statistical Yearbook*. Moscow: State Statistics Committee of Russia, 2014. 433 p. (In Russian).
2. *On approval of the Strategy of socio-economic development of the Far East and the Baikal Region until 2025*: Order the Government of the Russian Federation of 28.12.2009 № 2094-r. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571 (accessed 23 October 2015). (In Russian).
3. Grishina I.V., Polynev A.O., Timonin S.A. Kachestvo zhizni naseleniya regionov Rossii: metodologiya issledovaniya i rezul'taty kompleksnoi otsenki [The quality of life of the population of regions of Russia: the methodology of the study and the results of a comprehensive assessment]. *Sovremennye proizvoditel'nye sily*, 2012, no. 1, pp. 70–84.

4. *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2005–2013: Statistical Yearbook*. Moscow: State Statistics Committee of Russia, 2014. 900 p. (In Russian).

5. Zausaev V.K., Sharko E.E., Safronov M.G. Problems and mechanisms to improve housing affordability in the Khabarovsk Territory. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 2 (180), pp. 85–91.

6. Motrich E.L., Safronov M.G. Demographic and migration processes in the Khabarovsk Territory. Migration bridge between Central Asia and Russia: the role of migration in the modernization and innovative development of the economy of the countries sending and receiving migrants // *Proceedings of the Third International Symposium (Moscow November 23-25, 2011-Khujand 28-30 November 2011)* Moscow: Economic Education, 2011, pp. 371–376.

УДК 342.951:325.1(571.6)"2010/2014"

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. Россия. E-mail: va_lina@mail.ru

Шишкина Ольга Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: shishkina.oe@dvfu.ru

**СОСТОЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЛИКТНОСТИ
В СФЕРЕ МИГРАЦИИ В 2010–2014 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ПРИМОРСКОГО КРАЯ
И АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье на материалах Приморского края и Амурской области представлен анализ состояния административной деликтности в сфере миграции за период с 2010 г. по 2014 г. В основу исследования легли данные официальной статистики о количестве и видах административных правонарушений, предусмотренных главой 18 Кодекса РФ об административных правонарушениях, совершенных на территории двух дальневосточных субъектов Российской Федерации. Проведенный анализ составляет основу для определения проблем в формировании законопослушности мигрантов, на которые следует обратить внимание при совершенствовании миграционной политики, миграционного законодательства, взаимодействия органов государственной власти между собой, а также с негосударственными институтами в сфере миграции. Состояние административной деликтности в сфере миграции является важным индикатором определения степени законопослушности мигрантов, их адаптации в российском государстве. Выявленные за исследуемый временной отрезок тенденции в миграционной сфере (которые отражают как увеличение, так и сокращение в отдельные годы административных правонарушений) обусловлены целой совокупностью факторов. К ним относятся частые изменения миграционного законодательства, динамика потока иностранцев, высокая степень латентности административных правонарушений в указанной сфере, зависимость их обнаружения и пресечения от качества деятельности правоохранительных органов. В противоправной деятельности в сфере миграции задействуются

как российские, так и иностранные граждане. Одним из факторов, влияющих на состояние административной деликтности, является поведение российских чиновников и в целом «принимающей стороны».

Ключевые слова: административная ответственность, административная деликтность, административное правонарушение, законопослушность, мигранты, иммигранты, миграция, трудовая миграция, миграционная безопасность.

UDC 342.951:325.1(571.6)"2010/2014"

Angelina S. Vashchuk, Doctor of History, Professor, Head of Department of Social and Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of Far-East, Far-Eastern branch of Russian Academy of Science, Vladivostok, Russia. E-mail: va_lina@mail.ru

Olga E. Shishkina, PhD (Law), Associate professor, Department of constitutional and administrative law, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: shishkina.oe@dvfu.ru

SITUATION IN ADMINISTRATIVE CRIMINALITY IN THE SPHERE OF MIGRATION IN THE 2010–2014 (ON MATERIALS OF PRIMORYE TERRITORY AND AMUR REGION OF RUSSIA)

Article presents an analysis of the situation in administrative criminality in the sphere of migration, which occurred in Primorye territory and Amur region in the period from 2010 to 2014. This study is based on data of official statistics about the number and types of administrative offenses provided for by Chapter 18 of the Code of Administrative Offences which were committed in two Far East territories of the Russian Federation. This analysis provides the basis for identifying problems in the creation of migrants law abidance. These problems should be made allowance for the improvement of migration policy, migration legislation, cooperation between public authorities themselves as well as with non-governmental institutions in the sphere of migration. Situation in administrative criminality in the field of migration is an important indicator determining the degree of law abidance migrants, their adaptation to Russia. Identified trends in this period of time in the area of migration (which reflect both an increase of administrative offenses and a their reduction in some years) are due to a whole set of factors. These factors include frequent changes of immigration legislation, dynamics of the number of foreigners, a high degree of latency of administrative offenses in this area, the quality of law enforcement. The illegal activities in the field of migration are utilized by both Russian and foreign

citizens. One of the factors influencing the situation in the administrative criminality in the field of migration is the behavior of Russian officials and the "host country".

Keywords: administrative responsibility, administrative criminality, administrative offense, law abidance, migrant, migration, labor migration, migration safety.

В России административное принуждение в целом и административная ответственность в частности являются основным методом обеспечения миграционной безопасности. Как корректно отметил И.В. Никитенко, «связанные с обеспечением миграционной безопасности проблемы сегодня уже не носят только демографический, экономический или административно-юрисдикционный характер. Они все чаще относятся к компетенции уголовного права, о чем свидетельствует развитие уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления, связанные с миграцией населения» [2, с. 28]. Однако, несмотря на справедливость такого замечания, все-таки главным инструментом профилактики и борьбы с незаконной миграцией остается административное законодательство, являющееся первичным звеном в системе действующего законодательства, с необходимостью соблюдения которого сталкиваются иммигранты и от следования которому часто зависит их дальнейшая «криминальная» или «законопослушная» модель поведения в нашем государстве. По нашему мнению, состояние административной деликтности в сфере миграции является важным индикатором определения степени законопослушности мигрантов, их адаптации в российском государстве. При этом следует учесть, что административная «криминализация» или «декриминализация» миграционного поведения также влияют на оценку законопослушности иммигрантов. В противоправной деятельности в сфере миграции задействуются как российские, так и иностранные граждане. Одним из факторов, влияющих на состояние административной деликтности, является поведение российских чиновников и в целом «принимающей стороны». Существенное количество административных правонарушений в сфере миграции может свидетельствовать, в том числе, о функционировании в регионе организованных преступных групп, одним из видов их деятельности является организация незаконного бизнеса в сфере миграции, требующая применения мер уголовно-правового воздействия.

В главе 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту КоАП РФ) закреплены составы административных правонарушений в сфере миграции [3].

Большую долю во всем числе административных правонарушений, связанных с миграцией, занимают правонарушения в сфере въезда, режима пребывания (проживания) иностранцев (ст. ст. 18.8, 18.9, 18.11, 18.12,

18.18, 18.19 КоАП РФ). Среди них в рассматриваемых дальневосточных субъектах РФ на первом месте стабильно стоят деяния, предусмотренные ст. 18.8 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за нарушение иностранными гражданами правил въезда, режима пребывания (проживания). Например, в Амурской области в 2010 г. было совершено 1976 подобных правонарушений, в 2011 г. – 3436, в 2012 г. – 2821, в 2013 г. – 3771, в 2014 г. – 3218. На территории области наибольшее количество нарушений правил въезда, режима пребывания (проживания) совершалось гражданами Китая¹ (рис. 1).

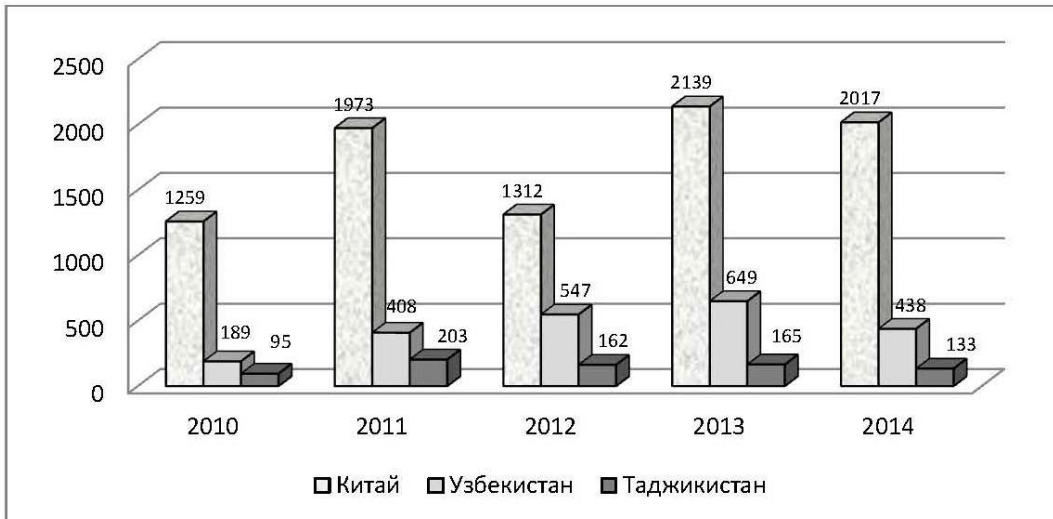

Рис. 1. Количество нарушений правил въезда, режима пребывания (проживания) на территории Амурской области за 2010–2014 гг.

В 2010–2014 гг. по своим абсолютным показателям нарушений правил въезда и режима пребывания сохранялась общая тенденция роста также и у приезжих из Узбекистана. В Приморском крае количество таких нарушений оказалось существенно больше, чем в Амурской области, что вызвано различиями в объеме общего притока иностранных граждан. Так, в 2014 г. в Амурской области поставлено на миграционный учет 78 772 иностранных гражданина, в Приморском крае в три раза больше – 269 576 чел. Приморье отличается и тем, что в период с 2011 г. по 2012 г. количество правонарушений, предусмотренных ст. 18.8, стабильно росло². По времени это сов-

¹ Амурская область: информация о миграционной ситуации: ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС по Амурской области от 10.03.2015. №7/2776.

² Амурская область: информация о миграционной ситуации: ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС по Амурской области от 10.03.2015. №7/2776; Ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС России по Приморскому краю от 10.03.2015.

падает с активным привлечением иностранной рабочей силы на строительство объектов саммита АТЭС в г. Владивостоке, причем сюда трудовые мигранты привлекались в особом порядке, согласно Федеральному закону РФ от 8 мая 2009 г. № 93-ФЗ [3]. После завершения строительства были приняты меры по их выезду и в целом по соблюдению трудовыми мигрантами правил пребывания на территории края. С 2013 г. фиксируется существенный спад показателей по ст. 18.8 и возвращение их к уровню 2010 г., однако 2011 г. и 2012 г. характеризуются сокращением иностранцев, поставленных на миграционный учет, но ростом привлеченных по статье 18.8³ (рис. 2).

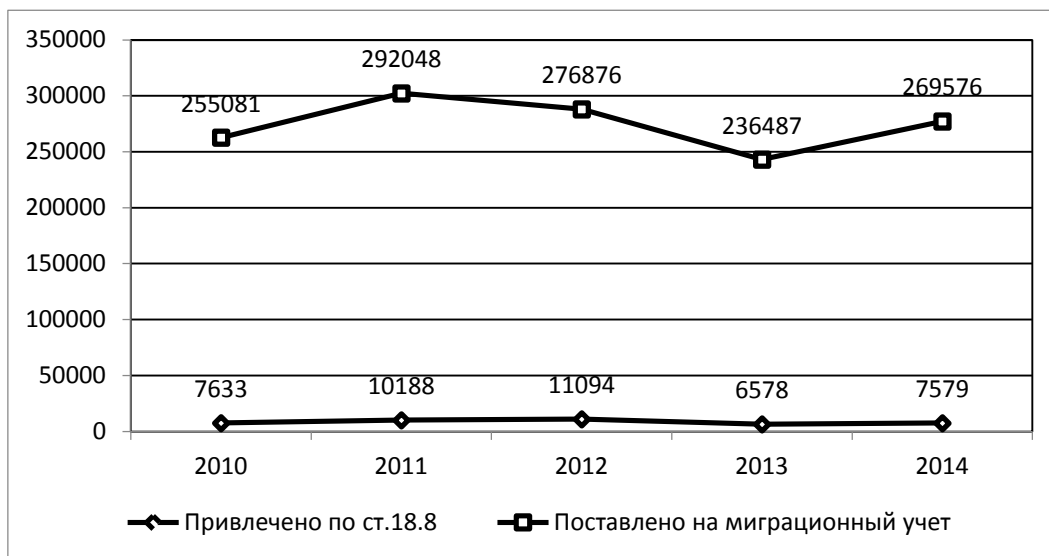

Рис. 2. Численность поставленных на миграционный учет и привлеченных к административной ответственности по ст. 18.8 КоАП РФ за 2010–2014 гг. в Приморском крае

Количество административных правонарушений, квалифицируемых по различным частям ст. 18.8⁴, в Приморском крае по годам было примерно одинаковое⁵.

Как правило, большинство административных правонарушений с участием иностранных граждан на территории России, в том числе и преду-

³ Ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС России по Приморскому краю от 10.03.2015.

⁴ Исключение составляют специальные составы, предусмотренные ч. 3 и ч. 4.

⁵ Исключение составляют специальные составы, предусмотренные ч. 3 и ч. 4.

смотренных ст.18.8 КоАП РФ, совершается умышленно. Классическим примером является проживание по визе, срок действия которой истек. Часть 1.1 ст. 18.8, предусматривающая ответственность за отсутствие документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации и уклонение от выезда из России по истечении определенного срока пребывания, была выделена в специальный состав в ст. 18.8 Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 207-ФЗ [3]. Ранее эти нарушения квалифицировались по ч. 1 ст. 18.8 КоАП РФ, что отражалось на статистических данных. Количество правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 18.8, существенно выше, чем правонарушений, предусмотренных частью 2 данной статьи. Так, в Приморском крае по ч. 1 ст. 18.8 в 2013 г. было привлечено 5699 иностранцев, а по ч. 2 ст. 18.8 за несоответствие заявленной цели въезда в Российскую Федерацию – фактически осуществляемой в период пребывания (проживания) в России деятельности или роду занятий – 1898 иностранцев⁶. Введение последнего состава в качестве специального было ответом на весьма распространенную практику «растворения» иностранцев: когда цель приезда, заявленная в визе иностранца, не совпадала с целью его фактического пребывания.

Нарушение миграционных правил характеризуется высокой латентностью. Подавляющее большинство трудовых мигрантов (по мнению экспертов из числа работников УФМС, а также лидеров общественных организаций, поддерживающих мигрантов) въезжало в регион на законных основаниях. Но в дальнейшем некоторые из них утрачивали основания для пребывания, в результате чего переходили в группу незаконных мигрантов. Фиксируемое большинство административных правонарушений, совершаемых гражданами Китая и Узбекистана на территории Приморского края, по сравнению с гражданами других государств, связано с их большей численностью, но при этом цели пребывания граждан этих двух государств на территории Приморского края различны. Так, в 2014 г. здесь поставили на миграционный учет 142 048 граждан Китая, из них большинство не относится к иммигрантам, поскольку они въехали либо с целью туризма – 57 785 чел., либо с деловой целью – 43 644 чел. Китайские туристы и бизнесмены отличаются высоким уровнем дохода и законопослушностью. Только 23 517 чел. въехали с целью работы и 1 269 чел. с частной целью. При этом гражданами Китая в сфере миграции было совершено в 2014 г. около 5000 административных правонарушений. В этом же году в Приморском крае встали на миграционный учет 59 854 граждан Узбекистана, из них 10 482 чел. приехали работать, а 15 944 въехали с частной целью.

⁶ Ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС России по Приморскому краю от 10.03.2015.

И только 40 человек въехали с целью туризма. Граждане этого государства совершили около 4000 миграционных правонарушений⁷.

Наши подсчеты говорят о том, что количество въезжающих с целью трудоустройства на территорию Приморского края граждан Китая примерно одинаковое в соотношении с гражданами Узбекистана (которые в большинстве своем въезжают именно с этой целью, пусть даже и заявляя о частной цели), равно как и количество совершаемых в сфере миграции административных правонарушений иммигрантами из обеих стран.

На втором месте в группе нарушений различных административных правил, связанных с пребыванием иностранных граждан, находились административные правонарушения, предусмотренные ст. 18.9 КоАП РФ, устанавливающей ответственность «принимающей стороны». Например, в Амурской области в 2010 г. было совершено 283 таких правонарушений, в 2011 г. – 560, в 2012 г. – 593, в 2013 г. – 583, в 2014 г. – 763 правонарушения. Данные правонарушения могут быть совершены только российскими гражданами либо постоянно проживающими на территории РФ иностранными гражданами (например, ч. 2 ст. 18.9 – непринятие мер по обеспечению своевременного выезда иностранных граждан за пределы Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания в Российской Федерации). По статье 18.9 за 2014 г. в Амурской области было привлечено за нарушение правил пребывания 749 российских граждан⁸. В Приморском крае число привлеченных к административной ответственности российских граждан по этой же статье оказалось существенно выше за этот же период времени – 3068 чел, и подавляющая часть – 2 542 чел. была привлечена по части 4 ст. 18.9 – за неисполнение принимающей стороной *обязанностей* в связи с осуществлением миграционного учета. Если в 2010–2013 гг. в Приморском крае снижалось количество административных правонарушений, предусмотренных ст. 18.9, то в 2014 г. показатели по соответствующим правонарушениям вернулись практически к показателям 2010 г. (в 2010 г. – 3 199 чел., в 2011 г. – 2 210, в 2012 г. – 1 966, в 2013 г. – 1 791, в 2014 г. – 3 015 чел.)⁹.

Следующую по своей распространенности группу административных правонарушений в сфере миграции составляют нарушения правил трудовой деятельности мигрантов (ст.18.10, 18.15, 18.17 КоАП РФ). В Амурской области административные правонарушения в сфере осуществления трудовой деятельности имели тенденцию к росту после 2010 г. (2010 г. – 600,

⁷ Ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС России по Приморскому краю от 10.03.2015.

⁸ Амурская область: информация о миграционной ситуации: ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС по Амурской области от 10.03.2015. №7/2776.

⁹ Ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС России по Приморскому краю от 10.03.2015.

2011 г. – 1362, 2012 г. – 1595, 2013 г. – 1534, 2014 г. – 1615). Однако таких правонарушений было зафиксировано в два раза меньше, чем правонарушений в сфере въезда, пребывания, проживания. Это в определенной степени подтверждает тезис, что степень законопослушности у граждан КНР в 2010–2014 гг. в российском приграничье росла очень медленно¹⁰.

В Приморском крае в сфере трудовой миграции в 2014 г. было совершено 4 621 административное правонарушение, в то время как правонарушений первой группы в сфере въезда и пребывания (проживания) было зафиксировано 10 676, то есть здесь так же, как и в Амурской области, их оказалось в два раза больше¹¹. Более низкий показатель привлеченных к административной ответственности за нарушения правил в сфере трудовой деятельности указывает на более высокую латентность данных правонарушений по сравнению с нарушениями иных административных правил. Если последние сравнительно легко обнаруживаются и доказываются изучением документов иностранных граждан, то незаконная трудовая деятельность указанных лиц зачастую остается не обнаруженной, либо вызывающей доказательственные трудности. Для уяснения сути проблемы необходимо рассмотреть динамику административных правонарушений в сфере трудовой миграции. В Приморском крае она характеризуется тенденцией к росту с 2010 г. Всплеск нарушений имел место в 2012 г., что может быть связано с более интенсивной работой УФМС и правоохранительных органов в период строительства объектов саммита АТЭС¹² (рис. 3).

Анализируя структуру административной деликтности в сфере трудовой миграции по странам прибытия, важно отметить, что больше всего правонарушений совершалось, как и по правонарушениям первой группы, гражданами Китая и Узбекистана. Например, по ст. 18.10 за незаконное осуществление трудовой деятельности в 2014 г. в Амурской области было привлечено 1 113 иностранных граждан, среди них на первом месте стоят граждане Китая (500 чел.), а на втором – граждане Узбекистана (321 чел.). За несоблюдение ограничений на осуществление отдельных видов деятельности по статье 18.17 КоАП РФ соответствующие контролирующие органы привлекли 62 гражданина, среди них почти половину составляли граждане КНР¹³. В Приморском крае в 2014 г. число совершенных административных правонарушений, предусмотренных ст. 18.10, несколько выше

¹⁰ Амурская область: информация о миграционной ситуации: ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС по Амурской области от 10.03.2015. №7/2776.

¹¹ Ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС России по Приморскому краю от 10.03.2015.

¹² Ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС России по Приморскому краю от 10.03.2015.

¹³ Амурская область: информация о миграционной ситуации: ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС по Амурской области от 10.03.2015. №7/2776.

(3 002)¹⁴. Основную часть нарушителей составляют, так же как и в Амурской области, граждане Узбекистана (1 323) и Китая (1 362)¹⁵, которые совершили примерно одинаковое количество административных правонарушений в сопоставлении с данными миграционного учета по гражданам, приехавшим на Дальний Восток России в поисках работы.

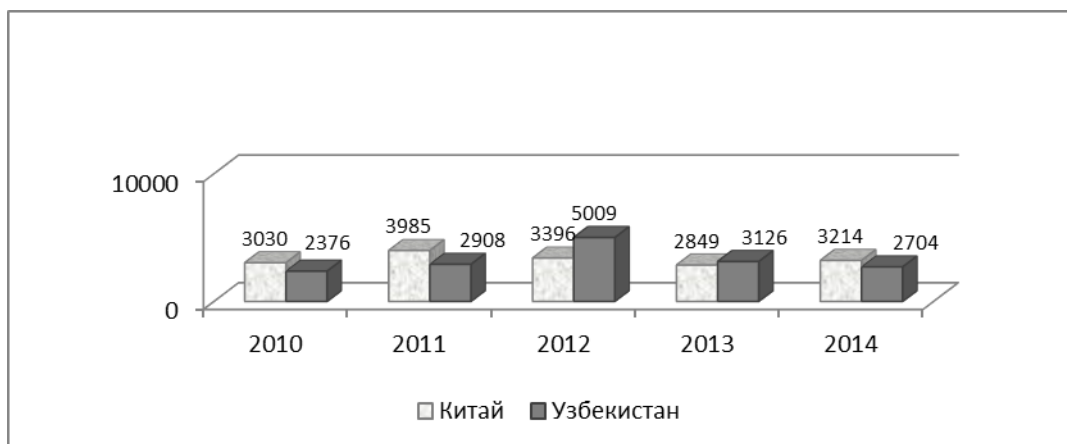

Рис. 3. Число административных правонарушений, совершенных иностранными гражданами на территории Приморского края по ст. 18.8 КоАП РФ за 2010–2014 гг.

За неразрывно связанное с выше рассмотренными правонарушение, предусмотренное ст. 18.15, – противоправное деяние в виде незаконного привлечения иностранного гражданина к трудовой деятельности, было привлечено всего в 2014 г. в Амурской области – 440 чел., из них подавляющее большинство составляли российские граждане – 400 чел., граждан Китая – всего 10 чел., Узбекистана – 10 чел.¹⁶

По статье 18.15 (за привлечение к незаконной трудовой деятельности) в Приморье в 2014 г. понесли административное наказание 1249 чел., при этом большая часть (837 чел.)¹⁷ привлечены по части 1 ст. 18.15 – «за привлечение к трудовой деятельности при отсутствии у иностранного гражданина или лица без гражданства разрешения на работу либо патента» [1].

¹⁴ Ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС России по Приморскому краю от 10.03.2015.

¹⁵ Ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС России по Приморскому краю от 10.03.2015.

¹⁶ Амурская область: информация о миграционной ситуации: ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС по Амурской области от 10.03.2015. №7/2776.

¹⁷ Ответ на запрос ИИАЭ ДВО РАН от УФМС России по Приморскому краю от 10.03.2015.

Выявленные тенденции за исследуемый временной отрезок тенденции в миграционной сфере (которые отражают как увеличение, так и сокращение в отдельные годы административных правонарушений) обусловлены целой совокупностью факторов. Надлежит учесть частые изменения миграционного законодательства, динамику потока иностранцев, уже отмеченную латентность правонарушений в указанной сфере, зависимость их обнаружения и пресечения от качества деятельности миграционных органов. Проведенный анализ административной деликтности в сфере миграции составляет основу для определения некоторых «болевых точек» в процессе формирования законопослушности иностранных граждан и лиц без гражданства, на которые следует обратить внимание при совершенствовании миграционной политики, миграционного законодательства, практик взаимодействия органов государственной власти между собой, а также с негосударственными институтами в сфере миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/koap/>.
2. Никитенко, И.В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект) : монография / И.В. Никитенко. – М. : Издательский дом Шумиловой И.И., 2013. – 350 с.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования миграционного законодательства и ответственности за его нарушение [Электронный ресурс] : федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 207-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149653/.
4. Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран-участников форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон Российской Федерации от 8 мая 2009 г. № 93-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87624/.

REFERENCES

1. *Administrative Code of Russian Federation: Federal Act of 30.12.2001 No. 195-FA*. Available at: <http://www.consultant.ru/popular/koap/> (accessed 23 October 2015). (In Russian).
2. Nikitenko I.V. *Migracionnaya bezopasnost Rossii (kriminologichesiy aspekt)* [Safety in migration: kriminology aspects]. Moscow: Izdatel'skii dom Shumilovoi I.I. Publ., 2013. 350 p.

3. *Amendments to some legal acts of Russian Federation for improving of migration legislation and responsibility for its offenses: Federal Act of 23.07.2013 No. 207-FA.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149653/ (accessed 23 October 2015). (In Russian).

4. *About organization of meeting of Heads of State and governments – participants of Forum «Asia-Pasific economic cooperation» in 2012, about development of Vladivostok as a centre of international cooperation in Asia-Pasific Region and about amendments to some legal acts of Russian Federation: Federal Act of 08.05.2009 No. 93-FA.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87624/.

УДК 35.08:340.11

Хабидулина Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: khabibulina.ov@dvfu.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

В статье дается характеристика ограничений, запретов и обязанностей государственных служащих, установленных в целях противодействия коррупции. Противодействие коррупции остается приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации, реализация которого вызвала увеличение числа ограничений, запретов и обязанностей государственных служащих. Способы противодействия коррупции, затрагивающие правовой статус государственных служащих, используемые в России, во многом аналогичны применяемым и в других странах, в том числе в странах АТР: обязанность представлять сведения о доходах и расходах, принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, запрет принимать подарки в связи с исполнением служебных обязанностей и другие.

Анализ антикоррупционного и служебного законодательства РФ позволил выявить ряд пробелов, проблем, противоречий, которые не только снижают эффективность политики противодействия коррупции, но и нарушают права государственных служащих (в части возможных злоупотреблений со стороны представителя нанимателя). Так, в действующем законодательстве отсутствуют как перечень конкретных антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей, так и критерии отнесения к ним.

Исключение составляют, на наш взгляд, лишь те обязанности и запреты, за несоблюдение которых государственный служащий подлежит увольнению с государственной службы в связи с утратой доверия; при этом ограничения в данном перечне отсутствуют. Серьезной проблемой является неопределенность термина «коррупционное правонарушение» и возможность его ведомственного толкования. Полагаем необходимым в первую очередь закрепить в законодательных актах прямо и определенно либо перечень конкретных антикоррупционных ограничений, запретов, обязанностей, либо критерии отнесения к ним.

Ключевые слова: ограничения, запреты, обязанности, государственный служащий, противодействие коррупции, ответственность, защита прав.

UDC 35.08:340.11

Olga V. Khabibulina, PhD (Law), Associate professor, Department of constitutional and administrative law, School of law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: khabibulina.ov@dvfu.ru

THE PROBLEMS OF ANTI CORRUPTION LEGISLATION IN THE PUBLIC SERVICE

This paper describes anti-corruption limitations, bans and duties of the public servants. Prevention of corruption is still a priority for the national policy of the Russian Federation, the realization of which resulted in an increasing number of limitations, bans and duties of the public servants. The ways to combat corruption, affecting the legal status of the public servants, applied in Russia are similar to the ones in other countries, in the Asia Pacific states as well, namely: a duty to submit information about their income and expenditure, to take measures for preventing and settling the conflict of interest, a ban to accept gifts connected with service duties and others.

The analysis of the RF anti-corruption and service legislation revealed a number of gaps, problems and contradictions which not only decrease the effectiveness of anti-corruption policy but also violate the public servants' rights (dealing with a possible abuse by an employer). Thus, the current legislation lacks a list of definite anti-corruption limitations, bans and duties, as well as the criteria to be defined as such. In our opinion, the exception is only those duties and bans for violating of which a public servant is to be dismissed from the public service due to loss of confidence; however, these limitations are missing from the list. A serious problem is ambiguity of the "corruption offence" term and a possibility to interpret it. First of all we consider it vital to enshrine directly and unambiguously in the legislative acts either the list of definite anti-corruption limitations, bans and duties or the criteria by which to define them.

Key words: limitations, bans, duties, public servant, anti-corruption, liability, protection of rights.

Присоединение к важнейшим международным документам в области противодействия коррупции [1, 2, 3] повлекло за собой развитие в России антикоррупционного законодательства и, как следствие, значительное изменение правового статуса государственных служащих. Так, впервые в служебном законодательстве РФ [5, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 18] появилось понятие «ограничения, запреты и обязанности, установленные в целях противодействия коррупции», которые предусматриваются либо федеральным законом (далее – ФЗ), регулирующим соответствующий вид государственной службы, либо ФЗ «О противодействии коррупции» [12], либо другими федеральными законами.

Вместе с тем в служебном законодательстве отсутствуют как перечень конкретных антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей, так и критерии отнесения к ним. Исключение составляют, на наш взгляд, лишь те обязанности и запреты, за несоблюдение которых государственный служащий подлежит увольнению с государственной службы в связи с утратой доверия. К антикоррупционным обязанностям в таком понимании относятся: 1) обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов на государственной службе, стороной которого является государственный служащий; 2) обязанность государственных служащих, замещающих должность, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами РФ [19], представлять представителю нанимателя сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (далее – обязанность представлять сведения о доходах и расходах).

Существенным условием возникновения обязанности представить сведения о расходах является совершение государственным служащим, его супругой и (или) несовершеннолетними детьми сделки по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), если сумма сделки превышает общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению сделки [16, ст. 3].

Неисполнение данной обязанности влечет за собой и негативные материальные последствия: если в ходе осуществления контроля за расходами выявлено несоответствие расходов государственного служащего, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу, Генеральный прокурор РФ или подчиненные ему прокуроры в установленном по-

рядке обращаются в суд с заявлением об обращении в доход РФ того имущества, в отношении которого государственным служащим не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы [16, ст. 17]. К середине 2015 г. в России появилась первая практика применения указанной нормы: прокурорами в нескольких субъектах РФ (Приморский край, Орловская область, Свердловская область, Краснодарский край) направлены в суд исковые заявления об обращении в доход государства имущества государственных (и муниципальных) служащих, общей стоимостью более 89 миллионов рублей [26].

В число антикоррупционных запретов, нарушение которых влечет увольнение государственного служащего в связи с утратой доверия, входят запреты: 1) заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, а также участвовать в управлении хозяйствующим субъектом (за некоторыми исключениями); 2) входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории РФ их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором РФ или законодательством РФ; 3) открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами (распространяется и на супругу (супруга) и несовершеннолетних детей государственного служащего).

Возможность отнесения вышеуказанных обязанностей и запретов к числу установленных в целях противодействия коррупции подтверждается и судебной практикой [24].

Принимая во внимание заинтересованность материального свойства, составляющую основу понятия «коррупция» (ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции»), к антикоррупционным могут быть отнесены следующие из предусмотренных ст. 17 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» запреты (распространяющиеся и на сотрудников: следственного комитета, органов внутренних дел, таможенных органов; прокурорских работников, военнослужащих): приобретать в случаях, установленных федеральным законом, ценные бумаги, по которым может быть получен доход; быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в государственном органе, в котором он замещает должность государственной службы; получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц; выезжать в связи с исполнением должностных обязанностей за пределы территории РФ за счет средств физических и юридических лиц; заниматься без письменного разрешения представителя нанимателя оплачиваемой деятельностью, финансируемой исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Необходимо заметить, что отдельными авторами критикуется «материальный эквивалент» понятия «коррупция»: В. Номоконов отмечает, что «...Конвенция ООН против коррупции и национальное законодательство многих стран под взяточничеством понимают факт дачи и получения не только материальных ценностей, но и любой выгоды»; различного рода кадровые услуги, поддержка в выборной кампании не имеют материального эквивалента и не могут считаться коррупционными [33, с. 21].

Для гражданских служащих, замещающих должность категории «руководители» высшей группы, среди антикоррупционных запретов, установленных служебным законодательством, следует упомянуть направленный на исключение конфликта интересов в государственном органе запрет представлять интересы служащих в выборном профсоюзном органе данного государственного органа в период замещения ими указанной должности (ч. 4 ст. 15 ФЗ «О государственной гражданской службе»).

Анализ оснований увольнения государственных служащих в связи с утратой доверия показывает, что ограничения в этом перечне отсутствуют. В Обзоре практики по рассмотрению в 2012–2013 гг. дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков [24], анализируется возможность прекращения служебных отношений на муниципальной службе вследствие несоблюдения такого ограничения, как близкое родство или свойство (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с другим служащим, если замещение должности связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому. Подобное ограничение установлено и для государственных служащих. Возникает вопрос о возможности отнесения этого ограничения к числу антикоррупционных, учитывая принцип взаимосвязи государственной и муниципальной службы [10, ст. 3].

Следующий уровень нормативного правового регулирования антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей – ФЗ «О противодействии коррупции», из названия и преамбулы которого однозначно вытекает антикоррупционная природа рассматриваемых правовых явлений. Среди обязанностей государственных служащих, предусмотренных данным законом, необходимо выделить обязанность уведомлять представителя нанимателя, органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений. Порядок уведомления определяется представителем нанимателя; во многих государственных органах (Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия, Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков, Федеральное агентство по обустройству государственной границы РФ и др.) приняты соответствующие нормативные правовые акты.

Вместе с тем в законодательстве отсутствуют легальное определение термина «коррупционное правонарушение» и единый перечень подобных деяний. Под исследуемое понятие подпадают: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами (ст. 1ФЗ «О противодействии коррупции»). Данное определение было полностью заимствовано рядом государственных органов РФ для формирования перечня коррупционных правонарушений (Федеральной службой РФ по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службой по труду и занятости и др.). Однако недостатком этого определения является применение неустоявшихся терминов («злоупотребление служебным положением») и явная неопределенность деяний («иное незаконное использование...»), что вряд ли сопоставимо с последствием невыполнения государственным служащим рассматриваемой обязанности – увольнение с государственной службы либо привлечение его к иным видам ответственности в соответствии с законодательством РФ.

ФЗ «О противодействии коррупции» упоминает и об ограничении, установленном для граждан после увольнения со службы. Так, государственные служащие, обязанные представлять сведения о доходах и расходах [21], в течение двух лет после увольнения с государственной службы имеют право замещать на условиях трудового договора должности в организации и (или) выполнять в данной организации работы (оказывать данной организации услуги) в течение месяца стоимостью более ста тысяч рублей на условиях гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров), если отдельные функции государственного управления данной организацией входили в их должностные (служебные) обязанности, с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (ст. 12). В то же время в ст. 17 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» данная норма имеет характер запрета. Примерный перечень функций государственного управления приведен в Обзоре типовых ситуаций конфликта интересов на государственной службе РФ и порядка их урегулирования. Например, осуществление государственного надзора и контроля; возбуждение и рассмотрение дел об административных правонарушениях и др. [23]. Эти сферы могут быть обозначены как сферы коррупционных рисков; целесообразно закрепить их на уровне закона.

Ограничения, запреты и обязанности могут быть установлены для государственных служащих и иными федеральными законами. Так, право го-

сударственного служащего на выезд из РФ может быть временно ограничено при наличии допуска к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям, отнесенным к государственной тайне [6, ст. 15]; должностные лица налоговых органов не могут быть уполномоченными представителями налогоплательщика [4, ч. 2 ст. 29]. Однако ни один из законодательных актов не указывает на антикоррупционную природу обязанностей, ограничений, запретов.

Приведенные примеры пробелов и противоречий в законодательстве РФ существенным образом затрагивают права государственных служащих в части возможных злоупотреблений со стороны представителя нанимателя: так, за несоблюдение гражданским служащим ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции (за исключением влекущих увольнение в связи с утратой доверия) налагаются взыскания: замечание; выговор; предупреждение о неполном должностном соответствии [11, ст. 59.1].

Последствия привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения различны. При совершении дисциплинарного проступка в течение года со дня привлечения к ответственности возможно увольнение со службы по инициативе представителя нанимателя в связи с неоднократным неисполнением гражданским служащим без уважительных причин должностных обязанностей [11, ст. 37, 57]. Федеральным гражданским служащим, имеющим дисциплинарные взыскания, очередной классный чин не присваивается [20, п. 23]. Учитывая такую меру профилактики коррупции, как внедрение в практику кадровой работы органов государственной власти РФ и субъектов РФ правила, в соответствии с которым длительное, безупречное и эффективное исполнение государственным служащим своих должностных обязанностей должно в обязательном порядке учитываться при назначении его на вышестоящую должность [12, ч. 5 ст. 6], вполне обоснованно выделять в качестве последствия применения взыскания невозможность назначения гражданского служащего до истечения года со дня привлечения его к ответственности на вышестоящую должность. При этом действующее законодательство не предусматривает право представителя нанимателя снять со служащего взыскание за коррупционное правонарушение по собственной инициативе, по письменному заявлению служащего или по ходатайству его непосредственного руководителя (п. п. 3 п. VI Разъяснений по применению ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и иных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции, утв. письмом Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 июля 2013 г. № 18-2/10/2-4038).

Таким образом, решение вопроса об антикоррупционном характере ограничения, запрета, обязанности находится в ведении представителя нанимателя, так как только он может налагать взыскания за коррупционные

правонарушения [11, ч. 1 ст. 59.3]. Данный подход крайне субъективен. Кроме того, подобная формулировка, по нашему мнению, свидетельствует о наличии таких негативных факторов, как широта дискреционных полномочий и юридико-лингвистическая неопределенность [22, п. 3]. На подобные проблемы все чаще обращается внимание в юридической литературе [28, с. 101–107; 36, с. 158–167].

Проблеме коррупции уделяется внимание и в законодательстве большинства зарубежных стран, в том числе и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в которых в число способов противодействия коррупции входят разнообразные ограничения, обязанности и запреты для государственных служащих [27, с. 8; 35, с. 8; 29, с. 83–86; 34, с. 110–111].

Так, в Канаде чиновник в течение 60 дней после приема на государственную службу обязан в письменном отчете сообщить уполномоченному руководителю обо всей деятельности, имуществе, обязательствах, способных привести к конфликту интересов в ходе выполнения служебных обязанностей. Государственным служащим запрещено просить и принимать какие-либо материальные блага, создавать режим «наибольшего благоприятствования» для взаимодействующих с государственными органами частных предприятий или отдельных лиц, использовать в собственных интересах закрытую информацию, полученную в ходе служебной деятельности. Уволившиеся с государственной службы чиновники в течение года не должны соглашаться на назначение в советы директоров компаний, с которыми им приходилось иметь дело в течение последнего года службы; представлять частные фирмы в отношениях с госорганами, с которыми они раньше взаимодействовали в качестве госслужащих, а также консультировать кого-либо на основе полученной ранее служебной (закрытой) информации [25, с. 45–51].

В США должностные лица органов всех трех ветвей власти обязаны подавать финансовые декларации (в отношении себя, супруги (супруга) и иждивенцев), содержание которых составляют разнообразные сведения: гонорары, полученные в течение предыдущего года, если в сумме они составляют 200 долл. и более; подарки в сумме 250 долл. и более; продажа, покупка или обмен недвижимого имущества либо ценных бумаг, если денежное выражение составляет 1 тыс. долл.; расходы, задолженности, а также все случаи возвращения чиновнику денежных сумм, составляющих 250 долл. и более; обязательства перед кредиторами, если они не являются родственниками, на сумму более 10 тыс. долл. и др. [31, с. 95–97].

Ограничено право государственного служащего на побочный (по совместительству) заработок, который не должен превышать 15% основной должностной оплаты. Американское законодательство запрещает должностным лицам принимать подарки от лиц, заинтересованных в принятии конкретных официальных решений или мер. Установлен запрет в течение 2-х лет после выхода в отставку осуществлять представительскую деятельность при разрешении органами исполнительной власти конкретных про-

блем, которые раньше относились к официальному ведению этого чиновника в течение года, предшествовавшего увольнению. За нарушение указанных запретов и ограничений должностное лицо может быть привлечено к гражданско-правовой (штраф в пределах до 10 тыс. долл.) или уголовно-правовой ответственности [31, с. 90–91, 100, 101; 32, с. 90–94].

В Сингапуре государственные служащие представляют сведения о доходах два раза в год, при этом бремя объяснения источников любых «необычных» доходов ложится на государственного служащего [29, с. 84].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в различных странах используются в целом идентичные антикоррупционные ограничения, запреты и обязанности государственных служащих. В качестве положительного опыта для России следует отметить наличие в некоторых странах специального органа по противодействию коррупции: в Гонконге, в стране с минимальным уровнем коррупции, еще в 1973 г. была создана Независимая антикоррупционная комиссия, которая не только осуществляет оперативно-розыскную деятельность, следственные мероприятия, но и занимается профилактикой коррупции: разрабатывает и проводит обучающие антикоррупционные тренинги с чиновниками и частными лицами, взаимодействует со средствами массовой информации [33, с. 21].

Преодоление пробелов и противоречий в нормах служебного и антикоррупционного законодательства, непосредственно затрагивающих правовой статус государственных служащих, позволит повысить эффективность политики противодействия коррупции, сделает возможным проведение многих государственных реформ [30, с. 25–32], а также будет обеспечивать защиту прав государственных служащих и ограничение возможных злоупотреблений со стороны представителей нанимателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121544>.
2. Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 8 июня 2015 г. № 150-ФЗ). – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/nalog1/>.
5. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 13 июля 2015 г. № 269-ФЗ) // Собрание

законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472; 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4395.

6. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г. № 213-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 34. – Ст. 4029; 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4339.

7. О службе в таможенных органах Российской Федерации : федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (ред. от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3586; 2014. – № 52 (ч. I). – Ст. 7542.

8. О воинской обязанности и военной службе : федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 13.07.2015 № 230-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 13. – Ст. 1475; 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4356.

9. О статусе военнослужащих : федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 № 230-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 22. – Ст. 2331; 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4356.

10. О системе государственной службы Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ). – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/popular/gossluzh/>.

11. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 8 июня 2015 г. № 147-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215; 2015. – № 24. – Ст. 3374.

12. О противодействии коррупции : федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228; 2014. – № 52 (ч. I). – Ст. 7542.

13. О Следственном комитете Российской Федерации : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 22 декабря 2014 г. № 439-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 15; 2014. – № 52 (ч. I). – Ст. 7550.

14. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г. № 248-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900; 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4374.

15. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г. № 230-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. I). – Ст. 7020; 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4356.

16. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам : федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ (ред. от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 50 (ч. 4). – Ст. 6953; 2014. – № 52 (ч. I). – Ст. 7542.

17. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами : федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ (ред. от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 19. – Ст. 2306; 2014. – № 52 (ч. I). – Ст. 7542.

18. О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ: указ Президента Российской Федерации от 5 июня 2003г. № 613 (ред. от 1 июля 2014 г. № 483) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 23. – Ст. 2197; 2014. – № 27. – Ст. 3754.

19. О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим : указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 113 (ред. от 30 сентября 2013 г. № 744) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 6. – Ст. 440; 2013. – № 40 (ч. III). – Ст. 5045.

20. Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557 (ред. от 8 марта 2015 г. № 120). – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/05/20/ukaz557-dok.html>.

21. О мерах по реализации отдельных положений Федерального Закона «О противодействии коррупции» : указ Президента РФ от 21 июля 2010 г. № 925 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 30. – Ст. 4070.

22. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98088/.

23. Обзор типовых ситуаций конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядка их урегулирования [Электронный ресурс] : письмо Минтруда России от 15 октября 2012 г. № 18-2/10/1-

2088. – Режим доступа: http://www.terkamfish.ru/files/Kadrovaya%20slujba/Tipovye_situacii_konflikta_interesov_25_04_12.pdf.

24. Обзор практики по рассмотрению в 2012–2013 годах дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=176373;dst=101238>.

25. Демчук, А.Л. Канада: новые механизмы борьбы с коррупцией / А.Л. Демчук, В.И. Соколов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – № 5. – С. 39–51.

26. Егоров, И. Не по карману: прокуроры начали отбирать у чиновников имущество, купленное на скрытые доходы [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2015. – 3 сентября. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/printable/2015/09/03/dohody.html>.

27. Ермолаева, Н. Отдых за свой счет // Российская газета. – 2010. – 28 апреля. – С. 8.

28. Запреты как средства правовой политики : «Круглый стол журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь» и «Вестник Самарской гуманитарной академии» // Государство и право. – 2013. – № 9. – С. 101–107.

29. Карагодин, Н. Формирование корпуса государственных служащих: зарубежный опыт для России / Н. Карагодин, И. Карагодина // Мировая экономика и международные отношения. – 1993. – № 2. – С. 78–90.

30. Костенников, М.В. Антикоррупционные и этические стандарты служебного поведения государственных гражданских служащих / М.В. Костенников, А.В. Куракин, А.Ю. Ватель // Государство и право. – 2014. – № 10. – С. 25–32.

31. Николайчик, В.М. Правовое регулирование этики официальных лиц в США // США: экономика, политика, идеология. – 1998. – № 5. – С. 88–103.

32. Николайчик, В.М. Правовое регулирование этики официальных лиц в США // США: экономика, политика, идеология. – 1998. – № 6. – С. 89–105.

33. Номоконов, В. А. В Гонконге увидели будущее без коррупции // Золотой Рог. – 2015. – 26 мая. – С. 21.

34. Оболонский, А.В. Государственная служба США: история и современность // Государство и право. – 1999. – № 4. – С. 103–111.

35. Соловьев, Е. На счет или в тюрьму // Российская газета. – 2012. – 27 января. – С. 8.

36. Спектор, Е.И. Запреты и ограничения в праве и коррупция / Е.И. Спектор, В.В. Севальнев, С.Н. Матулис // Журнал российского права. – 2014. – № 10. – С. 158–167.

REFERENCES

1. *Criminal Law Convention on Corruption of 27 January 1999*. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121544> (accessed 23 October 2015). (In Russian).

2. *Convention against Transnational Organized Crime of 15 November 2000*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (accessed 23 October 2015). (In Russian).

3. *The United Nations Convention against Corruption of 31 October 2003*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (accessed 23 October 2015). (In Russian).

4. *RF Taxation Code (Part I): Federal Law of 31 July 1998 no. 146-Federal Law (ed. 08 June 2015 no. 150-FZ)*. Available at: <http://www.consultant.ru/popular/nalog1/> (accessed 23 October 2015). (In Russian).

5. On the RF Prosecution Authority: Federal Law of 17 January 1992 no. 2202-1 (ed. 13 July 2015 no. 269-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1995, no. 47, art. 4472; 2015, no. 29 (Part I), art. 4395. (In Russian).

6. On Procedure of Exit from Russia and Entry into Russia: Federal Law of 15 August 1996 no. 114-Federal Law (ed. 13 July 2015 no. 213-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1996, no. 34, art. 4029; 2015, no. 29 (Part I), art. 4339. (In Russian).

7. On the Customs Service of the RF: Federal Law of 21 July 1997 no. 114-Federal Law (ed. 22 December 2014 no. 431-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1997, no. 30, art. 3586; 2014, no. 52 (Part I), art. 7542. (In Russian).

8. Military Duty and Military Service Act: Federal Law of 28 March 1998 no. 53-Federal Law (ed. 13 July 2015 no. 230-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1998, no. 13, art. 1475; 2015, no. 29 (Part I), art. 4356. (In Russian).

9. On the Status of Military Personnel: Federal Law of 27 May 1998 no. 76-Federal law (ed. 13 July 2015 no. 230-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1998, no. 22, art. 2331; 2015, no. 29 (Part I), art. 4356. (In Russian).

10. *On the Public Service System in the Russian Federation: Federal Law of 27 May 2003 no. 58-Federal Law (ed. 02 July 2013 no. 185-FZ)*. Available at: <https://www.consultant.ru/popular/gossluzh/> (accessed 23 October 2015). (In Russian).

11. On Civil Service in the Russian Federation: Federal Law of 27 July 2004 no. 79-Federal Law (ed. 08 June 2015 no. 147-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2004, no. 31, art. 3215; 2015, no. 24, art. 3374. (In Russian).

12. Anti-Corruption Act: Federal Law of 25 December 2008 no. 273-Federal Law (ed. 22 December 2014 no. 43-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2008, no. 52 (Part I), art. 6228; 2014, no. 52 (Part I), art. 7542. (In Russian).

13. On the Investigation Committee in the RF: Federal Law of 28 December 2010 no. 403-Federal Law (ed. 22 December 2014 no. 439-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2011, no. 1, art. 15; 2014, no. 52 (Part I), art. 7550. (In Russian).

14. On the Police: Federal Law of 7 February 2011 no. 3-Federal Law (ed. 13 July 2015 no. 248-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2011, no. 7, art. 900; 2015, no. 29 (Part I), at. 4374. (In Russian).

15. On Internal Affairs Agencies Service and on Amendments to Some Legislative Acts of the RF: Federal Law of 30 November 2011 no. 342-Federal Law (ed. 13 July 2015 no. 230-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2011, no. 49 (Part I), art. 7020; 2015, no. 29 (Part I), art. 4356. (In Russian).

16. On Verifying the Correspondence of the Expenditure of Individuals Occupying State Posts and Other Individuals to their Income: Federal Law of 03 December 2012 no. 230-Federal Law (ed. 22 December 2014 no. 431-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2012, no. 50 (Part IV), art. 6953; 2014, no. 52 (Part I), art. 7542. (In Russian).

17. On the Ban for Some Individuals to Open and to Have Accounts, to Keep Cash and Values in Foreign Banks Located Out of the RF Territory, to Possess and (or) Use Foreign Financial Instruments: Federal Law of 07 May 2013 no. 79-Federal Law (ed. 22 December 2014 no. 431-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2013, no. 19, art. 2306; 2014, no. 52 (Part I), art. 7542. (In Russian).

18. On the Law Enforcement Service in Drug and Psycho pharmaceuticals Control: the President of the RF Decree of 05 June 2003 no. 163 (ed. 01 July 2014 no. 483). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2003, no. 23, art. 2197; 2014, no. 27, art. 3754. (In Russian).

19. On the Order of Assigning and Retaining the RF Public Service Grade Ranks to the federal Public Officials: the President of the Russian Federation Decree of 01 February 2005 no. 113 (ed. 30 September 2013 no. 744). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2005, no. 6, art. 440; 2013, no. 40 (Part III), art.5045. (In Russian).

20. On Approval Of the List of the Federal Public Service Offices on the Appointment to which or on Substituting them Individuals are to Submit Information about their Income, Property and Property Obligations as well as the Information about Income, Property and Property Obligations of their Spouses and Underage Children : the President of the Russian Federation Decree of 18 May 2009 no. 557 (ed. 08 March 2015 no. 120). Available at: <http://www.rg.ru/2009/05/20/ukaz557-dok.html> (accessed 23 October 2015). (In Russian).

21. On Measures to Realize Some Points of the Anti-corruption Act: the President of the Russian Federation Decree of 21 July 2010 no. 925. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2010, no. 30, art. 4070. (In Russian).

22. *Methods to Conduct Anti-Corruption Expertise of Legal Acts and Legal Acts Drafts: the Government of the Russian Federation Decision of 26 February 2010 no. 96*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98088/ (accessed 23 October 2015). (In Russian).

23. *Survey of Typical Conflict of Interest Situations in the RF Public Service and the Ways to Settle them : the letter of the Russian Federation Ministry of Labor of 15 October 2012 no. 18-2/10/1-088*. Available at: http://www.terkamfish.ru/files/Kadrovaya%20slujba/Tipovye_situacii_konflikta_interesov_25_04_12.pdf (accessed 23 October 2015). (In Russian).

24. *Survey of Court Cases of 2012-2013 Dealing with Disciplinary Liability for Public and Municipal Employees for Corruption Offences, approved by the Presidium of The Supreme Court of the Russian Federation of 30 July 2014*. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=176373;dst=101238> (accessed 23 October 2015). (In Russian).

25. Demchuk A.L., Sokolov V.I. Kanada: novye mekhanizmy bor'by s korrupsiei [Canada: new mechanisms for fighting corruption]. *SSHA–Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2010, no. 5, pp. 39–51.

26. Egorov I. Ne po karmanu: prokurory nachali otbirat' u chinovnikov imushchestvo, kuplennoe na skrytye dokhody [Not the pocket: the prosecutors began to take bureaucrats property purchased on hidden income]. *Rossiiskaya gazeta*, 2015, 03 September. Available at: <http://www.rg.ru/printable/2015/09/03/dohody.html> (accessed 02 October 2015).

27. Ermolaeva N. Otdyh za svoi schet [Holiday at its own expense]. *Rossiiskaya gazeta*, 2010, 28 April, p. 8.

28. Prohibition as a means of legal policy: roundtable magazine «State and Law», «Legal policy and legal life» and the «Bulletin of Samara Humanitarian Academy». *Gosudarstvo i pravo*, 2013, no. 9, pp. 101–107. (In Russian).

29. Karagodin N., Karagodina I. Formirovanie korpusa gosudarstvennykh sluzhashchikh: zarubezhnyi opyt dlya Rossii [Formation of the body of civil servants: international experience for Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1993, no. 2, pp. 78–90.

30. Kostennikov M.V., Kurakin A.V., Vatel' A. Yu. Antikorrupsionnye i eticheskie standarty sluzhebnogo povedeniya gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh [Anti-corruption and ethical standards of official conduct of civil servants]. *Gosudarstvo i pravo*, 2014, no. 10, pp. 25–32.

31. Nikolaichik V.M. Pravovoe regulirovanie etiki ofitsial'nykh lits v SShA [Legal regulation of ethics officials in the USA]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*, 1998, no. 5, pp. 88–103.

32. Nikolaichik V.M. Pravovoe regulirovanie etiki ofitsial'nykh lits v SShA [Legal regulation of ethics officials in the USA]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*, 1998, no. 6, pp. 89–105.

33. Nomokonov V.A. V Gonkonge uvideli budushchee bez korruptsii [Hong Kong saw a future without corruption]. *Zolotoi Rog*, 2015, 26 May, pp. 21.

34. Obolonskii A.V. Gosudarstvennaya sluzhba SShA: istoriya i sovremennost' [State Service of the United States : Past and Present]. *Gosudarstvo i pravo*, 1999, no. 4, pp. 103–111.

35. Solov'ev E. Na schet ili v tyur'mu [On account of or in jail]. *Rossiiskaya gazeta*, 2012, 27 January, pp. 8.

36. Spektor E.I., Seval'nev V.V., Matulis S.N. Zaprety i ogranicheniya v prave i korruptsiya [Prohibitions and restrictions in law and corruption]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2014, no.10, pp. 158–167.

УДК 343.4/7

Колесников Андрей Васильевич, заместитель прокурора Еврейской автономной области, г. Биробиджан, Россия.

ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ

Преступления против личности, совершенные в условиях неочевидности, на наш взгляд, наиболее серьезные и опасные антиобщественные проявления, борьба с которыми является одним из самых важных направлений деятельности правоохранительных органов.

В статье рассматриваются понятие и характеристика преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности. Отмечен один из критериев, характеризующий преступления против личности как наиболее опасные противоправные общественные деяния. Предлагаются авторские определения неочевидности, преступления, совершенного в условиях неочевидности, преступления против личности, совершенного в условиях неочевидности.

Анализ составов преступлений против личности, содержащихся в разделе VII УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что указанные преступления, как правило, совершаются насильственным способом. «Неочевидность» – это, по нашему мнению, обстоятельства, требующие подтверждения (доказательств) своей действительности (истинности).

Преступление против личности, совершенное в условиях неочевидности, есть фактически совершенное общественно опасное деяние, предус-

мотренное главами 16–20 раздела VII УК РФ, при установлении факта события и невозможности на данный момент его квалификации в отсутствии информации о лице, его совершившем, и одновременном отсутствии очевидцев преступления или их нежелании давать свидетельские показания. При совершении преступления против личности в условиях неочевидности следователю (дознавателю) в каждом конкретном случае необходимо определить обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с принципами относимости, допустимости, достоверности, достаточности. Лишь при выполнении всех указанных действий (в приведенной выше последовательности) можно рассчитывать на то, что преступления против личности, совершаемые в условиях неочевидности, будут раскрыты и правильно квалифицированы.

Ключевые слова: личность, насилие, неочевидность, условия неочевидности, преступления, совершенные в условиях неочевидности, уголовное дело, дознаватель, следователь, прокурор.

UDC 343.4/.7

Andrei. V. Kolesnikov, Deputy Prosecutor of the Jewish Autonomous Region, Birobidzhan, Russia.

THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST THE PERSON COMMITTED IN THE CONTEXT OF NON-OBVIOUSNESS

The article discusses the concept and characteristics of crimes against the person committed in conditions of non-obviousness. In our opinion crimes against the person committed in non-obvious circumstances are the most serious and dangerous anti-social manifestations, the fight against these activities is one of the most important services of law enforcement agencies. Analysis of crimes against the person, contained in section VII of the Criminal Code led us to the conclusion that such crimes are usually committed by violent means. Hence violence is one of the criteria describing a crime against the person as the most dangerous illegal actions public. The article discusses the authors definition of non-obviousness as the circumstances requiring verification (proof) of its reality (truth).

Crimes against the person committed in a non-obviousness, are socially dangerous acts envisaged by Chapter 16–20, Section VII of the Criminal Code, lacking an information about the offender and any eyewitnesses of the crime or their unwillingness to testify. When a crime against the person is committed in the conditions of non-obviousness, it is necessary for an investigator to determine in each case the circumstances to be proven in accordance with the principles of relevance, affordability, reliability and sufficiency. Only when all of these

actions (in the sequence above) are made the one can rely on the fact that crimes against the person committed in the context of non-obviousness will be investigated and properly qualified.

Key words: personality, violence, non-obviousness, conditions of non-obviousness, crimes committed in the context of obviousness, a criminal case, the inquiry officer, investigator, prosecutor.

Преступления против личности, совершенные в условиях неочевидности, на наш взгляд, наиболее серьезные и опасные антиобщественные проявления, борьба с которыми является одним из самых важных направлений деятельности правоохранительных органов. На фоне преобразований, происходящих во всех сферах жизни общества, особенно актуальным становится вопрос об охране жизни, здоровья и неприкосновенности личности.

Центральное место личности в системе права отмечал русский правовед И.В. Михайловский, по мнению которого «право создает вокруг личности определенную сферу, где личность является центром, где все и каждый обязаны уважать ее волю, не могут посягать на ее свободу, подчиняются ее власти. А это в результате дает энергичного, крепкого духом человека, готового бороться и за свое право, и за право вообще, а вместе с тем уважающего чужое право» [1].

В этой связи следует признать вполне обоснованным, что законодатель поставил на первое место в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации именно преступления против личности. Так, раздел VII УК РФ «Преступления против личности» состоит из 5 глав и включает в себя преступления против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности; против половой неприкосновенности и половой свободы личности; против конституционных прав и свобод человека и гражданина; против семьи и несовершеннолетних. Тем самым законодатель реализовал конституционный принцип, в соответствии с которым признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ). Данный раздел примечателен своей конструкцией, как и весь УК РФ.

Каждая глава рассматриваемого раздела УК РФ включает преступления, посягающие на определенную группу общественных отношений, сходных по видовому объекту.

Говоря о личности как родовом объекте анализируемых преступлений, стоит отметить дискуссионность этого термина в теории уголовного права [2, с. 16; 3, с. 282; 4].

Так, по мнению Л.Г. Мачковского, соответствующий родовый объект преступления следует определять шире, не ограничивая его рамками «личности», «поскольку речь идет об охране интересов именно человека, а не его личности» [5]. Напротив, Е.А. Марахтанова в качестве компромиссного

решения указанного дискуссионного вопроса считает допустимым использование рассматриваемых терминов как идентичных «с учетом социальной опасности рассматриваемой группы преступных посягательств» [6]. Схожую позицию занимает А.Г. Бережнов, который полагает, что указанные понятия «отличаются друг от друга лишь как научные абстракции, и проводимая между ними грань условна, поскольку характеризует с разных сторон единый (расщепляемый лишь с целью более глубокого его изучения) объект – человеческую личность, человека» [7].

Следует в целом отметить, что, на наш взгляд, отдельные исследователи ошибочно переносят философские и социологические трактовки данных терминов на правовую почву без их критического анализа и осмысления. Так, например, существует мнение, что использование категории «личность» в качестве родового объекта в уголовном праве ограничивает права на охрану лиц с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, от преступных посягательств, так как у указанных категорий лиц замечены поражения сознания и (или) воли.

Вместе с тем, по справедливому замечанию Т.Ф. Раджабовой, отсутствие у возможных участников правового общения таких качеств не дает никаких оснований отрицать за ними личностные (в правовом смысле слова) свойства в связи с тем, что они ни при каких обстоятельствах не утрачивают своей правосубъектности [8].

В то же время, как представляется, наиболее обоснованной в этом случае является позиция Е.А. Тюгашева, который совершенно справедливо рассматривает с позиции истории права и традиций юридической науки признание понятия личности как одной из основополагающих категорий права. По замечанию автора, следует обратить внимание на то, что с точки зрения философии права личность не конкретизируется исключительно в качестве человека, существует понимание личности как субстанции, разумной природы и т.п. Таким образом, термин «человек» считается категорией биологической, в отличие от понятия «личность», содержанию которого присущ правовой характер [9].

Рассматривая личность как родовый объект в теоретической конструкции уголовного права, необходимо опираться, прежде всего, на конституционное обоснование выбора именно этого объекта охраны в призме уголовно-правовых отношений по причине того, что основные права и свободы личности, провозглашенные Конституцией РФ, находятся во взаимосвязи с действующим уголовным, уголовно-процессуальным законодательством.

В этой связи нельзя не отметить, что некоторые авторы, по нашему мнению, ошибочно полагают, что объекты уголовно-правовой охраны защищены не только уголовным, но и конституционным законодательством [10], что, безусловно, противоречит теории права как таковой.

Сопряженность конституционного и уголовного законодательства в области основных права и свобод человека (личности) прослеживается

лишь в следующей взаимосвязи: провозглашение (законодательное закрепление) общественных отношений в рассматриваемой сфере – защита охраняемых законом общественных отношений от преступных посягательств. Сказанное означает, что Конституция Российской Федерации очерчивает сферу правового воздействия на те или иные общественные отношения, не обладая непосредственно функцией защиты от нарушений или злоупотреблений правом без использования специального правового инструментария (уголовного, уголовно-процессуального законодательства). При этом данный источник права носит регламентирующий характер, содержащий приоритетные направления, гарантирующие признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина на государственном уровне.

Уголовное, уголовно-процессуальное законодательство является тем самым инструментом, реализующим закрепленные в Конституции РФ гарантии защиты права и свобод личности, в частности от преступных посягательств (ст. 45–54 Конституции).

Вот почему вполне закономерным является вывод, что конституционное признание прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью (ст. 2 Конституции) означает их приоритетную защиту, в том числе и с помощью уголовного права. Следует также отметить, что данная позиция закреплена в ст. 18 Конституции РФ, в которой подчеркивается, что права и свободы человека «определяют смысл, содержание и применение законов».

Необходимо учитывать, что данные права неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ), в чем и заключается, по нашему мнению, их исключительная ценность.

Приоритетные направления в области защиты прав личности, содержащиеся в Конституции Российской Федерации, в полной мере соответствуют международным стандартам¹ в указанной сфере деятельности, которые обогащают теоретическую базу национального законодательства. Важность использования подобных международных стандартов прав человека во внутригосударственном праве также отражена в Конституции Российской Федерации, где говорится о месте подобных международных принципов и норм в правовой системе Российской Федерации (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

В этой связи полагаем возможным согласиться с мнением, что указанные принципы по своим содержательным качествам имеют фундаментальный характер, выражают коренные интересы народов, признаны в качестве обязательных практически всеми государствами. Более того, основные принципы международного права являются его императивными нормами,

¹ Всеобщая декларация прав человека (1948 г.); Европейская конвенция о защите прав и основных свобод (1950 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966); Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (1966) и др.

т.е. такими нормами общего международного права, которые принимаются и признаются международным сообществом государств в целом как нормы, отклонение от которых недопустимо [11].

Из изложенного следует, что на общепризнанных принципах и нормах международного права основывается уголовное законодательство РФ (ч. 2 ст. 1 УК РФ), которые в том числе являются составной частью законодательства РФ, регулирующего уголовное судопроизводство (п. 3 ст. 1 УПК РФ). Таким образом, приведенная выше позиция в полной мере объясняет правовую природу, содержание, а также необходимость защиты группы общественных отношений, объединенных родовым объектом «личность» в разделе VII УК РФ.

Для характеристики преступлений против личности, совершаемых в условиях неочевидности, нам необходимо рассмотреть ее отдельные критерии.

Одним из критериев, характеризующим преступления против личности, является способ совершения преступления. Анализ составов преступлений против личности, содержащихся в разделе VII УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что указанные преступления, как правило, совершаются насильственным способом.

В странах англосаксонской (США, Англия), континентальной (ФРГ) систем права сборники (бюллетени) криминальной статистики содержат специальный раздел «насильственные преступления (посягательства)», среди которых с особой частотой встречаются преступления, совершаемые против личности [12].

Некоторое сходство с российским уголовным законодательством, по нашему мнению, имеет конструкция выделения преступлений в зависимости от родового и видового объектов в уголовном законодательстве Франции. Статистические сборники здесь не используют формулировку «насильственные преступления». В них выделяется раздел преступлений против личности, в котором перечисляется около 20 составов – убийство, покушение на убийство, умышленное нанесение телесных повреждений и побоев, захват заложников, нарушение неприкосновенности жилища, иные преступления против личности, преступления против нравственности, куда, кроме изнасилования, входят развратные действия, сводничество и иные деяния, а также преступления против семьи и ребенка. Причем наряду с насилием над ребенком к таким преступлениям относятся плохое обращение с ним и другие деяния, не связанные с насилием [13].

Под насилием следует понимать «совокупность уголовно-противоправных, умышленных деяний, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие такие блага личности, как жизнь и здоровье, соединенных с энергетическим воздействием на органы и ткани (их физиологические функции) организма другого человека» [13] и (или) использованием психического воздействия на сознание и волю потерпевшего.

Мы соглашаемся с мнением, что основной причиной нераскрываемости насильственных преступлений является совершение их в условиях неочевидности. Вполне уместным здесь будет и использование понятия «недостаточная очевидность», под которой понимаются «обстоятельства, подлежащие установлению в рамках оперативно-розыскной и следственной практики, в большинстве случаев известные не в полном объеме» [14].

Под причинами и условиями неочевидности А.В. Ревягиным подразумеваются «отсутствие или малочисленность свидетелей совершенного преступления, какой-либо информации о лице, его совершившем, низкая активность по оказанию раскрытия преступления, а порой и оказание противодействия со стороны населения» [14].

А.Г. Алексеев, рассматривает преступления, совершенные в условиях неочевидности, с позиции ее антипода – очевидности. Под таковой указанный автор понимает обстоятельства очевидности самого факта события и очевидность криминальной направленности данного события [15].

Определение «неочевидные преступления» встречается как в науке [16; 17], так и в практике раскрытия и расследования преступлений [18; 19], под которыми часто подразумеваются «преступления, где на момент их обнаружения не установлены виновные лица» [20]. При этом, рассматривая проблему с криминалистических позиций, отдельные авторы разделяют все преступления на две группы: те, которые надо только расследовать, и такие, которые необходимо сначала раскрыть.

Безусловно, преступления совершаемые в условиях неочевидности, относятся ко второй группе [21]. Р.С. Белкин также характеризовал преступления с позиции раскрываемости. Такие преступления он разделял на две группы «в зависимости от содержания исходной информации. Первую группу составляют «очевидные» преступления, т.е. такие, которые совершаются в условиях очевидности, когда исходная информация содержит сведения и о событии, и о виновном. Вторая группа включает преступления, исходная информация о которых не содержит данных о событии и о виновном либо содержит лишь данные о событии преступления» [22].

Иной точки зрения придерживается А.Г. Алексеев. По его мнению, на первоначальном этапе любое преступление необходимо считать складывающимся в условиях неочевидности, так как определение совершенного преступления с позиции очевидности означает изначальный обвинительный уклон следователя в расследовании преступления, сокращает число выдвигаемых версий по делу [15].

По справедливому замечанию Ю.Л. Дябловой, понятие «неочевидные преступления» обобщает достаточно разнородные преступные деяния, в связи с чем не представляется возможным дать их общую характеристику [21]. Таким образом, придерживаясь мнения Ю.Л. Дябловой, целесообразней характеризовать преступления, совершенные в условиях неочевидности, с позиции ст. 73 УПК РФ [21].

Подводя итоги научной дискуссии по данному вопросу, приходим к выводу о необходимости формулирования авторского определения преступления против личности, совершаемого в условиях неочевидности.

«Неочевидность» – это, по нашему мнению, обстоятельства, требующие подтверждения (доказательств) своей действительности (истинности).

Преступление против личности, совершенное в условиях неочевидности, есть фактически совершенное общественно опасное деяние, предусмотренное главами 16–20 раздела VII УК РФ, при установлении факта события и невозможности на данный момент его квалификации в отсутствие информации о лице, его совершившем, и одновременном отсутствии очевидцев преступления или их нежелании давать свидетельские показания.

При совершении преступления против личности в условиях неочевидности следователю (дознавателю) в каждом конкретном случае необходимо определить обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с принципами относимости, допустимости, достоверности, достаточности.

При анализе события преступления против личности, совершенного в условиях неочевидности, необходимо установить примерное время его совершения, географическое место, предполагаемый способ и другие обстоятельства. Далее следует провести комплекс оперативно-розыскных и следственных мероприятий для определения круга лиц, причастных к совершению преступления и возможных мотивов преступления. Установить очевидцев преступления. В случае появления конкретных лиц, возможно причастных к совершению преступления, определить степень и форму их вины и мотивы.

В последующем, в соответствии со ст. 73 УПК РФ, требуется установить:

- характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- обстоятельства, способствующие совершению преступления.

Лишь при выполнении всех указанных действий (в приведенной выше последовательности) можно рассчитывать на то, что преступления против личности, совершаемые в условиях неочевидности, будут раскрыты и правильно квалифицированы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворянский, А.М. Тяжкие насильственные преступления против личности и пути их профилактики (социально-криминологический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Дворянский. – СПб., 1998. – 182 с.

2. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. В.И. Петрашева. – М. : Приор, 1999. – 542 с.
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А.И. Рарога. – М., 2005. – 720 с.
4. Агафонов, А. Личность как объект уголовно-правовой охраны // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 6–8.
5. Мачковский, Л.Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук / Л.Г. Мачковский. – М., 2005. – 432 с.
6. Марахтанова, Е.А. Преступления против свободы личности: вопросы законодательной регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Марахтанова. – Самара, 2005. – 246 с.
7. Бережнов, А.Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=278.
8. Раджабова, Т.Ф. Личность : понятие и правовой статус // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 10 (17). – С. 97–102.
9. Тюгашев, Е.А. Юридическое понятие личности // Государство, право, образование : сб. науч. тр. Новосибирского государственного аграрного университета. – Новосибирск, 2003. – С. 201–210.
10. Неретин, Н.Н. Спорные моменты реализации конституционного права на защиту в уголовном процессе // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 8. – С. 60–63.
11. Тиунов, О.И. О статусе общепризнанных принципов и норм международного права // Материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов, Москва, 24–26 мая 2007 г. – М., 2007. – С. 31–34.
12. Васильев, А.Б. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений против личности, совершаемых в условиях крупного города (на материалах города Москвы) : дис. ... канд. юрид. наук / А.Б. Васильев. – М., 2003. – 175 с.
13. Ильяшенко, А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.Н. Ильяшенко. – М., 2003. – 59 с.
14. Ревягин, А.В. Нераскрытые насильственные преступления: криминологическая характеристика и детерминация : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Ревягин. – Омск, 2011. – 220 с.
15. Алексеев, А.Г. Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в условиях неочевидности : дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Алексеев. – Саратов, 2001. – 187 с.
16. Бахтадзе, Г.Э. Процессуально-криминалистическое решение проблем определения стороны и угла входа пули в преграду при выстрелах

с неблизкой дистанции в условиях неочевидности : дис. ... канд. юрид. наук / Г.Э. Бахтадзе. – Самара, 2002. – 271 с.

17. Дубягин, Ю.П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств / Ю.П. Дубягин – М. : Буквица, 1997. – 480 с.

18. Гатилов, А.Г. Расследование неочевидного убийства, сопряженного с изнасилованием // Следственная практика. – 2004. – Вып. 3 (164). – С. 171–176.

19. Логинов, С.Г. Организация взаимодействия прокуроров-криминалистов и следователей при раскрытии неочевидных умышленных убийств // Следственная практика. – 2005. – Вып. 166. – С. 172–184.

20. Алимджанов, Б. Раскрытие преступления – задача следственных органов / Б. Алимджанов. – Ташкент : Узбекистан, 1975. – 102 с.

21. Дяблова, Ю.Л. Информационные технологии моделирования личности неустановленного преступника при расследовании неочевидных преступлений : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Л. Дяблова. – Тула, 2008. – 228 с.

22. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – М. : Мегатрон XXI, 2000. – 324 с.

REFERENCES

1. Dvoryanskii A.M. *Tyazhkie nasil'stvennye prestupleniya protiv lichnosti i puti ikh profilaktiki (sotsial'no-kriminologicheskii aspekt)* [Serious violent crimes against the person and the ways of their prevention (social and criminological aspect)]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Sanct-Peterburg, 1998. 182 p.

2. Petrashev V.I., ed. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal Law. The Special part]. Moscow: Prior Publ., 1999. 542 p.

3. Rarog A.I., ed. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal law in Russia. General and Special Part]. Moscow, 2005. 720 p.

4. Agafonov A. Lichnost' kak ob"ekt ugolovno-pravovoi okhrany [Personality as an object of criminal law protection]. *Ugolovnoe pravo*, 2004, no. 2, pp. 6–8.

5. Machkovskii L.G. *Prestupleniya protiv konstitutsionnykh prav cheloveka i grazhdanina: problemy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya* [Crimes against the constitutional rights of man and citizen: theory and practice of legal regulation]. Dr. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2005. 432 p.

6. Marakhtanova E.A. *Prestupleniya protiv svobody lichnosti: voprosy zakonodatel'noi reglamentatsii i kvalifikatsii* [Crimes against individual freedom: questions of legislative regulation and qualification]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Samara, 2005. 246 p.

7. Berezhnov A.G. *Prava lichnosti: nekotorye voprosy teorii* [Rights of the individual: some questions of the theory]. Moscow, 1991. Available at: www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=278 (accessed 14 April 2015).

8. Radzhabova T.F. Lichnost' : ponyatie i pravovoi status [Personality: concept and legal status]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2009, no. 10 (17), pp. 97–102.

9. Tyugashev E.A. Yuridicheskoe ponyatie lichnosti [Legal concept of personality]. *Gosudarstvo, pravo, obrazovanie: sb. nauch. tr. Novosibirskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. Novosibirsk, 2003, pp. 201–210.

10. Neretin N.N. Spornye momenty realizatsii konstitutsionnogo prava na zashchitu v ugovnom protsesse [Controversial moments of realization of the constitutional rights of the defense in a criminal trial]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2012, no. 8, pp. 60–63.

11. Tiunov O.I. O statuse obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava [On the status of the generally recognized principles and norms of international law]. *Materialy zasedaniya Mezhdunarodnoi shkoly-praktikuma molodykh uchenykh-yuristov, Moskva*, 24–26 maya 2007 g. Moscow, 2007, pp. 31–34.

12. Vasil'ev A.B. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie nasil'stvennykh prestuplenii protiv lichnosti, sovershaemykh v usloviyakh krupnogo goroda (na materialakh goroda Moskvy)* [Criminological characteristics and prevention of violent crimes against the person committed in a large city (on the materials of Moscow)]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2003. 175 p.

13. Il'yashenko A.N. *Protivodeistvie nasil'stvennoi prestupnosti v sem'e: ugovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Countering violent crime in the family: criminally-legal and criminological aspects]. Dr. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2003. 59 p.

14. Revyagin A.V. *Neraskrytye nasil'stvennye prestupleniya: kriminologicheskaya kharakteristika i determinatsiya* [Unsolved violent crime: criminological characteristics and determination]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Omsk, 2011. 220 p.

15. Alekseev A.G. *Metodika rassledovaniya dorozhno-transportnykh prestuplenii, sovershennykh v usloviyakh neochevidnosti* [Technique of investigation of traffic offenses committed in a non-obviousness]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Saratov, 2001. 187 p.

16. Bakhtadze G.E. *Protsessual'no-kriminalisticheskoe reshenie problem opredeleniya storony i ugla vkhoda puli v pregradu pri vystrelakh s neblizkoi distantsii v usloviyakh neochevidnosti* [Procedural forensic solution to the problems identified by Parties and entry angle of the bullet into the target when shots from a remote distance in terms of non-obviousness]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Samara, 2002. 271 p.

17. Dubyagin Yu.P. *Rukovodstvo po rozysku i rassledovaniyu neochevidnykh ubiistv* [Guide for search and investigation of murders of non-obvious]. Moscow: Bukvitsa Publ., 1997. 480 p.

18. Gatilov A.G. Rassledovanie neochevidnogo ubiistva, sopryazhennogo s iznasilovaniem [Investigation unobvious murder involving rap]. *Sledstvennaya praktika*, 2004, iss. 3 (164), pp. 171–176.

19. Loginov S.G. Organizatsiya vzaimodeistviya prokurorov-kriminalistov i sledovatelei pri raskrytii neochevidnykh umyshlennykh ubiistv [Organization of cooperation of prosecutors and forensic investigators in disclosing non-obvious homicides]. *Sledstvennaya praktika*, 2005, iss. 166, pp. 172–184.

20. Alimdzhanov B. *Raskrytie prestupleniya – zadacha sledstvennykh organov* [Disclosure crime – the task of the investigating authorities]. Tashkent: Uzbekistan Publ., 1975. 102 p.

21. Dyablova Yu.L. *Informatsionnye tekhnologii modelirovaniya lichnosti neustanovlennogo prestupnika pri rassledovani neochevidnykh prestuplenii* [IT modeling personality unidentified criminals at rassledovani unobvious crimes]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Tula, 2008. 228 p.

22. Belkin R.S. *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Forensic Encyclopedia]. Moscow: Megatron XXI Publ., 2000. 324 p.

УДК 343.71:001.83(100)

Князева Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: power_of_two@mail.ru

Князева Екатерина Анатольевна, кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: coldcase@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ПИРАТСТВОМ И МОРСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ¹

Данная статья посвящена вопросам международного сотрудничества в сфере противодействия пиратству и морскому терроризму. Согласно приведенным статическим данным, количество пиратских атак за 2014 г. значительно снизилось, при этом одной из причин сокращения пиратских нападений в мире стало уменьшение числа атак у берегов Восточной Африки. Однако география действия пиратов имеет широкое распространение, что говорит об их глобальной деятельности. В статье подчеркивается, что клю-

¹ Научные результаты получены в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, задание № 29.763.2014/К.

чевым аспектом улучшения обстановки стало усиление международного сотрудничества в борьбе с пиратством и морским терроризмом. Рассмотрена деятельность существующих международных организаций и центров по борьбе с пиратством и морским терроризмом. Авторами проанализированы основные положения конвенций, а также документов международных организаций, регулирующих вопросы противодействия пиратству и морскому терроризму. Обозначены положительные и отрицательные стороны применения существующих документов на практике. Авторами отмечается связь пиратов и террористов, в которой пиратство является источником поддержания деятельности террористических организаций. Также исследуются основные причины, которые существенно затрудняют возможность разрешения проблемы пиратства и морского терроризма. Авторами отмечается, что наиболее эффективным способом противодействия пиратству и морскому терроризму является применение военно-морских сил и проведение совместных операций, таких как «Atlanta» и «Ocean Shield». При этом в статье подчеркивается важность как регионального сотрудничества, так и взаимодействия между отдельными странами в этой области, в том числе необходимость постоянного патрулирования пиратоопасных районов совместными военно-морскими силами нескольких государств.

Ключевые слова: пиратство, морской терроризм, преступление, Сомали, международное сотрудничество, военно-морские силы, Международное морское бюро, Международная морская организация, Международная федерация судовладельцев, Международная Палата Судоходства.

UDC 343.71:001.83(100)

Natalya A. Knyazeva, Candidate of Legal Sciences, senior lecturer, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: power_of_two@mail.ru

Ekaterina A. Knyazeva, Candidate of Legal Sciences, assistant professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: coldcase@yandex.ru

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST PIRACY AND MARITIME TERRORISM

This article analyzes international cooperation in combating piracy and maritime terrorism. According to the static data, the number of pirate attacks dropped significantly in 2014, thus reducing one of the causes of piracy in the world has been a decrease in the number of attacks off the coast of East Africa. However, the geography of activities of pirates is widespread, indicating that the global piracy activities geographically. The article emphasizes that a key aspect of improving the situation is to strengthen international cooperation in the fight

against piracy and maritime terrorism. We consider the activities of existing international organizations and centers on the fight against piracy and maritime terrorism. The authors examined the provisions of the Convention and the main documents of international organizations regulating the issues of combating piracy and maritime terrorism. The article marked positive and negative aspects of the existing instruments in practice. The authors note the connection of pirates and terrorists, in which piracy is a source of support for terrorist organizations. Also, there are some reasons which essentially make it difficult to resolve the problem of piracy and maritime terrorism. The authors note that the most effective way to counter piracy and maritime terrorism is the use of naval and joint operations (such as «Atlanta» and «Ocean Shield»). This article emphasizes the importance of regional cooperation and cooperation between countries in this area. There is need for constant patrols by joint forces of several states.

Key words: piracy, maritime terrorism, crime, Somalia, international cooperation, the Navy, International Maritime Bureau (IMB), International Maritime Organization (IMO), International Shipping Federation (ISF), International Chamber of Shipping (ICS).

В современном мире морской терроризм и пиратство представляют серьезную угрозу безопасности судоходства, жизни и здоровью моряков и пассажиров судов, приводят к большим убыткам в международной торговле и значительному экономическому ущербу для многих стран [4].

Предпосылками возникновения морского терроризма стало пиратство. В современном понимании пиратство – это преступление международного характера, состоящее в незаконном захвате, ограблении или потоплении торговых или гражданских судов, совершённое в открытом море.

По данным Международного морского бюро (ИМБ), в 2012 г. совершено 297, в 2013 г. – 264, в 2014 г. – 245 нападений на морские суда [2].

При этом количество зарегистрированных случаев пиратства и вооруженного разбоя в отношении судов во всем мире в 2013 г. оказалось наименьшим за последние шесть лет. Основной причиной сокращения общего числа случаев пиратства в мире стало уменьшение числа нападений сомалийских пиратов у берегов Восточной Африки. По данным Международной морской организации (ИМО), действия пиратов сдерживались комплексом факторов, среди которых, наряду с увеличением антипиратских возможностей самих судов, использование групп частной вооруженной охраны и стабилизирующее влияние центрального правительства Сомали. Ключевую роль играли международные военно-морские силы. Однако участвовавшие нападения на небольшие танкеры у берегов Юго-Восточной Азии обусловили рост числа захватов судов в этом регионе, несмотря на снижение пиратской активности в мире в целом до самого низкого уровня за последние восемь лет. Таким образом, география нападений пиратов постепенно меняется – в настоящее время на первом месте стоят атаки пиратов из Юго-

Восточной Азии. Следовательно, проблема пиратства как составной части преступности на море является глобальной в географическом плане.

Современное пиратство – это деятельность преступных организаций, которая становится все более масштабной и насильственной. Она включает в себя нападения на торговые, рыболовные, вспомогательные и прочие суда в целях ограбления членов экипажа, захвата грузов, похищения судов с грузами для их последующей продажи, а членов экипажей судов – для получения выкупа [3].

Не могут не беспокоить и сообщения о связях пиратов с террористами, в частности с радикальной исламистской группировкой «Аль-Шабаб», рвущейся к власти в Сомали. Собственно, связи между терроризмом и организованной преступностью (например, наркодельцами) общеизвестны. Но пиратство как источник подпитки исламских террористов в районе Африканского Рога может привести к возникновению там государственных образований террористической направленности, экспортирующих терроризм по всему миру.

Различные меры по предотвращению пиратства и морского терроризма принимаются как заинтересованными государствами, так и в рамках международных организаций, таких как ООН, Международная морская организация, Евросоюз, НАТО, Лига арабских государств. Этой проблемой занимается и Совбез ООН, что говорит о ее серьезности.

В 2008–2014 гг. Совбез ООН принял несколько резолюций по проблеме пиратства и морского терроризма в районе Сомали. Одним из последних документов, затрагивающих проблему борьбы с пиратством и морским терроризмом, является Проект Дохийской Декларации, принятой в рамках XIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Положения данного документа подчеркивают важность усиления мер противодействия пиратству и транснациональной организованной преступности на море [9].

В пиратоопасных районах Мирового океана патрулируют около 35 военных кораблей из 16 стран мира. Это самая мощная антипиратская флотилия современности. Однако проблема пресечения пиратства и морского терроризма все еще остается неразрешенной, что свидетельствует о явной недостаточности существующих мер борьбы с ним.

К сожалению, многие прибрежные государства не принимают соответствующих мер по обеспечению безопасности на море у своих берегов и предотвращению пиратских и террористических действий. В связи с этим судовладельцы и экипажи судов вынуждены сами принимать необходимые меры для предупреждения и обороны морских судов.

К примеру, группа страховых компаний во главе с Jardín Lloyd Thompson Group (JLT) намерена создать частные военно-морские силы в рамках Программы эскорта конвоев для борьбы с сомалийскими пиратами. Программа предусматривает, что вооруженная команда из 150 человек на патрульных катерах будет сопровождать торговые суда сквозь небезопас-

ные воды у берегов Сомали и выводить их в Индийский океан, чтобы защитить от нападений пиратов.

Вместе с тем, согласно нормам международного права, право захватывать пиратские суда имеют лишь военные корабли или военные летательные аппараты, а также иные суда или аппараты, уполномоченные осуществлять захват пиратов (в том числе суда береговой охраны, полиции и т.п.). Частновладельческие торговые суда такого права не имеют. Однако они вправе противодействовать пиратам, в том числе и с применением оружия. Международное право не запрещает нахождение на борту торгового судна «вооруженных людей или стрелкового оружия».

Все это приводит к выводу о явной недостаточности разработанных методов противодействия пиратству и морскому терроризму и необходимости совершенствования данных методов. Большинство из установленных уголовно-правовых мер по борьбе с пиратством безнадежно устарели и требуют тщательной переработки и дополнения.

Международное сотрудничество в борьбе с противозаконными действиями на море были заложены еще в Конвенции по морскому праву 1982 г. [6]. В ст. 100 данного документа указано, что от всех государств требуется ведение бескомпромиссной борьбы с пиратством. Однако некоторые международные документы по противодействию пиратству не предусмотрели ни международно-правового состава всех видов преступных актов на море, ни достаточного набора средств по борьбе с ними.

В результате многие положения этих документов получили свое развитие в виде их новых редакций, дополнений, резолюций и кодексов, разработанных ИМО, деятельность которой направлена на принятие норм (стандартов) по обеспечению безопасности на море [13].

Одним из международно-правовых документов, который имеет непосредственное отношение к терроризму и пиратству на море, является принятый 12 декабря 2002 г. Комитетом по безопасности на море ИМО Международный кодекс по охране судов и портовых средств (Кодекс ОСПС), вступивший в силу с 1 июля 2004 г. [5]. Кодекс был принят в качестве дополнения к Конвенции об охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС-74) в виде дополнительной Главы XI-2 («Особые меры по повышению уровня морской безопасности»).

Важную роль в противодействии пиратству, кроме ИМВ и ИМО, играет Региональный Центр информации о пиратстве (The Piracy Reporting Centre). Центр круглосуточно отслеживает случаи нападений на суда, оперативно информирует суда и судоходные компании о произошедших в районах плавания пиратских нападениях, предупреждает о наиболее опасных морских акваториях и портовых зонах.

International Chamber of Shipping (ICS) / Международная Палата Судоходства (МПС) совместно с ИМО разработала Инструкцию по использованию радиосигналов судами при нападении на них или при угрозе нападе-

ния пиратов или вооруженных разбойников, а также Инструкцию для судовладельцев, судовых операторов, капитанов и экипажей судов по предотвращению и отражению нападений пиратов и вооруженных разбойников против судов (1997–1999 гг.)².

Борьба с пиратством осуществляется также целым рядом международных организаций. К ним можно отнести: Интерпол и Европол, различные региональные международные организации, такие как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Лига арабских государств (ЛАГ), объединенное сотрудничество ИМО с Международной федерацией судовладельцев (МФС) и др. организации.

Совместная деятельность ИМО и МФС началась после того, как МФС обратилась к ИМО с предложением о разработке эффективных международных мер борьбы с разбоем и пиратством. В результате МФС выпустила пособие для моряков и рекомендации по их поведению в случае нападения на судно вооруженных преступников.

Однако, несмотря на указанные меры по борьбе с актами морского разбоя, пиратство продолжает оставаться неразрешенной проблемой. Этому способствуют несколько факторов. Во-первых, пиратство продолжает существовать в морских регионах, которые страдают от низкого уровня развития или отличаются высоким уровнем благосостояния небольшой группы населения, тем самым вынуждая значительную его часть вливаться в ряды преступников, чтобы обеспечить себе более или менее достойную жизнь. Примером такой ситуации может служить Сомали, где более половины населения живут за чертой бедности.

Во-вторых, пиратство активно процветает в тех регионах мира, где оно пользуется государственной поддержкой или действует при соучастии государства. Конечно, прямых свидетельств такого рода «сотрудничества» нет.

В-третьих, многие случаи нападения пиратов не фиксируются органами, ведущими соответствующий учет, в результате статистическая информация по активности пиратов зачастую бывает неточна. Некоторые владельцы судов не стремятся сообщать о нападениях пиратов прежде всего потому, что это влечет за собой задержку судна на период, в течение которого проводится расследование инцидента [7].

В-четвертых, пираты все больше совершенствуют свое вооружение и оснащение для совершения нападений. Холодное оружие было давно заменено на автоматическое, а также на гранатометы и переносные ракетные комплексы.

Учитывая вышеотмеченные факторы, мировое сообщество должно постоянно совершенствовать свои силы для того, чтобы поднять уровень

² Инструкция ИМО MSC/Circ. 623: Guidance to ship-owners and ship operators, shipmasters and crews on preventing and suppressing acts of piracy and armed robbery against ship. L., 1999; Инструкция ИМО MSC/Circ. 805: Guidance for the use of Radio Signals by ships under attack or threat attack from pirates or armed robbers. L., 1999.

борьбы с пиратством. Основой представления о безопасности личности должно стать достаточное и гарантированное осуществление комплекса мер, направленных на снижение уязвимости экипажей и судов при пиратских атаках.

Это касается также и развития регионального сотрудничества и взаимодействия между отдельными странами, в том числе совместного использования их военных возможностей, привлечения к разрешению проблем с пиратскими атаками военно-морских сил.

Одним из первых региональных межправительственных документов, направленных на развитие и укрепление взаимодействия в противодействии пиратству, стало соглашение 16 азиатских государств о сотрудничестве в борьбе с пиратством и вооруженными ограблениями судов в Азии, заключенное в ноябре 2004 г. (ReCAAP, вступившее в силу 4 сентября 2006 г.) [1].

В рамках этого Соглашения 29 ноября 2006 г. в Сингапуре начал работать Центр по обмену информацией между Бангладеш, Брунеем, Камбоджей, Китаем, Индией, Японией, Лаосом, Мьянмой, Филиппинами, Республикой Корея, Сингапуром, Шри-Ланкой, Таиландом и Вьетнамом (30 января 2007 г. он был официально признан как международная организация).

Благодаря деятельности Центра за последние годы наиболее горячие очаги пиратства переместились к берегам Африки. Согласно статистике ИМВ, за 2008–2009 гг., пиратская активность в этом районе снизилась. За I квартал 2009 г. в Малаккском проливе, отделяющем Индонезийский архипелаг, пираты проявляли активность лишь дважды, хотя раньше этот регион считался главным полем действия пиратов.

Естественно, что это не решает в корне проблему пиратства и морского терроризма. Морские разбойники просто меняют место дислокации. Однако эффективная деятельность ReCAAP может служить отличной моделью для других регионов. Тем более, что соглашение ReCAAP открыто для присоединения к нему других стран.

В последние годы российские специалисты также принимают активное участие в работе ряда международных форумов, которые проводятся в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Например, ведется работа на заседаниях Рабочей группы Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) по транспорту, на которых в последнее время рассматриваются вопросы деятельности в области обеспечения морской безопасности.

Еще одним примером сотрудничества государств в сфере борьбы с пиратскими действиями является форум пограничных ведомств (береговых охран) государств северной части Тихого океана (Китай, Канада, Республика Корея, Россия, США, Япония) по вопросам морской безопасности. Основные направления работы данного форума касаются разработки единых процедур реагирования на чрезвычайные ситуации, использования принципов взаимопомощи, пресечения незаконных актов в территориальных водах и в открытом море.

Естественно, что одним из самых эффективных средств борьбы с пиратством и морским терроризмом является применение военной силы. Военно-морские силы используют широкие возможности и лучше всего приспособлены для противодействия пиратству. Они обладают способностью к длительному автономному плаванию, в состоянии вести непрерывную разведку на огромных площадях благодаря корабельным вертолетам, береговым самолетам-разведчикам и располагают соответствующим вооружением для выполнения своих задач [11].

Хотя международное право предусматривает, что операции по захвату (задержанию) пиратских судов осуществляют военные корабли, на практике это делают не только обычные военно-морские суда, но и специально созданные для борьбы с пиратами вооруженные корабли, которые находятся на военной службе. Например, в Австралии построен сторожевой корабль «Пасифик», который патрулирует экономическую зону Австралии и островных государств Океании, пресекая пиратские действия.

Российские суда также принимают участие в операциях по обезоруживанию пиратов. Решение задач по обеспечению безопасности и охране морских судов от угроз террористического характера на море, в том числе и от пиратства, отведено Военно-Морскому Флоту РФ. Основной формой применения морских сил против атак пиратов является военно-морское присутствие в важных районах Мирового океана [8]. С 2010 г. Россия участвует в совместных военно-морских операциях в рамках сотрудничества в борьбе с морским пиратством. Например, такое сотрудничество осуществляется со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В рамках указанного сотрудничества в 2012 г. корабли ВМФ РФ осуществили проводку через Аденский залив свыше 30 конвоев общей численностью 168 судов различного класса под флагами 27 стран.

Вместе с тем в 2010 г. и 2011 г. мировое сообщество стало усиливать свои меры для борьбы с пиратскими актами. В частности, четвертый по счету отряд кораблей Тихоокеанского флота России отправился в Аденский залив для участия в международной миссии по борьбе с пиратами.

Необходимо подчеркнуть, что противодействие пиратам у берегов Сомали и в Аденском заливе ведется в рамках военно-морской миссии Европейского союза «Atlanta» с 2008 г. под кодовым названием – операция НАТО «Ocean Shield». В ходе операции «Ocean Shield», помимо первоочередной задачи борьбы с пиратством, предполагается также помочь странам региона запустить собственные меры противодействия пиратам.

В настоящее время чаще говорится о необходимости постоянного патрулирования военными кораблями «горячих точек» Мирового океана совместными усилиями нескольких государств. Данный вопрос поднимался на 14-й сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ, на которой была принята резолюция Комитета по политическим вопросам безопасности. В данной резолюции указано, что государства-участники ОБСЕ призываются быть

готовыми применить военно-морские силы для защиты международных морских путей и торговых маршрутов [10].

Конечно, использование военно-морских сил против пиратов и морских террористов является одной из эффективных мер для стабилизации ситуации. Однако этого явно недостаточно для разрешения проблемы пиратства и морского терроризма в целом. Борьба с пиратством и морским терроризмом станет эффективной лишь при использовании комплекса уголовно-правовых и организационных мер совместными силами всего мирового сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Agreement was finalised on 11 Nov 04: 1st multilateral government-to-government anti-piracy effort in the region. ASEAN 10 + 6 (China, Republic of Korea, Japan, India, Bangladesh & Sri Lanka) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.recaap.org/AboutReCAAPISC.aspx>.
2. Report of the International Maritime Bureau 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.msecurity.ru/rus/page161/>.
3. Ещенко, Я. Способы противодействия морскому пиратству / Я. Ещенко, А. Новиков // Морской сборник. – 2014. – № 1. – С. 55–58.
4. Князева, Н.А. Применение норм международно-правового характера как один из способов противодействия морскому терроризму и пиратству / Н.А. Князева, Е.А. Князева // Криминологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 175–187.
5. Кодекс по охране судов и портовых средств от 12 декабря 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.midships.ru/documents/ISPS.html>.
6. Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/.
7. Куршев, М. Международные проблемы борьбы с пиратством // Уголовное право. – 2000. – № 4. – С. 105–107.
8. Михеева, Д.А. Роль России в международном сотрудничестве по борьбе с международным пиратством // Социология и право. – 2014. – № 3 (25). – С. 23–28.
9. The draft of the Doha Declaration, adopted by the Thirteenth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice (12–19 April 2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/documents/congress/Documentation>.
10. Resolution 1722 of the OSCE Parliament Assembly. The Text Adopted by the Assembly of 28 April, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussiandocuments%5D/%5B2010%5D/%5bApr2010%5d/Res1722_rus.asp.
11. Савельев, Н.В. Международное сотрудничество – важнейший элемент морской безопасности государства // Транспортная безопасность и

технологии. – 2008. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transafety.ru/issue.php?m=51&art=846>.

REFERENCES

1. *The Agreement was finalised on 11 Nov 04: 1st multilateral government-to-government anti-piracy effort in the region. ASEAN 10 + 6 (China, Republic of Korea, Japan, India, Bangladesh & Sri Lanka)*. Available at: <http://www.recaap.org/AboutReCAAPISC.aspx> (accessed 10 September 2015).
2. *Report of the International Maritime Bureau 2015*. Available at: <http://www.msecurity.ru/rus/page161/> (accessed 3 September 2015).
3. Eshchenko Ya., Novikov A. Sposoby protivodeistviya morskому piratstvu [Methods of Counteracting Maritime Piracy]. *Morskoi sbornik*, 2014, no. 1, pp. 55–58.
4. Knyazeva N.A., Knyazeva E.A. Primenenie norm mezhdunarodno-pravovogo kharaktera kak odin iz sposobov protivodeistviya morskому terrorizmu i piratstvu [The Application of International Law Standards as a Means to Counteract Maritime Terrorism and Piracy]. *Kriminologicheskii zhurnal*, 2014, no. 4, pp. 175–187.
5. *Code for the Security of Ships and Port Facilities on December 12, 2002*. Available at: <http://www.midships.ru/documents/ISPS.html> (accessed 5 September 2015).
6. *UN Conventions on the Law of the Sea at 10 December, 1982*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/ (accessed 5 September 2015).
7. Kurshev M. [International problems of combating piracy]. *Ugolovnoe pravo*, 2000, no. 4, pp. 105–107.
8. Mikheeva D.A. Rol' Rossii v mezhdunarodnom sotrudnichestve po bor'be s mezhdunarodnym piratstvom [The Role of Russia in the International Collaboration on Counteraction to International Piracy]. *Sotsiologiya i pravo*, 2014, no. 3 (25), pp. 23–28.
9. *The draft of the Doha Declaration, adopted by the Thirteenth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice (12–19 April 2015)*. Available at: <https://www.unodc.org/documents/congress//Documentation> (accessed 5 October 2015).
10. *Resolution 1722 of the OSCE Parliament Assembly. The Text Adopted by the Assembly of 28 April, 2010*. Available at: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussiandocuments%5D/%5B2010%5D/%5bApr2010%5d/Res1722_rus.asp.
11. Savel'ev N.V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo – vazhneishii element morskoi bezopasnosti gosudarstva [International cooperation – an essential element of maritime security of the state]. *Transportnaya bezopasnost' i tekhnologii*, 2008, no. 4. Available at: <http://www.transafety.ru/issue.php?m=51&art=846> (accessed 5 September 2015).

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт, директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, проректор ДВФУ, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung), Председатель Совета, ShinIL Educational Foundation, Seoul Cyber University, г. Сеул, Республика Корея.

Пак Ноенг, декан Юридического факультета Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почетный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel), заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен, профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxiu), председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Volkman-Bascom Professor of Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor in Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor in Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

Alexander I. Korobeev, Doctor in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President of Far Eastern Federal University, Director & Dean, School of Law, FEFU, Vladivostok, Russia.

Lee Se Ung, Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Dean, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor in Historical Sciences, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Daniel C. Sneider, Associate director for research at the Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, USA.

Kuen-chen FU, Ko Guan Chair, Professor in Law, Ko Guan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Huang Daoxiu, Professor, Chairman of the Research Centre for the Study of Russian law, Beijing, PRC.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

2015

№ 3

Главный редактор

В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия

Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков (зам. гл. ред.), С.Д. Князев, А.И. Коробеев (зам. гл. ред.),
Ли Се Ун, Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Ответственный за выпуск

В.В. Короченцев

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная вёрстка *С. А. Стогний*

Подписано в печать. 20.09.2015.

Формат 70x100 1/16. Уч.-изд. л. 9,77. Усл. печ. л. 11,13.

Тираж 500 экз. Заказ 574.

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии

Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10